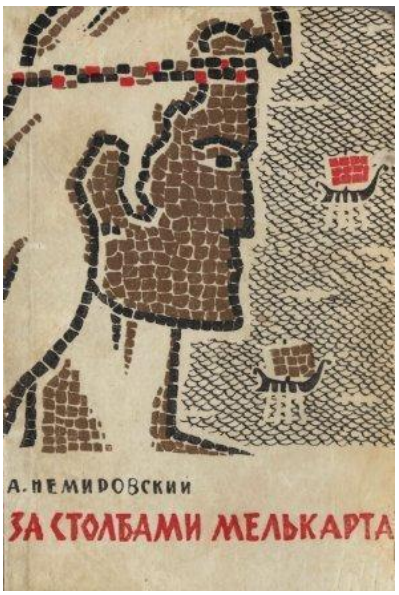
Александр Иосифович Немировский



«За столбами Мелькарта»

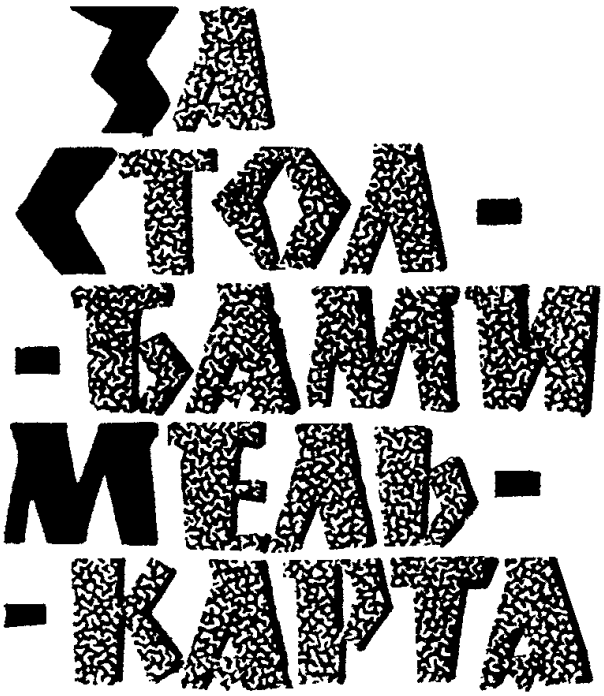
Александр Иосифович Немировский

(1919–2007)

За столбами Мелькарта

Историческая повесть

(Издание второе)



О чём эта книга?

О неведомых странах,

О людях, ушедших на зов океана,

О плаваньи дерзком суффета Ганнона

Вдоль берега Африки непокорённой,

О травах медвяных, о лесе в лианах,

О крокодилах и обезьянах,

О том, как отыскан был остров забытый —

Обломок таинственной Атлантиды,

О трудной погоне за судном пиратским…

Итак, это КНИГА ОТКРЫТИЙ И СТРАНСТВИЙ.

Ганнон-карфагенянин

Человек в море

Волны бежали бесконечной чередой. На них покачивалась человеческая голова. Иногда пловец выбрасывал тело из воды, так что показывались его загорелые плечи, и быстро, жадным взглядом смотрел вдаль. И делал он это всё чаще и чаще. В полдень он увидел парус, но на корабле его не заметили. Судьба и боги отвернулись от него.

В его глазах ещё плясало пламя горящих кораблей, в ушах звенел последний крик на берегу: «Ганнон, вернись!»

Хорошо, что он не внял этому призыву. Лучше погибнуть в море!

Два месяца назад у берегов благословенного богами острова Сицилия показался огромный флот. Им командовал прославленный карфагенский полководец Гамилькар. Карфагеняне решили воспользоваться тем, что эллины[1] заняты войной с персами, и расширять свои владения на острове. Из страха перед могуществом Карфагена многие эллинские города без боя подчинились его власти и прислали заложников. На северном побережье Сицилии одна Гимера не складывала оружия и то лишь потому, что Сиракузы обещали ей поддержку. Гамилькар решил проучить гимерян и двинулся к их городу со всей своей армией и флотом. Гимеряне отразили первое нападение. Тогда Гамилькар приказал вытащить корабли на сушу. Началась осада, долгая и безуспешная. В то утро к войску, осаждавшему Гимеру, должен был прибыть на помощь отряд всадников из Селинунта. По этому случаю в оливковой роще у моря было назначено, торжественное жертвоприношение. Карфагенские моряки и среди них сын Гамилькара

Ганнон были в праздничных белых одеждах. Они надеялись, что прибытие подкрепления из другого эллинского города заставит осаждённых сдаться. Селинунтцы запаздывали. Лишь к полудню на дороге показалось облако пыли. Всадники приветственно размахивали оружием и кричали. Карфагенские моряки бросились им навстречу, радостными криками отвечая на приветствия. Но вдруг всадники издали воинственный вопль: «Эйаа!» В карфагенян полетели тучи копий, стрел, дротиков. Это сиракузяне, союзники Гимеры, с ликующим рёвом набросились на ошеломлённых карфагенян, потом подожгли корабли, и они, рассохшиеся от долгого пребывания на суше, запылали, как факелы.

Вскоре почти все карфагенские моряки были перебиты или лежали на песке со связанными руками и ногами. Только один Ганнон ещё защищался от наседавших со всех сторон сиракузян. Он стоял спиной к морю, размахивая обломком весла. Победители могли убить Ганнона, но им хотелось взять его живым. Сиракузян становилось всё больше, и Ганнон под их напором медленно отступал в море. Когда вода дошла ему до колен, он швырнул весло в врагов и бросился в море. Вскоре он уже был далеко от берега. Вот тогда кто-то из лежавших на песке пленников и крикнул ему: «Ганнон, вернись!»

Но он плыл всё дальше и дальше в надежде добраться до одного из прибрежных островков или встретить какой-нибудь корабль. По его расчётам, он должен был уже давно достигнуть земли или хотя бы увидеть её, но вокруг него было море. Тогда отчаяние охватило Ганнона. Он ещё раз выбросил тело из воды и вдруг увидел совсем недалеко треугольный голубоватый парус. На этот раз пловца заметили, и вскоре, тяжело дыша, он лицом вниз лежал на палубе. Ручейки стекали с его тела и расплывались лужицами вокруг.

— Лопни мои глаза, глоток вина ему не помешает! — услышал Ганнон над собой весёлый голос.

Засыпая, он чувствовал, как чьи-то руки приподняли его голову и в рот полилась обжигающая влага.

Когда он проснулся, ослепительно сверкало солнце. Переливающиеся на волнах блики резали глаза, а спину жгло так, словно он находился рядом с гончарной печью. Сколько он проспал? День или неделю?

Повернувшись на бок, Ганнон окинул взглядом корабль. Невысокая съёмная мачта была как на египетских судах, но изгиб кормы был крутым, как на кораблях эллинов. Голубой парус оглушительно хлопал, и это хлопанье сливалось с ласковым шёпотом волн, потрескиванием снастей. Это была давно знакомая и любимая Ганноном музыка моря. Внимая ей, Ганнон чувствовал, как к его вискам приливает жаркий поток крови и руки наполняются силой. Но вдруг им овладела тревога: «Чей это корабль? Почему у него голубой парус, издали сливающийся с волнами?»

Ганнон поднялся. На корме, в тени паруса, он увидел двух обнажённых до пояса людей. Один был худой, с узким лицом и прямой, как лопата, бородой. Другой — толстяк. Они сидели друг против друга. Между ними лежала связка каких-то растений, и оба размеренными движениями рук, в которых поблёскивали ножи, рубили стебли на куски и с видимым наслаждением высасывали их.

— Отоспался? — спросил бородач на языке эллинов и внимательно осмотрел спасённого с ног до головы.

Ганнон достаточно знал эллинский язык, чтобы по произношению определить, что бородач не эллин.

— Ты беглый раб? — спросил бородач, играя ножом.

В его худощавом лице чувствовались энергия и воля. Глубоко сидящие глаза смотрели властно и решительно. Ганнон не сомневался, что перед ним кормчий или владелец судна. Он рассказал ему коротко о Гимере и о том, как оказался в море.

— Так ты пун?[2] — не то с удивлением, не то с радостью воскликнул бородач.

Эти слова прозвучали на финикийском языке. Видно было, что незнакомец владеет им лучше, чем эллинским.

Оживился и толстяк. Схватив бородача за руку, он радостно загоготал:

— Славная нам попалась рыбёшка! Лопни мои глаза, если мы не соскребём с неё золотую чешую!

Он довольно хлопнул себя ладонями по коленям и подмигнул бородачу.

— Не торопись, Саул, — спокойно возразил тот, засовывая в рот кусок стебля.

Выплюнув полуразжеванную массу себе под ноги, он неожиданно повернулся к Ганнону:

— Я Мастарна, сын Тархны. Говорит тебе что-нибудь моё имя?

С нескрываемым любопытством смотрел Ганнон на своего собеседника. Неужели это сын царя, изгнанного восставшими римлянами, знатный этруск,[3] ставший пиратом? Его именем жёны рыбаков и пастухов пугают детей. Он отваживается нападать и на военные корабли. Ему платят дань четырнадцать портовых городов Сицилии только за то, чтобы он не заходил в их гавани. Говорят, что Мастарна бывает и в Карфагене на собственном судне, хотя это и запрещено законами. Но что для пирата законы! К тому же он выбирает время, когда на море буря и всем разрешается в течение пяти дней оставаться в гавани, брать воду и чинить корабли. Старые моряки смеются: «Началась буря — жди Мастарну». Почему-то власти смотрят сквозь пальцы на проделки пирата. Поговаривают, что в храме Тиннит[4] у Мастарны сильная рука, что у него какие-то дела со жрецами. Мало ли что рассказывают о Мастарне!

— Что же ты молчишь? — спросил бородач. — Говори! Кто ты?

— Я Ганнон, сын суффета Гамилькара.

— Сын суффета! — Толстяк раскрыл от удивления рот.

вернуться

1

Эллины — самоназвание древних племен, которых мы, вслед за римлянами, называем греками.

вернуться

2

Пунами жители Италии называли карфагенян.

вернуться

3

Этру́ски — могущественный народ, живший в Средней и Северной Италии. Начиная с VI в. до н. э., этруски вели войну за обладание Южной Италией и прилегающими к ней островами.

вернуться

4

Тинни́т (старое написание Танит) — богиня плодородия и любви, лунное божество. Храм Тиннит был древнейшим на территории Карфагена.

Ганнон молча кивнул.

— Мы плывём в Карфаген, — проворчал бородач. — Тебе повезло.

— Какое дело ведёт тебя в мой город? — спросил Ганнон.

Но этруск, казалось, не расслышал этого вопроса.

— Моя «Мурена»[5] идёт в Карфаген, — повторил он, засовывая нож за пояс. — Я высажу тебя на берег без выкупа, — добавил он после короткой паузы. — Наши деды были союзниками.

Толстяк как-то смешно дёрнулся и зачмокал губами от удивления:

— Лопни мои глаза! Ты ли это, Мастарна?

— Золотой чешуи не будет! — резко бросил этруск. И Мастарна стал расспрашивать Ганнона о битве под Гимерой.

— Ловко же вас надули эллины! — смеялся он. — Клянусь морем, они перехватили письмо твоего отца. А может быть, в Селинунте были предатели. Так ты говоришь, вы им ещё обрадовались… Ха-ха-ха!.. На одном корабле тесно двум кормчим, — продолжал он серьёзно. — Сицилией будет владеть кто-то один. Но на вашем месте я не стал бы проливать кровь за жалкие клочки земли. За Столбами[6] — земли непочатый край, богатой и плодородной. Собери колонистов — и на корабли.

Ганнон задумался. Он давно уже мечтал побывать во Внешнем море. Ему хотелось посетить те места, которые описывал Гимилькон,[7] или высадиться на западном берегу Ливии. Это могло бы принести ему богатство и славу. Но что дало бы республике? О чём же говорит этот этруск? Отказаться от Сицилии, чтобы на далёких берегах основать новые колонии? До Гимеры эта мысль показалась бы ему дикой, но теперь… Может быть, этруск прав. Спасение Карфагена — на берегах океана. Выждать время, собраться с силами, а потом будет видно, кому владеть Сицилией.

С «гнезда», укреплённого на верхушке мачты, раздался свист. Ганнон подбежал к борту. В туманной дымке показалась узкая полоска земли.

Впереди — жизнь и свобода. Вспыхнули в памяти знакомые родные образы, и вдруг, вытеснив всё, перед глазами встало смуглое девичье лицо, глаза с длинными трепещущими ресницами.

— Синта, я не забыл тебя! — прошептал юноша.

Мут и Мелькарт

Широко расставив ноги. Ганнон стоял на Языке[8] и жадно вдыхал солёный морской воздух. Ветерок шевелил длинные чёрные волосы. Тихо набегала волна, заливая ноги по щиколотки. Чудовище, которое чуть не поглотило его, ластилось, как собачонка, прося прощения.

Ганнон прикрыл глаза ладонью. Как нежный голубой цветок, на горизонте цвёл и покачивался парус. Это уходил корабль Мастарны. Пират высадил Ганнона на Языке и направил свою «Мурену» к противоположному берегу залива, где были укромные бухточки. Ганнон поймал себя на том, что любуется ловкостью и быстротой, с какой пираты повернули своё судно против ветра. И впрямь можно было подумать, что это не корабль, а настоящая мурена, хищная и увёртливая. Вправе ли Ганнон интересоваться делами пиратов? Его высадили на сушу и даже не взяли выкупа. Как это не похоже на всё то, что слышал он о жадности и жестокости Мастарны! А может быть, ему придётся встретиться со своими спасителями? Тогда они убедятся, что Ганнон умеет быть благодарным.

Ганнон зашагал, оставляя на влажном песке глубокие следы. Как ни любил он море, ему всегда приятно было возвращение в родной город. Смутные, неясные ощущения охватили его душу.

Вдруг он увидел большую толпу, спускающуюся на песчаную отмель. Люди — в потёртых плащах, подпоясанных простыми верёвками, в поношенных туниках,[9] в выгоревших на солнце широкополых шляпах. В

руках у многих серпы. За толпою громыхал возок, запряжённый парой круторогих волов. Он был накрыт широким белым холстом. Края холста раздувались при каждом порыве ветра.

По песчаному взморью важно ходили вороны. Вот они лениво поднялись в воздух, и чёрная туча на миг затмила солнце. Карканье слилось с шумом моря. Запрокинув головы, землепашцы смотрели на птиц и прислушивались к их крикам. Потом они упали на колени и семь раз погрузили серпы в морскую влагу. Простирая руки к морю, они запели:

— О Мелькарт! Благостный бог, податель жизни, явись к нам тучей, разразись светлым дождём. О Мелькарт!

С возка сорвали холст. Показались двое. Сильные, широкоплечие юноши. Один в голубом, другой в чёрном плаще.

Какой-то мальчик громко спросил у сутулого бородатого человека с худым, обожжённым солнцем лицом:

— Отец, кто это?

— Мелькарт и Мут, — ответил тот шёпотом.

Двое на возке обхватили друг друга. Окружив возок, землепашцы напряжённо следили за схваткой сил смерти и жизни. Победит чёрный — значит, на дождь нечего рассчитывать и смерть возьмёт их всех к себе. Одолеет голубой — можно ждать и надеяться.

Чёрный подтащил голубого к самому краю возка. Сейчас он его опрокинет! Но голубой ловко вывернулся и под радостный крик толпы сбросил чёрного, и тот покатился к морю.

— О Мелькарт! Слава тебе, о Мелькарт! — послышались возгласы.

Люди медленно потянулись к дороге. Ганнон проводил их взглядом. Не раз ещё в детстве следил он за священной схваткой. Тогда это было для него интересной игрой. Но теперь он знает, что значит для этих отчаявшихся людей дождь. Бог Мут послал на его родину засуху и

бесплодие. А тут ещё Гимера! Правильно говорят в народе: беда не приходит одна.

Ганнон взглянул на море. Оно лежало у его ног, бесконечное, сияющее, прекрасное. Много сотен лет назад высадились здесь, на песчаной косе, люди страны Ханаан,[10] прадеды этих бедняков.

Они вдохнули жизнь в каменистую землю, прорыли каналы, насадили пальмы и смоковницы. Они построили дворцы и храмы, воздвигли эти неприступные, подымающиеся двумя ярусами стены, квадратные грозные башни. Они спустили на воду сотни кораблей, которые теперь покачиваются на волнах Кофона[11] или бороздят моря, доставляя своим владельцам сказочные сокровища. Эти люди создали славу и величие Нового города,[12] но боги не дали им счастья.

Путь Ганнона лежит через Магару, предместье, заселённое богатыми купцами и землевладельцами. Казалось, здесь не властен всеиссушающий Мут. Сады, щедро орошаемые водой каналов, сверкают весёлой, яркой зеленью. Пахнет миндалём и мятой. С ветвей, дразня глаз, свисают крупные, сочные плоды. На плоских черепичных крышах под огромными пёстрыми зонтами нежатся владельцы всех этих богатств, равнодушные ко всему на свете, кроме собственной выгоды. А внизу, у глиняных пифосов[13] с вином и маслом, суетятся рабы. Большие рыжие псы исступлённо лают на Ганнона, словно чуют в нём угрозу этому миру сытости и довольства.

вернуться

5

Муре́на — хищная рыба в Средиземном море. Здесь — название корабля.

вернуться

6

Древние обитатели Средиземноморья представляли себе, что Средиземное море отделяется от Атлантического океана двумя столбами, составляющими как бы ворота. По преданию древних финикийцев, эти столбы воздвиг бог солнца Мелькарт, который ежедневно проходил через них в царство ночи. Греки называли их Столбами Геракла, римляне — Столбами Геркулеса. Позднее этот пролив стал называться Гибралтарским.

вернуться

7

Гимилько́н — известный карфагенский мореплаватель. В конце VI века до н. э. Гимилькон совершил плавание в Атлантический океан, обогнув Испанию.

вернуться

8

Языком называлась песчаная коса внешней, торговой гавани Карфагена.

вернуться

9

Ту́ника — одежда в виде рубашки, шившаяся из цельного куска материи.

вернуться

10

Ханаа́н — территория современной Сирии и Палестины, заселённая в древности племенами ханаанеев. Эти племена были известны грекам под именем финикийцев.

вернуться

11

Кофо́н — внутренняя искусственная гавань Карфагена.

вернуться

12

Новый город — имеется в виду Карфаген, или Кархадашт, как его называли сами карфагеняне.

вернуться

13

Пи́фос — огромный глиняный чан для хранения вина, масла, мёда и воды.

Синта

В храме полумрак. Свет едва проникает сквозь круглые оконца и ложится на гладкие квадратные плиты пола, на серые гранитные колонны.

Между колоннами пробирается Синта. Розовая туника плотно облегает стройное тело и делает девушку похожей на бабочку, нечаянно залетевшую в храм и мечущуюся в поисках выхода.

Лишь вчера отец увёл Синту из дома. Припав к ногам отца, девушка умоляла: «Лучше убей меня!» Но Миркан был неумолим. «Ты должна это

сделать ради брата, — говорил он. — Магарбал хочет принести его в жертву Владычице Тиннит. Спасти его можешь только ты!»

Девушке внезапно представилось: над нежной шеей Шеломбала навис кривой медный нож. Толпа, взбудораженная страшным зрелищем, кричит: «Крови! Крови!»

Может ли она это вынести? Она готова на всё: «Отец, веди меня к Магарбалу!»

Какие страшные глаза у этого аспида! Когда он смотрит на тебя, кажется, что в жилах останавливается кровь.

Что она должна делать в храме? Обрезать фитили храмовых светильников, кормить священных голубей и в дни праздников встречать чужеземцев, желающих посетить храм.

Внезапно жрец схватил её за плечо, что-то блеснуло у висков, и длинные волосы волною легли на пол.

При воспоминании об этом из глаз Синты вновь хлынули слёзы. Нет кос, которые так любил Ганнон! Что бы он сделал, узнав, что его невеста отдана в храм? Но Ганнон далеко, и теперь она, жрица Тиннит, должна навсегда забыть о любимом.

Синта подходит к статуе Тиннит. В длинных, скрещенных на груди руках богини — полумесяц. Каменное лицо Владычицы величаво и торжественно. Тронут ли её девичьи слёзы? Никогда ещё не видела Синта так близко богиню. В те дни, когда храм наполнялся верующими, даже знатная девушка не могла находиться у ног Госпожи. Но теперь они одни — богиня и её служительница, любовь и её жрица, — и Синта может рассказать ей всё, что тревожит её сердце. Упав на колени, целуя воспалёнными губами холодный камень статуи, Синта страстно шепчет:

— О Владычица Тиннит! Всемогущая, освещающая землю в часы мрака! Облегчи душу от сомнений! Отец отдал меня тебе, но я…

Девушка замолкла и замерла. Её тонкий слух уловил еле слышные шаги и позвякивание ключей. Так звенят ключи на поясе Магарбала. Но верховный жрец не один. Кто же с ним? Девушка скользнула за одну из колонн и прижалась к ней.

— Ты хотел поговорить со мной наедине, — прохрипел Магарбал. — Я тебя слушаю.

Наступила тишина. Её нарушил вкрадчивый, мягкий голос. Девушка чуть не вскрикнула и ещё теснее прижалась к холодному камню. Она узнала голос своего отца, Миркана. «Может быть, отец пришёл за мной?» — мелькнула мысль.

— Чернь неспокойна, о жрец Тиннит! — начал Миркан. — Толпу волнуют тёмные слухи. Исступлённые пророки предсказывают новые бедствия. Они призывают народ брать всё и плыть за Столбы Мелькарта. Вчера землепашцы пришли к морю просить дождя, а завтра они могут явиться за попутным ветром. А если они покинут Карфаген, кто будет управлять парусами, ковать мечи, лепить посуду и возделывать поля? Кто будет воздавать жертвы богам в наших храмах? Хорошо, если мы овладеем Гимерой. А если нет? Тогда нас может спасти лишь чудо.

— Чудо?.. Ты прав, суффет. Чудо, явленное в доме Владычицы, не раз уже спасало Карфаген.

У входа в светилище послышался шум. Гулко отдавался топот ног. Кто-то звал:

— Суффет, суффет!

У алтаря человек остановился, видимо, не решаясь сказать, что привело его в храм.

— Что же ты молчишь? Проглотил язык? — грубо спросил Миркан, недовольный тем, что прервали его разговор с Магарбалом.

— Беда, суффет! — тихо сказал страж. — Наш флот у Гимеры сожжён. Моряки в плену. Вернулся один Ганнон.

Маленький друг

Синта — в храме Тиннит! Несколько дней, Ганнон не выходил из дому, предаваясь горестным размышлениям. В памяти вставали картины детства, и оно теперь ему казалось таким далёким, как гавань в безбрежном море.

Вот здесь, по плитам этой улицы, он катал обруч. Однажды обруч закатился во двор. Вскарабкавшись на высокую каменную стену, Ганнон увидел в тени смоковницы девочку с большой глиняной куклой в руках. Синта чем-то неуловимым напомнила покойную мать, хотя у матери были светлые волосы и серые глаза, а у этой девочки — чёрные волосы и глаза, как у него самого… Потом Ганнон и Синта вместе бродили по садам, вдоль берега быстрого и говорливого Баграда,[14] лежали на горячем песке Языка и плескались в волнах Кофона. Детская дружба переросла в любовь, глубокую и сильную. Синта стала невестой Ганнона. Миркан, казалось, относился к этому благосклонно. Свадьба была отложена до возвращения Ганнона из Сицилии. Как он ждал встречи с любимой! А теперь его надежды обмануты. Синта — вечная пленница храма Тиннит. Наследнику Миркана, его сыну Шеломбалу, угрожал жертвенный нож. Но разве такой богатый человек, как Миркан, не мог найти какого-нибудь раба, похожего на его сына, чтобы принести его в жертву Тиннит? Магарбал посмотрел, бы на этот обман сквозь пальцы. Но Миркану казалось почётнее иметь дочь-жрицу. Ганнон стиснул зубы, чтобы сдержать готовый вырваться крик.

Ганнон поднял голову. Взгляд его упал на бронзовое зеркало, висевшее в углу. Он с трудом узнал себя. Сухие глаза потускнели, как

светильник без масла, щёки запали. Горе наложило на лицо свою печать.

Всюду разбросаны глиняные амфоры из-под вина. Ганнон машинально их пересчитал. Одна, две, три… Совсем недавно, до краёв наполненные вином, они стояли на столе, как танцовщицы, готовые пуститься в пляс. А вокруг бушевало веселье. Сколько планов было у каждого из его друзей! Весёлый, жизнерадостный Мерибал грезил о воинской славе. Глаза его, горевшие блеском молодости, наверное, уже выклевали сицилийские коршуны. А Эшмунзар, мечтавший стать зодчим! Где он теперь? Может быть, в страшных сиракузских каменоломнях? Из-под Гимеры в Карфаген возвратился лишь один Ганнон, вернулся, чтобы испить горькую чашу одиночества.

Отец Ганнона, Гамилькар, не вынес позора Гимеры. Он бросился в огонь жертвенника. Об этом Ганнон узнал позднее, в Карфагене. Суровый воин Гамилькар провёл всю жизнь в походах и возвратился в Карфаген только для того, чтобы отчитаться перед Советом. «Мой дом там, где бой!» — любил он говорить. Мальчику было приятно, что у него такой отец. Он ждал его возвращения, ценил его скупую мужскую ласку. В этом году Гамилькар взял Ганнона с собой. Ганнону исполнилось двадцать лет, и отец поручил ему корабль. И он не раскаялся в этом. «Отец, ты погиб в огне, как подобает слуге Мелькарта,[15] — думал Ганнон. — В память о твоих заслугах Совет приказал воздвигнуть тебе статую. Но на твоё имущество покушаются шакалы ростовщики. Городской дом и загородное поместье — вот и всё, что осталось от твоих владений!.. Да, жизнь бессмысленна, как эта опорожненная амфора». Ганнон с силой ударил по сосуду ногой. Он услышал далёкий будоражащий шум города. Его потянуло к людям.

И вот он уже на главном базаре, у торговой гавани. Тележки торговцев стоят рядами, такие же, какими он видел их ещё ребёнком, проходя вместе с отцом. Пёстрая разноязычная толпа бурлит на площади, переливаясь на соседние улицы.

Кричат разносчики:

— Ай, лепёшки! Что за лепёшки! Отведай их — проглотишь язык!

Слышатся пронзительные голоса:

— Вот угли! Кому угли!

Продавцы тканей развёртывают куски окрашенной пурпуром материи, и ткань надувается ветром, как парус сказочного корабля. Блестят покрытые эмалью амулеты на столах у ювелиров. Здесь же можно приобрести скарабеи с изображениями и именами бесчисленных египетских богов — Исиды, Амона, Ра, Пта, Гора, Анубиса. Мода на скарабеи и другие предметы египетского стиля была в Карфагене столь же стойкой, как в городах Сицилии и Этрурии. Менялы бесцеремонно останавливали прохожих и что-то им доверительно шептали. Нет, Ганнону не нужно ни углей, ни тканей, ни сицилийских серебряных монет. В городском шуме, в базарной сутолоке он хочет найти покой, как в вине ищут забвения.

вернуться

14

Багра́д, теперешний Мадрежд, — река, текущая с гор Нумидии. Впадает в море близ Карфагена.

вернуться

15

На языке карфагенян **Гамилькар** — слуга Мелькарта, бога солнца. Согласно карфагенским верованиям, Мелькарт погиб в огне.

Покинув Большой базар, Ганнон направился к Кузнечным воротам. В городской стене двенадцать ворот, и у каждых ворот живут ремесленники: гончары, мукомолы, валяльщики. Отсюда ворота и получили свои названия.

У Кузнечных ворот шумно. В нишах, под сводами, пылают горны. Кузнецы и молотобойцы в кожаных передниках и рваных туниках стоят у

наковален. Юркие ручники и огромные молоты бьют по раскалённым полосам металла. Голубые искры, как брызги, разлетаются во все стороны. По неровным камням мостовой громыхают повозки. Стражник, преградив дорогу ослику, нагруженному какими-то мешками, кричит землепашцу:

— Не пущу! Плати пошлину!

Четверо чернокожих с блестящими от пота спинами тащат носилки, в них восседает человек. Его щёки трясутся, как студень, а на голове прыгает красный колпак. Впереди носилок бегут сухопарые смуглые нумидийцы. Они неистово вопят:

— Прочь!

На площади молчаливая толпа горожан окружила какого-то измождённого человека в чёрном плаще и с железными цепями на шее. Волосы на его голове похожи на спутанную лошадиную гриву. Глаза сверкают. Он исступлённо кричит:

— Кайся! Оскудеет земля ваша. Придут враги и сделают её пустыней, и уморят жаждой. Иссякнут ручьи и реки, засохнут сады. Луга и нивы покроются песками. Кайся! Они разрушат дома, где гнездится обман и торжествует бесстыдство. Огонь истребит этот город, сожрёт сокровища и богатства. Кайся! Будут сокрушены алтари и поруганы храмы. В них поселятся шакалы и змеи. Море поглотит ваши корабли, и даже имя ваше будет стёрто без остатка. Кайся!

— Кто это? — спрашивает Ганнон.

— Эшмуин, благочестивый пророк, — шепчет сосед Ганнона. — Днём и ночью он бродит по городу.

С протянутыми вперёд руками пророк двинулся по площади, и толпа хлынула за ним.

Ганнон один со своими мыслями. Как по пурпурному закату судят о ветреном дне, так появление пророков предвещает мятеж народный.

Садовник весной срезает верхние ветви яблони, чтобы укрепить её ствол. Чтобы возвысить Карфаген, надо удалить излишние ростки, пересадить их в новое место, основать новые города. Мысль, случайно брошенная пиратом, пустила в душе Ганнона глубокие корни, и с каждым днём он находил всё новые доводы в её пользу.

По узкой, застроенной высокими домами улице Ганнон двинулся к храму Тиннит. Огороженный кирпичным забором двор не устлан гладкими каменными плитами, как дворы в этой части города, но засажен деревьями и цветами, как подобает святилищу богини плодородия. Каштаны, сходясь густозелеными кронами, образовывали свод. И сквозь него посыпанная жёлтым песком дорожка вела к невысокому зданию из серого камня. На колоннах и деревянных карнизах гнездились стаи белых голубей. Голуби стонали. Их плач наполнил сердце Ганнона печалью.

Вдруг кто-то его окликнул. Ганнон вздрогнул от неожиданности и резко повернулся. Немолодой человек в грубой, стянутой войлочным поясом тунике держал за руку мальчика лет двенадцати с кроткими и печальными глазами.

— Господин! Да сопутствует тебе счастье! Не купишь моего мальчика? Можешь его отдать в храм. Скоро праздник Тиннит.

Смысл этих слов не сразу стал понятен Ганнону, и незнакомцу пришлось повторить свой вопрос.

Ганнон вздрогнул. «Значит, есть люди ещё более несчастные, чем я, — подумал он. — У меня отняли Синту, а этот человек продаёт своего сына, продаст его каждому, кто хочет принести Тиннит кровавую жертву!»

— Зачем ты продаёшь своего ребёнка? — ужаснулся Ганнон.

Незнакомец уловил во взгляде Ганнона сочувствие.

— Я одолжил зерно у богатого соседа, но новая жатва даже не вернула мне семена. Если завтра не возвращу долга, у меня отберут участок. Я и

пришёл в город. Хотел отдать сына своего Гискона в обучение кузнецу и получить плату вперёд. Кузнец обругал меня: «Ты думаешь, я кую деньги?» Горшечник Мисдесс, чья лавка у Горшечных ворот, сказал нам: «Зачем людям горшки, когда в них нечего класть?» Вот мы и пришли сюда.

Рассказ землепашца взволновал Ганнона. Он увидел что-то общее в судьбе этого мальчугана и Синты. Мальчик должен стать жертвой Магарбала. Нет, он этого не допустит.

Ганнон достал мешочек и отсчитал десять кожаных монет.

— Возьми! — сказал он, протягивая деньги. — Отдай долг.

Широко раскрыв глаза, бедняк смотрел на Ганнона. Десять кожаных монет! Их хватит не только на уплату долга с процентами, но и на покупку зерна для нового урожая.

— Так это мои деньги? — недоверчиво спросил землепашец.

— Ну да, твои! — Ганнон положил монеты в его руку.

Повернувшись, Ганнон хотел было идти, но землепашец поспешно тронул его за плечо.

— А мальчик? Почему ты не берёшь мальчика?

— Мне ничего не нужно от Тиннит, — ответил Ганнон. — Я уже принёс на её алтарь дар, самую дорогую жертву.

— Может быть, тебе нужен слуга?

— Мне не надобны слуги, — молвил нетерпеливо Ганнон. — К тому же я не кузнец и не горшечник, — добавил он, прочитав недоумение на лице землепашца. — Какому ремеслу я могу обучить твоего сына? Я ведь моряк.

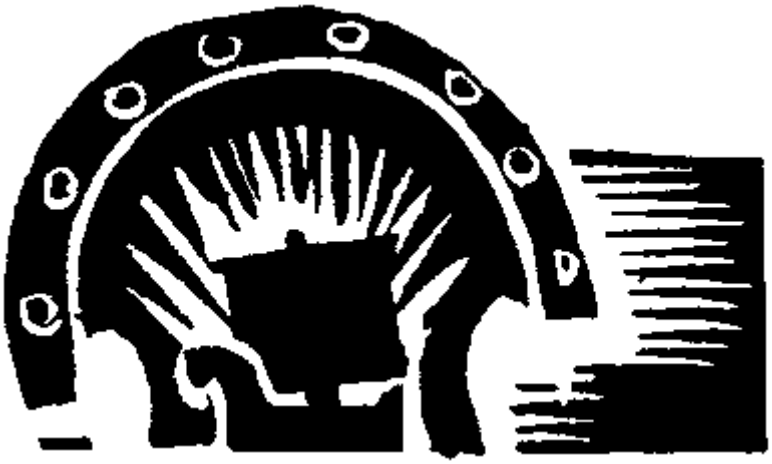
Услышав слово «моряк», мальчик, всё время безучастно слушавший разговор отца с незнакомцем, встрепенулся.

— О господин, — взмолился он, — научи меня морскому делу! Возьми меня к себе!

Ганнон взглянул на святилище. В глазах его блеснул огонёк. «Не сами ли боги посылают мне этого мальчика?» — подумал он и положил руку на худенькое детское плечико:

— Ну что ж, Гискон, идём! Я сделаю из тебя моряка!

Таинственная табличка



Ганнон стоял в углу, спиной к двери, и перебирал щиты. Под Гимерой Ганнон потерял всё своё оружие, и вот теперь он отправился в оружейную лавку, чтобы купить меч и щит.

Ганнону понравился меч лидийской работы со слегка изогнутой рукояткой. А вот щит по своему вкусу он никак не может найти. Все щиты были деревянные.

— А нет ли у тебя какого-нибудь металлического щита? — обратился он к оружейнику, услужливо державшему перед, ним светильник.

— Есть один, — как-то нерешительно отозвался оружейник и, чуть помедлив, удалился в заднюю комнату, служившую ему жилищем.

Он вынес оттуда продолговатый щит, завёрнутый в кусок холста. В бронзу, позеленевшую от времени, были искусно вставлены кусочки серебра, золота и слоновой кости. Мозаика из металла! Ганнон подошёл к двери, поставил щит на ребро, так, что на его поверхность упали

солнечные лучи, и его взору открылось море, покрытое мелкими чешуйками волн. Из воды поднимались две скалы. Между ними, в самой середине щита, проходил корабль. Его борт был выложен из маленьких кусочков серебра, а квадратный парус — из олова. На палубе можно было разглядеть крошечные фигурки моряков. На изогнутом, как лебединая шея, носу — женщина. Она вдвое больше человечков. Её длинные волосы развеваются на ветру. В обнажённых руках женщина держит двух змей. В верхней части щита, у самого обода, — золотой солнечный диск, наполовину затонувший в волнах.

— Откуда у тебя этот щит? — воскликнул в восхищении Ганнон.

— Мне оставил его в залог незнакомый эллинский моряк, — отвечал оружейник. — Это было года два назад. Он просил год не продавать щит. Обещал не только вернуть залог, но и дать столько серебра, сколько весит этот щит.

— Моряку нелегко держать своё слово, — заметил Ганнон. — На долю моряка выпадает столько опасностей! Против него и бури, и подводные камни, и морские чудовища.

— Да, — согласился оружейник. — Я тоже думаю, что этого эллина давно уже сожрали рыбы. Чего же лежать щиту? Купи его, если он тебе нравится.

Рассчитавшись с оружейником, Ганнон взял свои покупки и отправился домой. Повесив меч на стену над своей постелью, он позвал Гискона. Мальчик уже более недели жил в его доме.

— Вот тебе и занятие, — обратился к Гискону Ганнон, передавая щит. — Почистить его, чтобы блестел. Только смотри не поломай. Это древний щит и очень дорогой.

— Хорошо, господин! — радостно отозвался мальчик. Ему было приятно хоть чем-нибудь быть полезным Ганнону.

Ганнон прилёг и сразу же сомкнул глаза. Его разбудил крик:

— Господин! Господин!

Лицо мальчика выражало огорчение. Ганнон встревоженно поднял голову:

— Что случилось?

— Господин! — Мальчуган смотрел на него глазами, полными слёз. — Я не виноват. В задней стенке щита прогнила дощечка. Выпало вот это. — Гискон протянул белую пластинку.

Одна сторона этой костяной пластинки была гладкой, а на другой в две строки были нацарапаны какие-то значки. Под ними стояло по-гречески: «Атлантида». Эти знаки ни о чём не говорили Ганнону. Буквы ли это какого-то неизвестного письма или просто забавные рисунки? Ганнон разглядел человечков, животных и птиц. «А что означает слово «Атлантида»? Может быть, это женское имя или название какой-нибудь страны? Один Мидаклит может раскрыть смысл этого слова», — подумал Ганнон, накидывая на плечи плащ.

Мидаклит

За столом сидит пожилой человек. Седые волосы ниспадают на высокий лоб. Человек настолько углублён в чтение, что не замечает вошедшего в комнату Ганнона.

Мидаклит — учитель Ганнона, и живёт он в Карфагене с того дня, как его родной город Милет был разрушен персами.[16] Он поселился в предместье, заселённом эллинскими купцами и ремесленниками.

Бабушка Ганнона, родом из Мессаны,[17] хотела обучить внука языку своих отцов и пригласила Мидаклита к себе в дом. Гамилькар поддержал намерение своей матери. Ганнону запомнились его слова: «Эллины — наши враги и соперники. Ты должен знать язык врагов Карфагена». И Ганнон научился языку эллинов, как этого хотел отец. Более того: он полюбил этот красивый, звучный язык. После смерти бабушки Ганнон всё реже встречался с учителем, а с того времени, как вышел в море, не видел его ни разу.

В своём маленьком, наполовину вросшем в землю домике Мидаклит проводил время за египетскими, финикийскими, еврейскими свитками. Он не относился, подобно многим своим соотечественникам, презрительно ко всему неэллинскому. Он не называл египтян, карфагенян, евреев варварами. Мидаклит хорошо знал, что в то время, когда египтяне сооружали свои пирамиды и храмы, пользуясь законами геометрии, его собственные предки ещё были дикарями и, одетые в звериные шкуры, бродили по горам. Ему было известно, что задолго до Гомера жили вавилонские певцы, слагавшие гимны о богах и героях, и что ассирийцы умели определять солнечные затмения за четыреста лет до Фалеса,[18] а сидонянин Мох ещё до Троянской войны разработал учение об атомах. Он знал также и о том, что в то время как эллины верили сказкам, что Столбы Геракла — предел света, финикийцы вышли в океан. «Многому нужно поучиться у варваров», — любил повторять Мидаклит. Особенно понял он это здесь, в Карфагене.

— Над чем ты задумался, учитель? — послышалось вдруг.

Мидаклит обернулся.

— Это ты, Ганнон? — радостно воскликнул эллин, поднимаясь навстречу гостю. — Как я рад, что ты не забыл дорогу к моему дому!

— Я её найду и с закрытыми глазами, учитель, — улыбнулся Ганнон. — Это дорога моего детства, а тогда я был так счастлив!

— Я слышал о бедах, свалившихся на твои плечи. Пусть боги вдохнут в тебя мужество!

— Не будем об этом говорить. — Ганнон нахмурился. — Я принёс тебе одну вещь. Думаю, она тебя заинтересует. Вот! — и он протянул эллину табличку.

Мидаклит взял табличку, перевернул её, поднёс к глазам. Ганнон видел, как задрожали его руки, а кончики пальцев, державшие пластинку, побелели.

— Откуда она? — выдохнул эллин.

— Из этого щита. Выпала.

Эллин взял щит обеими руками, и на лице его появилось выражение восторга и удивления. Выставив вперёд правую руку, он стал читать нараспев:

Щит из пяти сложил он листов, и на круге широком
Много чудесного бог, творец вдохновенный, представил.
Изобразил он и землю, и синее небо, и море,
Солнце в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звёзды, какими увенчано небо.

— Твой любимый Гомер? — с улыбкой спросил Ганнон.

Он знал страстную любовь учителя к этому певцу и немного посмеивался над ней. Многое из того, что Ганнон слышал от Мидаклита о войнах и странствиях, описанных Гомером, казалось ему вымыслом, красивой сказкой, не более.

— Да, — отвечал эллин, — и щит, который ты мне принёс, может быть, столь же древен и знаменит, как доспехи, выкованные для Ахилла[19] и воспетые в «Илиаде». Только на этом щите изображены не сельские труды и не сечи, как на Ахилловом, а великий подвиг мореходов, впервые вышедших за Столбы Геракла.

— За Столбы Геракла? — воскликнул Ганнон. В голосе его прозвучало недоверие.

— За Столбы Геракла! — подтвердил эллин. — Или за Столбы Мелькарта, как называете их вы, карфагеняне. Видишь, сколь искусно древний художник изобразил две скалы, встающие из волн? Это и есть рубеж Внутреннего моря и Океана, обтекающего землю. Корабль плывёт на запад, дорогой солнца. Великое светило наполовину погружено в царство ночи.

— Но что это за люди? Чьё это судно? — опросил Ганнон, повернув щит к себе. — Смотри, как высока у него корма, а нос заканчивается раздвоенным тараном. Гребцов защищает верхняя палуба. А вот выступает руль, а не два кормовых весла, как у древних финикийских и египетских кораблей. Нет, это не финикийское судно! А между тем все знают, что мои предки первыми вышли в океан и основали на его берегах поселения в то время, когда твой Гомер помещал у Столбов великанов, держащих на спине небо, и рассказывал другие ещё более невероятные басни.

— Я плохо разбираюсь в кораблях, — сказал эллин. — Признаюсь тебе со стыдом, для меня они все похожи друг на друга. Но смотри, какой странный наряд у этой девы со змеями. Пеплос у неё до щиколоток, а груди обнажены. Это богиня. Но не финикийская. И не эллинская, — добавил он после некоторой паузы.

— Почему же ты думаешь, что это богиня?

— Видишь, она выше других людей. Змеи — это признак божественной власти. Наша богиня Афина часто изображается со змеями.

— На алтаре владычицы Тиннит тоже нарисованы змеи, — вспомнил Ганнон.

— Богиня указывает мореходам путь, — размышлял вслух эллин. — Но куда? Может быть, в Атлантиду? Ведь не случайно табличка с надписью спрятана в этом щите.

— Атлантида — это страна? — спросил Ганнон, присаживаясь на коврик. — Я ничего о ней не слышал. И ты мне о ней не рассказывал.

Эллин подошёл к столу и достал оттуда свиток, перевязанный синей тесьмой.

— Этот свиток, — начал Мидаклит, садясь рядом с Ганноном, — недавно попал в мои руки. Его написал греческий мудрец Солон.

— Не тот ли это Солон, который дал афинянам законы, а после отправился в добровольное изгнание?

— Да, это он, — подтвердил эллин. — У тебя хорошая память… Солон, — продолжал Мидаклит, — много путешествовал и однажды побывал в самой древней стране мира, в Египте. От жрецов прославленного храма богини Нэйт в Саисе Солон[20] узнал о существовании большого острова, расположенного к западу от Столбов Геракла, и записал всё, что ему рассказали египтяне. Остров этот, или, вернее, материк, был заселён мудрым и деятельным народом — атлантами. Ими управляли цари. Атланты, как и древние египтяне, перерезали свою страну каналами, и она расцвела, как весенний цветок. Они возвели прекрасные дворцы и храмы богу моря. На своих судах они совершали далёкие плавания. Не было на земле народа богаче и счастливее атлантов. Но однажды послышался страшный подземный гул. Земля под ногами атлантов разверзлась. Хлынули волны, и Атлантида исчезла в пучине океана.

вернуться

16

Миле́т — греческая колония на побережье Малой Азии. Милет поднял восстание против персидского ига и был разрушен в 494 году до н. э.

вернуться

17

Мессáна — греческая колония в Сицилии.

вернуться

18

Фале́с — знаменитый древнегреческий учёный мыслитель конца VII и начала VI века до н. э. Ему принадлежит ряд выдающихся научных открытий. Особую славу ему принесло предсказание солнечного затмения 585 года до н. э.

вернуться

19

Ахи́лл, или **Ахиллес,** — в греческой мифологии могущественнейший из героев, осаждавших город Трою. Ссора Ахилла с предводителем ахейцев Агамемноном и его победа над троянцами составляют главное содержание «Илиады» Гомера.

вернуться

20

Соло́н — знаменитый афинский мудрец и политический деятель. В 594 году до н. э. провёл законы, отменявшие долговую кабалу и нанёсшие удар по родовой аристократии. Солону не удалось удовлетворить требований враждующих группировок, и он вынужден был покинуть Афины.

— У наших жрецов, — заметил Ганнон, — ты услышишь и не такие басни. Где это видано, чтобы целый материк исчез под водой! Должно же было что-нибудь от него остаться. И почему об Атлантиде ничего не знают в Карфагене?

— По словам Солона, — возразил Мидаклит, — катастрофа произошла десять тысяч лет назад. Тогда не было ни Карфагена, ни его отца — древнего Тира.[21] Поэтому твой народ и не слышал об Атлантиде. Египтяне же древнее вас. Остатки Атлантиды надо искать за Столбами.

— Что ж, давай их поищем с тобой?

— Ты смеёшься над своим старым учителем! Думаешь, я не знаю, что эллинам под страхом смерти запрещено выходить за Столбы? Ведь закон этот принят по настоянию твоего родителя, да будут к нему милостивы подземные боги.

— Я не смеюсь над тобой. — Ганнон взял эллина за руку. — Закон грозит смертью эллинским купцам, а не тебе. Я не смеюсь, учитель! Ты знаешь, что я задумал? Мы обоснуем на землях Ливии колонии, а после этого на нескольких кораблях выйдем в океан. Мы должны узнать, можно ли обогнуть Ливию. Мы поищем твою Атлантиду! Поедешь со мной?

Вместо ответа Мидаклит заключил Ганнона в объятия.

В Совете Тридцати

За длинным прямоугольным столом сидят раби,[22] с каждой стороны по четырнадцать. В зале жарко. Лица советников покрыты капельками пота. Многие дышат, как рыбы, вытащенные из воды.

У узкой стороны стола — два сиденья со спинками из слоновой кости. На одном из них восседает Миркан. В одежде суффета он кажется ещё более тучным. Место другого суффета пустует: новый суффет, вместо погибшего Гамилькара, ещё не избран. Выборы должны состояться через несколько дней.

Распахнулись двери из жёлтого кедра. На пороге появился Ганнон. Приветствуя советников почтительным поклоном, он произносит:

— Да снизойдут на вас милость и благословение богов!

— Что тебе нужно от Совета? — спрашивает Миркан, не поворачивая головы.

— О мудрейшие из мудрых! — ещё раз поклонившись, начинает Ганнон. — В Сицилии мне пришлось пережить горький день Гимеры. На родине я узнал страдания народа нашего. Знойный ветер иссушил поля. Люди насытились горем и напились слезами, как вином. Город не может помочь своим сыновьям. У нас нет хлеба. У нас нет серебра и золота, чтобы купить хлеб. Но за Столбами лежат благодатные земли. Там хватит места для всех, и там много золота. Если вы мне дадите корабли, я доставлю людей в эти земли. Я привезу золото, столько золота, что можно будет иметь тысячи наёмников и построить новый флот. Мы заставим эллинов убраться из Сицилии. Наши порты будут открыты только для друзей. Мы погасим многолетний долг отцу нашего города — Тиру. Я знаю, вас страшит риск. Но попадёт ли птица в петлю, когда силок не натянут? Вздуются ли паруса, если нет ветра? Заполнятся ли сокровищницы, если мы будем сидеть сложа руки?

Наступило долгое молчание. Раби ждали, что скажет суффет, а Миркан не мог никак собраться с мыслями. Как ответить этому мальчишке, едва не ставшему его зятем? Мысль об основании новых колоний очень притягательна. Стоит её высказать — и народ пойдёт за Ганионом, как стадо баранов за вожаком, и снова род Магонидов, к которому принадлежит Ганнон, возвысится, и тогда сыну Миркана Шеломбалу не видать кресла суффета, как собственных ушей. Надо уговорить Ганнона, надо убедить его отказаться от своего замысла.

— Отцы раби! — начал Миркан. — Вы выслушали Ганнона. Я его знаю больше, чем вы, и поэтому утверждаю, что он храбрый юноша. Сердце его обращено к добру, но он ещё молод и горяч. Ганнон призывает вывезти людей за Столбы сейчас, когда враги осмелели. Сегодня мы отправим корабли к Столбам, а завтра эллины подступят к стенам нашего обезлюдевшего города, и ливийцы сразу же придут им на помощь. Ганнон обещает нам привезти золото. Да, нам нужно золото, много золота. Но можем ли мы ради него рисковать кораблями? Вспомните, что говорит мореход Гимилькон о плавании за Столбы.

Вспомни и ты, Ганнон! Ведь это пишет твой дядя. И, может быть, ты поверишь ему больше, чем мне. «Сердце содрогается, когда слышишь о стране безветрия и безмолвия, о кораблях, занесённых в ил или в заросли морских растений, о туманах, о горах изо льда, выступающих из моря». Ганнон! Откажись от своей безумной затеи! Отправляйся в Сицилию. Мы дадим тебе наёмников. Отомсти за смерть своего отца, удостоенного высшего в республике почёта.

Вслед за Мирканом заговорил купец Габибаал. Ганнон немало слышал о его несметных богатствах, нажитых торговлей с Гадесом.[23]

— Отцы! — промолвил купец. — Я позволю себе показать вам эту лампу. — Он поднял над головой простой глиняный светильник с двумя клювами. — Если вы заглянете внутрь этого светильника, то увидите на дне его осадок. Такой осадок есть и в нашем городе. Это чернь, источник вечных волнений и беспокойств. Суффет Миркан советует оставить этот осадок, но всякий знает, что от этого лампа будет чадить. Надо вычерпать чернь со дна нашего славного города. Пусть едет себе на край света! Поможем ей в этом. Избавившись от черни, город и все благонамеренные люди только выиграют.

Последние слова купца потонули в шуме неодобрительных голосов.

Ганнон вышел на площадь и окинул взглядом раскинувшийся перед ним город. Карфаген поднимал вверх головы своих храмов и выпячивал каменную грудь стен и башен. Казалось, он говорил: «Смотри, путник, как я богат, как великолепны мои дома, сколько кораблей в моих гаванях, сколько оружия в арсеналах! Есть ли на берегах Внутреннего моря другой город, который может со мной сравниться?» Но эта внешняя роскошь могла обмануть разве лишь чужеземца. Ганнон знал, что за этими высокими домами прячутся лачуги, жалкие жилища бедняков. У обитателей этих лачуг нет даже масла для светильников, и они живут, как кроты, в темноте. У оград храмов продают детей для кровавых жертв. Габибаал называет бедняков чернью. Он предлагает вычерпать чернь со дна Карфагена, как нечистоты. Но разве не сам Габибаал и те, кто с ним, виноваты в нищете народа? Это ведь не какие-нибудь рабы, а

свободные карфагеняне. С ними не считаются. Говорят от их имени, словно у них нет голоса.

Совет Тридцати не поддержал Ганнона. Но неудача не сломит его. Он пойдёт к кузнецам и валяльщикам, пекарям и горшечникам, он отправится к землепашцам, стонущим от податей и налогов. Они должны его понять! Они помогут ему!

На площади собраний

Огромная площадь Собраний с утра запружена народом. Сегодня выборы второго суффета. В толпе больше всего ремесленников. Они пришли с улицы Пекарей и площади Валяльщиков, от Горшечных и Кузнечных ворот. Их одежда в муке и саже. Немало в толпе и землепашцев в рваных туниках.

У самого помоста кучкой стоят отцы города. Тучный человек в красном колпаке, косясь на толпу, говорит Миркану:

— Зачем сюда позвали этих людей? Горшечники вертят ногами свой деревянный круг, и мысли их вращаются вокруг сосуда. Разве они могут быть мудрыми? Дым иссушает тела кузнецов, жар изнуряет их головы, удары молота оглушают их. Как может стать мудрым тот, кто правит плугом и погоняет волов? Он разговаривает со своими волами и смыслит в управлении государством не больше, чем они.

— Ты прав, — отвечает Миркан. — Но, клянусь Тиннит, никто не звал сюда этих людей. Они пришли сами. И я не помню, чтобы на площади Собраний было когда-нибудь столько народа.

В толпе шныряют какие-то юркие, надоедливые люди. Они нашёптывают землепашцам и ремесленникам: «Не голосуйте за беглеца!..»

Но их никто не слушает. Имя Ганнона у всех на устах. Ему готовы простить и то, что он принадлежит к этому заносчивому роду Магонидов, и даже то, что он был под Гимерой, которая наложила на всех моряков Карфагена чёрное пятно.

вернуться

21

Тир — древнейший финикийский город, основанный по преданию 2800 лет до н. э. Тир вывел ряд колоний в западную часть Средиземноморья, в том числе Карфаген.

вернуться

22

Раби — старейшины Карфагена.

вернуться

23

Гаде́с — колония финикийского города Тира близ южного берега Испании (теперь города Кадикс).

Ганнон обещал народу, что, если его изберут суффетом, он снарядит корабли за Столбы Мелькарта и доставит всех, кто только пожелает, в благодатные края. Там не дуют жаркие, иссушающие ветры. По ночам не крадутся к загонам львы. По каменистым склонам там вьётся виноград, и его завязям не угрожают прожорливые черви. В тенистых лесах живут

непуганые звери, и янтарный мёд стекает из дупел. С горных высот бегут говорливые струи. Там не надо платить за воду, там нет изгородей и запруд. Взрыхляй тучную почву, бросай в неё зёрна и радуйся щедрости земли!

Говорил ли им об этом Ганнон? Нет. Он просто обещал повезти их за Столбы Мелькарта. Рассказы о благодатных землях передавались из уст в уста, обрастая новыми яркими подробностями. Тот, кто вчера рассказывал о них соседу, сегодня выслушивал от него свой же собственный рассказ и не узнавал его.

Но вот на помост поднялись глашатаи. Призывно загудели рога. Заколыхалось море голов. Люди устремились к мосткам. Проходя по ним, они бросали камешки в стоявшие внизу пифосы.

Пифосы стояли по обе стороны мостков, но те, что слева, были полны камешками до краёв, а в тех, что справа, проглядывало дно.

Отцы города ещё теснее прижались к помосту, потрясённые и напуганные невиданным проявлением воли народа. Им было ясно, что Ганнона изберут суффетом. И тогда ему без труда удастся провести через народное собрание любой закон. Это они понимали. И это внушало им страх.

Внезапно раздался крик:

— Ганнон!

Звук, наподобие громового раската, прокатился по площади Собраний, прокатился, подхваченный тысячами голосов, на всех шести улицах, выходящих на эту площадь, и замер у стен Бирсы.[24] Люди рукоплескали, что-то кричали. Они радовались победе своей мечты.

«Серебряный якорь»

Четыре месяца прошло с того дня, как Ганнон стал суффетом. В обязанности суффета не входило руководство армией и флотом. Для этого имелись специальные военачальники и наархи, непосредственно подчинённые совету старейшин. Но Ганнон со свойственной ему энергией взял на себя и их обязанности. Почти всё время он проводил в Кафоне. Здесь готовился к далёкому и трудному пути карфагенский флот. Всё надо проверить самому: крепки ли канаты и паруса, хорошо ли законопачены щели в бортах. Нужно подобрать матросов. В море трусливый и неопытный спутник опаснее мачты с трещиной или прогнившей килевой доски. Вот почему Ганнон так придирчив и требователен к тем, кого он должен взять с собой в море. Шестьдесят кораблей — свыше тысячи моряков. И с каждым надо поговорить, узнать, что это за человек и можно ли на него положиться. Правда, ему помогает кормчий Малх, достойный потомок отважных финикийских мореходов. Малх служил ещё у Магона.[25] Тогда Малху было всего лишь пятнадцать лет. А теперь ему все пятьдесят. Он так долго плавал по морю, что, кажется, его грудь и руки покрылись вместо волос морским мхом и водорослями.

В таверне «Серебряный якорь» часто можно увидеть Ганнона и Малха в окружении моряков или купцов. Вот и сейчас оба потягивают вино из толстых кружек. Напротив них сидит человек лет тридцати. Лицо его кажется безобразным, так как от уха до носа оно изуродовано шрамом. Но если присмотреться внимательнее, у него правильные черты лица, живые и ясные глаза. Тёмно-каштановые волосы образовывают на

голове шапку, едва тронутую у висков сединой. Огромные, как глиняные гири, кулаки лежат на столе.

— Ну, а дальше? — спрашивает нетерпеливо Малх, отставляя пустую кружку.

— Потом пираты меня продали тирянам, — продолжает свой рассказ незнакомец. — Они заставили меня спускаться на дно за раковинами-багрянками. Из них выделывается вот эта драгоценная краска. — И человек бережно касается края плаща Ганнона, окрашенного в пурпур. — Мои товарищи утверждали, что легче быть каменотёсом, мельником, чем ныряльщиком. Но у нас было одно преимущество: нас не держали в оковах. Я не думаю, что хозяин пожалел бы для нас железа. Палок ведь ему не было жалко. Просто он понимал, что под водой нужны свободные руки. Однажды я воспользовался этим и уплыл в море. Меня подобрал эллинский корабль. Кормчий продал меня купцам, промышлявшим добычей губок. Год я вылавливал эти губки. Эллины верят, что губки, повешенные у постели больного, приносят ему исцеление. Я спал на этих губках, но, заболев однажды, чуть не умер. Меня отходила добрая рабыня. Да будут к ней милостивы подземные боги! Хозяин засёк её до смерти. В год, когда на Элладу напал персидский царь Ксеркс,[26] мне удалось бежать. Эллинам было не до рабов. И вот я здесь. Иной раз поможешь нагрузить корабль. Кому сейчас нужны ныряльщики! — Незнакомец вздохнул, видимо думая о Гимере, где был уничтожен флот Карфагена. — Возьми меня, Ганнон! — взмолился он. — Я могу продержаться под водой столько времени, сколько понадобится, чтобы заделать пробоины на днище. Я могу срезать незаметно якоря вражеских кораблей. И с парусами справляюсь неплохо.

— Как твоё имя? — спрашивает Ганнон.

— Адгарбал, — отвечает ныряльщик.

— Ты его знаешь, Малх? — обратился Ганнон к старому моряку.

— Я слышал о нём, — отозвался тот. — В гавани зовут его угрём за ловкость.

— Хорошо. Запиши его в команду «Ока Мелькарта», — распорядился Ганнон.

За широкой спиной нового матроса дожидалось ещё несколько моряков, желавших отправиться в плавание. Ганнон поручил их Малху.

Ганнону надо поговорить ещё с сисситами.[27] Их возглавляет сам Габибаал. Нет, не случайно он поддержал Ганнона в Совете Тридцати. Сейчас сисситы слетелись в гавань, как осы на мёд. За ними нужен глаз да глаз. Они привыкли извлекать выгоду из всего — из радости и из горя. Они норовят подсунуть суффету всякую гниль и получить за неё побольше, как за хороший товар. А государственная казна пуста. Ганнону пришлось продать последнее загородное имение отца, заложить менялам все свои драгоценности.

Родные смотрят на Ганнона, как на безумца. Они злословят, что он хочет утопить на морском дне достояние рода Магонидов. Они забыли, что не земля, а море принесло Магонидам славу.

«Свист плетей приятнее завывания бури», — любят они говорить. И верно, плетью они выколачивают недурной доход. Но разве пристало мужчине проверять курятники и свинарники, вдыхать запахи навоза, слышать вопли избиваемых рабов! Ганнон предпочитает всему этому просолённый морской воздух, вой ветра в снастях, бесконечный простор.

* * *

Уже стемнело, когда у дверей «Серебряного якоря» появилась детская фигурка. Её можно было видеть в этот час каждый день. И хозяин таверны и все матросы знали этого мальчика. Одни считали его слугой суффета, другие — воспитанником, третьи говорили, что это его младший брат.

Заметив мальчика, Ганнон поспешил ему навстречу.

— Ты её видел, Гискон? — нетерпеливо задал вопрос Ганнон. — Что она ответила?

— Видел, господин. Она прочитала твоё письмо. Она согласна.

Ганнон от радости схватил мальчика и подбросил его в воздух. Опуская его на землю, он рассмеялся.

— Скоро, Гискон, тебе больше не придётся ходить в храм Тиннит.

— И мы выйдем в море? — оживился Гискон.

— Да, мы все выйдем в море!

вернуться

24

Бирса — верхняя часть Карфагена. По преданию, древнейшая часть города.

вернуться

25

Магон — карфагенский полководец VI века до н. э., отец Гамилькара, дед Ганнона, способствовал укреплению морского и военного могущества Карфагена.

вернуться

26

Ксеркс — царь древней Персии (486–465 до н. э.); в 480 году совершил поход в Грецию и потерпел там поражение.

вернуться

27

Сисеи́ты — члены компании купцов Карфагена. Они собирались в портиках храмов для совместных трапез.

Бегство

Со стен Бирсы, освещённых бледным сиянием луны, упал тяжёлый удар колокола. Человек, закутанный с головой в плащ, прислушивался к этому звуку, пока он не замер в ночи, осадившей спящий город подобно вражескому полчищу. Рядом с человеком в плаще у ограды храма Тиннит — тонкая детская фигурка. Человек в плаще поднял её обеими руками, и через мгновение она исчезла за решёткой храмового сада.

Много опасностей пережил на своём недолгом веку Ганнон. Его окружали враги, он плыл в безбрежном море, он был на палубе пиратского корабля. Но, кажется, сердце его никогда ещё не сжималось так, как теперь.

Гискон на цыпочках пробирался к окну, на которое ему указал Ганнон. Храмовый сад полон шорохов. Деревья склоняют над мальчиком свои ветви, словно хотят его схватить. Таинственно блестит священный пруд. Мальчику кажется, что из воды высовывают головы какие-то рыбы с выпученными глазами. Или, может быть, это лунные блики? Путь до храмовой пристройки, где живут жрицы Тиннит, кажется бесконечным.

Но вот наконец окно, в котором мелькнул огонёк, окно Синты. Вчера в письме Ганнон просил её зажечь свечу. Окно высоко, и мальчику до него не дотянуться. Но, к счастью, рядом растёт изогнутое дерево. Нижняя ветвь его чуть не задевает подоконник. Гискон карабкается вверх. С

лёгким скрипом растворяется окно. Пригнувшись, мальчик делает несколько шагов по ветви к стене и вспрыгивает на подоконник.

Едва лишь Гискон касается подоконника, как горячие нежные руки подхватывают его, и вот он в полутёмной комнате. Эти же руки подняли его, и поцелуй ожёг лоб Гискона.

— Идём, госпожа! — шепчет мальчик. — Идём скорее. Вот верёвка. А стражи спят крепко: они напились вина, которое им дал господин.

— Подожди! — шепчет в ответ Синта. — Нам ещё нужно побывать в храме. Ты не боишься темноты?

Боится ли Гискон темноты? А кто её не боится? Но ради Ганнона он готов не только пойти в храм ночью, но даже пройти через кладбище, где, как говорят, в полночь из могил встают злые духи.

— Нет, я не боюсь темноты! — храбро отвечает мальчик.

— Тогда идём, — говорит Синта и кладёт руку на его голову.

Они выходят из комнаты. Как скрипят половицы коридора!

— Осторожнее! — шепчет Синта. — Сейчас будет порог.

Еле слышно открывается дверь. Мальчик перешагнул порог. И вот они оба ступают по гладким каменным плитам. Темно так, как может быть темно только в храме. Пахнет благовонными маслами, ими здесь кропят стены.

Синта идёт уверенно. Она знает здесь каждый камень. «Справа сейчас должна быть статуя Тиннит», — Синта замедляет шаг. Она протягивает вперёд руки, и её пальцы нащупывают верёвку. Синта достаёт нож. Взмах рукой — и верёвка ослабла… В это время хлопает дверь. Вдали мерцает огонёк. Синта роняет нож, хватает Гискона за руку и тащит его куда-то в сторону.

Огонёк всё приближается. Это горит светильник в руках верховного жреца Тиннит, но свет его так слаб, что Гискону и Синте нечего бояться,

что их обнаружат. Но, когда тишину храма нарушает скрипучий голос одного из вошедших, Гискон чувствует, как Синта вся дрожит.

— Ты всё приготовил, Стратон? — звучит властный голос верховного жреца.

— Всё, мой господин! — следует ответ. — Недавно я пробовал крепость верёвки. Можно проверить ещё.

— Не надо. Помни, как только я прикоснусь лбом к алтарю, ты должен дёрнуть за верёвку.

Тонкий звон замер в глубине храма. Последнее, что слышал Гискон, это был шум поворачиваемого в двери ключа. Затем наступила тишина.

— Мы в ловушке! — прошептал Гискон.

— Не бойся! — успокоила его Синта и нащупала руку мальчика.

Молча двинулись они в дальний угол святилища. Вот Синта остановилась перед нишей, в которой белеет какая-то статуя. Девушка прикоснулась к её бёдрам, и статуя отступила, приоткрыв тёмный вход в подземелье.

Нагнувшись, Синта входит в узкий проход. Здесь совершенно темно. Гискон идёт за Синтой, не отрывая руки от холодной, влажной стены. Пахнет плесенью и ещё чем-то неприятным. Вдруг мальчик увидел в углу красную точку. Она становится всё ярче. Это в каменной нише горит светильник. Здесь коридор сворачивает вправо. В углу — огромная куча тряпья.

— Что это? — спрашивает шёпотом Гискон.

— Одежды жертвователей!

Мальчик слышал о том, что люди, терпящие бедствия на море и суше, часто обещают в дар богине свои одежды и отдают их в храм, если приходит спасение. Но кто бы мог подумать, что эти одежды, в которые

можно было одеть тысячи бедняков, без пользы гниют в подземелье дома Владычицы!

По обеим сторонам коридора — большие пустые сосуды. Гискон не знает, для чего они предназначены. И Синта этого ему не скажет. В этих пифосах хранится не вино и не масло, как может предположить мальчик. Это сосуды для детских тел. Жрецы говорят, что ни один вновь построенный дом не будет прочен, если в его основание не вложить сосуда с жертвой. И люди верят жрецам. Удивительно, чему только не верят люди! Сколько обманщиков и плутов пользуются человеческим легковерием! Не раз мудрецы разоблачали этих обманщиков, но их сменяли другие, более искусные и ловкие, и люди, как раб из басни, каждый раз спотыкаются об один и тот же камень.

Ещё долго Синта и Гискон идут по коридору. Вот взметнулась стая летучих мышей, чуть не задев их головы крыльями. Никогда ещё Гискону не было так страшно. Потолок становится всё ниже и ниже. Приходится идти полусогнувшись.

Наконец коридор заканчивается. Перед ними стена. Синта долго шарит по ней руками, пока не нащупывает небольшой рычаг. Сильным движением она дёргает его на себя.

Стена отступает, как статуя у входа в подземелье. Пахнуло свежим воздухом. Засверкал клочок неба с рассыпанными на нём звёздами. Ползком Синта и Гискон вылезли наружу. Луна освещает белые каменные конусы — квадратные плиты с полустёршимися надписями. Да ведь это храмовое кладбище! Но после подземелья кладбище уже не могло испугать Гискона.

А где же Ганнон?

Ганнон стоит у храмовой ограды. Он ждёт. Воображение рисует картину будущего счастья. Оно встаёт перед ним, как берег в бескрайнем бурном море.

Кто-то легко дотрагивается до его плеча. Синта! Как ей удалось выбраться из храма? Тише! Где-то в глубине храмового сада стучит колотушка сторожа.

Тёмной улицей Ганнон, Синта и Гискон пробираются в гавань.

Вот и укромное место — груда больших глиняных сосудов из-под зерна.

Ганнон усаживает Синту и долго смотрит на девушку, гладит её руки. Как она изменилась за эти несколько месяцев! Бледное лицо. Нет кос, которые ниспадали до самого пояса. И, может быть, поэтому она смущена.

— Ничего, милая! — в радостном порыве, не помня себя от счастья, говорит Ганнон. — Отрастут твои волосы, забудутся обиды и огорчения.

— Да, — шепчет Синта. — Мы теперь вместе, и нас разлучит только смерть.

Меркнут звёзды. Загорается край неба, и его отблеск озаряет Синту. Девушка становится ещё прекрасней.

Ганнон с беспокойством оглядывается вокруг. Тревога передаётся Синте.

— Идём на корабль, — торопит Ганнон. — Нас пока ещё не должны видеть вместе. К тебе будет приходить Гискон. Скажи, что это твой брат. Ты согласен, Гискон?

Гискон послушно кивает головой.

Синта крепко обнимает Ганнона. Как трудно расставаться, когда любишь! На глазах у девушки слёзы. Губы её дрожат. Со страхом смотрит она на бледный лик луны. Не гневается ли Владычица на свою рабыню, презревшую законы храма ради любви?

Гнев Магарбала

В храме Тиннит людно. У алтаря стоят раби в своих лиловых плащах. За ними — море чёрных тиар. Их надевают на головы во время молитвы.

Миркан и Ганнон мирно сидят на скамье у колонн. Ничто не выдаёт, что их разделяет старинная вражда двух родов. В ожидании церемонии Ганнон перечитывает надписи на вделанных в стену каменных плитах. В этих письменах запечатлены история и слава Карфагена. Великие люди города оставили в назидание потомкам рассказы о своих подвигах.

Ещё мальчиком Ганнон читал эти каменные свитки, повествующие о войнах и мятежах, походах и открытиях. Уже в детстве он полюбил эти звучные названия: Мелита, Тингис, Эбесса.[28] В них была пенистая морская даль, неумолчный шум прибоя, пение ярких, невиданных птиц, рёв зверей, в них звучала музыка странствий. Среди героев, открывших острова в Великом Море Заката, были и его предки. Вот надпись его деда Магона, завоевавшего острова Метателей Камней.[29] Город на одном из этих островов до сих пор носит его имя.[30] А вот плита с надписью Гимилькона, побывавшего в стране тумана и вечной ночи.

Искоса взглядывает Ганнон на Миркана. Он помнит: Миркан пытался напугать его трудностями плавания Гимилькона. Не удалось ему это. Тогда Миркан решил сговориться с верховным жрецом Тиннит. Они хотят помешать кораблям Ганнона покинуть Карфаген. Но хитрость их раскрыта. Это Синта открыла Ганнону тайну чуда, с помощью которого суффет и жрец ещё надеются опрокинуть его планы.

Взгляд Миркана устремлён на алтарь. Как и Ганнон, он ждёт выхода Магарбала. «Богиня ещё не сказала своего слова, — думает Миркан о

Ганноне, — и этот наглец, которого чернь посадила на скамью суффета, ещё рано торжествует. Корабли Ганнона стоят в Кофоне под парусами, но он забыл, что ветер — это дыхание богов, а боги имеют своих жрецов. Он забыл, этот мальчишка, что в храме происходят чудеса. Правда, они дорого обходятся, эти чудеса, но зато ничто не может сравниться с их силой».

Миркан мельком взглядывает на Ганнона, и на его тонких губах мелькает еле заметная усмешка: «Глупец! Сейчас богиня скажет: «Нет!» Сейчас она опалит тебя огнём. И ты не сможешь повести корабли до благоприятного знамения, если оно вообще когда-либо наступит».

Погасли светильники. Лишь свеча на алтаре горит неровным, дрожащим пламенем. Люди затаили дыхание. Распахнулся багровый полог. Предстала Владычица Тиннит. Призрачно и грозно её каменное лицо.

Магарбал вышел в длинном чёрном плаще с вытканными на нём мерцающими звёздами. Белая повязка закрывает часть его голой, как яйцо, головы. В правой руке у жреца золотая чаша в виде лодочки, а в левой — посох, на ручке которого бронзовая змеиная голова. Жрец поднялся на ступеньки алтаря.

Под сводами глухо прозвучал его голос:

— О Тиннит, мудрая и прекрасная! Освещающая в часы мрака землю, рождающая росу, смиряющая злых духов! О Владычица! Твои рабы идут в царство Мелькарта. О великая! Если ты не хочешь этого, сотвори чудо!

Магарбал медленно наклоняется, прикасаясь лбом к прохладному дереву алтаря. Он знает: сейчас Стратон дёрнет за верёвку, опрокинется свеча и ярко вспыхнет горючее вещество, которым наполнена голова богини. Жрец ждёт. Кровь прилила к его вискам. Снова и снова прикасается он лбом к алтарю…

Довольные моряки шумно покидали храм, а верховный жрец всё колотил кулаком об алтарь, словно хотел вбить его в землю.

Когда храм опустел, Магарбал дал волю ярости. Он набросился на своего помощника Стратона, угрожая ему всеми страшными карами:

— Я прикажу содрать с тебя шкуру, сын ехидны! Я волью тебе в глотку расплавленную медь! Тебя закидают каменьями!

— О, не гневайся, господин мой! — молил Стратон. — Я не виноват. Кто-то перерезал верёвку, и свеча, которую она придерживала, не опрокинулась. Горючая жидкость не вспыхнула.

Магарбал схватил светильник и молча двинулся вокруг статуи Тиннит. Да, верёвка перерезана. Но кто это мог сделать?

Нагнувшись, Стратон что-то поднял с пола.

— Смотри! — указал он. — Это её нож.

— Синта! — заревел Магарбал. — Приведи её!

Стратон удалился. Тяжело опустившись на ступеньку алтаря, Магарбал придумывал наказание для Синты. Он прикажет её бичевать. Нет, лучше он посадит её в бочку со змеями.

Незаметно появился Стратон.

— Синты нет в храме, — сказал он тихо. — Комната её пуста. Вещи разбросаны. На полу — длинная верёвка.

— Слушай меня, Стратон! — Великий жрец задыхался от ярости. — Ты пойдёшь в дом Миркана и передашь ему, что если он сейчас же не выдаст свою дочь, я возьму у него младшего сына в жертву Владычице Тиннит, как хотел сделать раньше.

Стратон возвратился, когда уже стемнело. За ним шёл сам Миркан. Лицо его было покрыто капельками пота.

— Клянусь богами, — ещё в Дверях закричал Миркан, — в моём доме нет Синты! Я ни разу не видел дочери с тех пор, как привёл её в твой храм.

— Где же она? — Магарбал подступал к суффету, яростно потрясая кулаками. — Я тебя спрашиваю, где твоя дочь?

— Я уверен, что дочь мою похитил Ганнон, — отвечал Миркан.

— Ганнон? Почему ты так думаешь?

— Я обещал отдать ему Синту в жёны, — тихо и как бы виновато проговорил Миркан.

— Вот оно что! — прошипел Магарбал. — Теперь я понимаю, почему ты вызвался отдать свою дочь в храм. Ты просто не хотел, чтобы она стала женой Ганнона.

Миркан опустил голову. «Да, я не предупредил Магарбала, — думал он, — и в этом я виноват. Дочь я обманул, чтобы ей легче было уйти из дому и забыть Ганнона. Конечно, я мог бы заменить на алтаре Тиннит Шеломбала молодым рабом или сыном какого-нибудь бедного землепашца. Голод и нужда заставляют их продавать своих детей. Но тогда я должен был бы отдать Синту в жёны Ганнону. Как я был предусмотрителен, когда не хотел породниться с Магонидами! Теперь, после Гимеры, пришёл конец могуществу этого рода. Иметь дочь жрицей Тиннит для меня выгоднее и почётнее. Но что делать теперь? Не потребует ли обманутый Магарбал в жертву Тиннит сына?»

«Во всём виноват Ганнон! Я, Магарбал, могущественнее всех жрецов Карфагена, а этот отпрыск Магонидов осмелился посягнуть на мой авторитет! Он забыл, что теперь не времена царя Малха, распинавшего жрецов на кресте, как беглых рабов.[31] Что же теперь делать? Надо сначала вернуть Синту. А Ганнон сам явится за ней. Синта будет приманкой, как ягнёнок при охоте на льва».

Магарбал перевёл свой взгляд на Стратона.

— Иди в гавань, — приказал он. — Скажи Ганнону, что я тебя назначил жрецом нового храма за Столбами Мелькарта. Выследи Синту!

Как только Стратон и Миркан скрылись из виду, верховный жрец в исступлении поднял вверх иссохшие костлявые кулаки, и из его груди вырвался вопль. В нём соединились ярость и бессилие.

— Разруби его мечом, о Тиннит! — кричал жрец. — Сожги его огнём! Размели пепел мельничными жерновами и разбросай по ветру!

вернуться

28

Мели́тл — древнее название острова Мальты. **Ти́нгис** — финикийская колония в Северной Африке, близ Гибралтарского пролива (теперь Танжер), **Эбесса** — финикийская колония на Балеарских островах.

вернуться

29

Балеарские острова славились в древности своими пращниками.

вернуться

30

Город Магон (теперь город Маон) на острове Менорке (Балеарские острова).

вернуться

31

Карфагенский царь Малх (VI век до н. э.) жестоко расправился со жрецами, составившими против него заговор.

У Горшечных ворот

Множество повозок, запряжённых осликами, и просто пешеходов с сумами за плечами стремились в этот день попасть в город через Горшечные ворота. Это будущие колонисты, их близкие и просто любопытные. Это жители предместий и окрестных деревень, мужчины, женщины и дети. К Мисдессу, лавка которого была почти у самых ворот, без конца прибегали соседи и незнакомые люди, откуда-то узнавшие его имя. Каждый из них приносил какую-нибудь вещь и, ставя её перед горшечником, говорил:

— Возьми, Мисдесс! Ты остаёшься здесь! Возьми! Тебе это пригодится!

Вскоре низенькой лавки Мисдесса почти не было видно из-за груды столов, детских люлек, колёс, умывальников, переносных жаровен, светильников. Вещи эти были совсем хорошие, и достались они своим хозяевам с таким трудом!

Они были свидетелями рождения и смерти, горя и радости, смеха и слёз. А теперь их бросали, как казалось Мисдессу, без всякого сожаления.

Этого Мисдесс никак не мог понять. Как он оставит свой дом, свою маленькую мастерскую, бедное кладбище за Магарой, где под пирамидками из белого камня вечным сном покоятся его благочестивые родители, люди, подарившие ему лсизнь? Как он покинет этот город, где ему знакома каждая выбоина на мостовой? Что он будет делать, если проснётся и не увидит перед собой этих белых стен, этих квадратных башен? При одной мысли об этом Мисдессу делалось страшно.

Он чувствовал себя маленьким я беззащитным, как тогда, в детстве, когда отец привёл его к старому бородатому горшечнику, никогда не расстававшемуся с длинной гибкой палкой.

На пороге дома показалась Шимба, жена Мисдесса. Она только что просила у Тиннит первенца, и на кистях её рук со вздувшимися голубыми жилками блестели запястья из лунных камней.

Указывая на бесконечный людской поток, Мисдесс в ужасе всплеснул руками:

— Смотри, Шимба! Куда они все идут? Кто же будет теперь покупать мои горшки?

— Разве ты не видишь, Мисдесс? — рассудительно отвечала женщина. — Хотят уехать те, у кого нет денег. Богачи остаются. Они и будут покупать твою посуду, твои глиняные светильники.

— Много ты понимаешь! — возразил Мисдесс. — Зачем понадобятся богачам мои горшки? Они берут дорогие амфоры из красной кипрской меди, расписные греческие сосуды и чёрные этрусские вазы.[32]

— А теперь начнут покупать, — пыталась его успокоить жена. — Кто будет доставлять иноземную посуду, когда все корабли уйдут за Столбы? Или, знаешь, ты научишься лепить глиняные куклы, а я, когда подрастёт наш первенец, буду их раскрашивать и продавать.

Но чем больше успокаивала Шимба своего мужа, тем он больше приходил в отчаяние. Хладнокровного, спокойного горшечника нельзя было узнать. Он выбегал на дорогу, что-то возбуждённо кричал, размахивал руками, перетаскивал свой гончарный круг с места на место.

К полудню людской поток спал. Проезжали одинокие запоздалые тележки, торопились прохожие. Словно кто-то утром опрокинул амфору с маслом, а теперь оно стекало медленными каплями.

Звеня своими цепями, прошагал благочестивый пророк Эшмуин. Хотя вокруг не было ни души, он простирал вперёд руки с длинными пальцами и исступлённо кричал:

— Клянитесь! Клянитесь! Скорее оливы вырастут в открытом море, скорее лев подружится с овцой, скорее человек начнёт насыщаться камнями, чем вы вернётесь в это логово змей и скорпионов! Клянитесь!

Замер голос пророка. Стало так тихо и пусто, что Мисдессу показалось, будто он остался один в этом городе, будто и его бросили, как никому не нужную вещь. И в этот миг он понял, что сердцу его дороги не эти стены и не эти выбоины на мостовой, а люди, для которых он всю жизнь лепил горшки и светильники, с которыми он торговался из-за гроша, с которыми он жил.

Окинув взглядом груду вещей у своего дома, Мисдесс подошёл к гончарному колесу и взвалил его на плечи.

— Идём, Шимба! — нетерпеливо крикнул он жене.

Женщина удивлённо посмотрела на мужа. И его охватило это безумие? И он хочет покинуть родной дом и искать счастья на краю света? А подумал ли он о ней, о жене своей, которая скоро принесёт ему первенца?

— Идём, Шимба! — повторил горшечник. — Долго ли я тебя буду ждать?

Схватив какой-то узел, женщина поспешила за мужем.

В гавани

Солнечные лучи отражались на блестящей поверхности колонн, охвативших гавань большим полукружием. Вдали громоздились городские строения, а над ними, упираясь в небо, высился величественный акрополь Бирса. Прикреплённые канатами к кольцам мола, стояли длинные военные корабли и широкие гаулы[33] с опущенными парусами. В порту кипела работа. Полуголые рабы, согнувшись под тяжестью груза, проходили по гнущимся доскам. Мелькали тела — чёрные, жёлтые, бронзовые, белые. Слышался свист плетей. Доносились крики:

— Живей! Заноси! Пускай!

Гискон и Мидаклит сидели на пустых глиняных сосудах у сходен и смотрели на корабль с развевающимся на носу флагом суффета. Это «Сын бури», главный корабль, гордость всего карфагенского флота. На его постройку пошли кедры ливанских гор — из них вытесали эту стройную мачту; италийские сосны — из них сбили палубу; корсиканский бук — из него сделали вёсла; кипрская медь — из неё выковали таран; драгоценное чёрное дерево — из него вырезали карлика Пуам,[34] того, что красуется на носу чуть повыше тарана.

Выпученные глаза карлика устремлены вдаль. На выпуклых щеках, на волосах, покрытых позолотой, блестят брызги. Гискон слышал когда-то от отца, что Пуам научил людей добывать огонь и ковать железо. «Вот почему у Пуама надуты щёки», — думает мальчик.

— На моей родине этих карликов называют пигмеями, — заметил эллин. — Гомер говорит, что пигмеи живут на берегу Южного океана.

«Опять Гомер! — подумал мальчик. — О чём бы ни шла речь, эллин всегда сводит к своему Гомеру. Наверное, этот Гомер какой-нибудь могущественный эллинский царь или завоеватель, а может быть, такой же мореход, как Ганнон».

— Расскажи мне о Гомере! — просит мальчик.

— Гомер? Как тебе объяснить получше… — отзывается Мидаклит. — Гомер — царь поэтов. Он завоевал весь мир, но не мечом, а своими звучными стихами. Рассыплются крепкие державы, ветер развеет их прах, а Гомер будет властвовать в своём царстве над умами людей, и не найдётся ни одного завистника, которому пришло бы в голову свергнуть его с престола. Гомер — открыватель новых земель, и те земли, которые он открыл, никогда не будут забыты. Он сумел провести своих героев через такие немыслимые преграды, перед которыми остановился бы в смущении самый отважный мореход.

Эллин, наверное, ещё долго говорил бы о Гомере, если бы Гискон не тронул его за плечо: «Пора! Идём!»

По сходням торопливо поднимались переселенцы: мужчины, женщины, дети. Они растекались по палубам, спускались в трюмы, заполняли все уголки кораблей. Гаулы стали напоминать муравейник.

Взяв свои вещи, Мидаклит и Гискон подошли к сходням «Сына бури». Им выпало счастье плыть на этом корабле. Лицо Мидаклита радостно и торжественно. Исполняется заветная мечта его жизни: он увидит неведомые моря, далёкие страны, о которых рассказывают столько небылиц.

Быстрее ветра мальчик взбежал на палубу. Сев у перил, он свесил вниз босые ноги и забарабанил пятками по борту. Он чувствовал себя здесь как дома. С высокой палубы виден весь город. Вот Бирса и храм Эшнуна.[35] Вот храм Тиннит, откуда бежала Синта. Гискон отыскал глазами улицу Сисситов, но дом Ганнона, ставший ему родным, отсюда не виден. С кровель зданий поднимались дымки. Это благочестивые

карфагеняне возносили курения богам, моля их о помощи близким своим, покидающим родину.

вернуться

32

Начиная с середины VII века до н. э., в Этрурии развивается производство чёрных сосудов. Эти сосуды археологи находят и на территории Карфагена.

вернуться

33

Гау́лами карфагеняне называли широкие парусные суда, служившие для перевозки грузов.

вернуться

34

Пуа́м — по-финикийски «бог молотка».

вернуться

35

Эшну́н — у карфагенян — бог-врачеватель.

На дамбе, соединявшей гавань с островком, показалось несколько человек. Мальчик различил белые плащи городских стражей и среди них стройную фигуру Ганнона. Суффет в синем плаще, стянутом у талии широким кожаным поясом с блестящей медной пряжкой. Голова Ганнона не покрыта. Ветер развевает его длинные волосы.

При виде Ганнона толпа в гавани заволновалась. Раздались приветственные крики. Возбуждённые карфагеняне чуть не опрокинули охрану, сопровождавшую суффета. Ликующие люди шли за Ганноном до самых сходней.

А это кто? По молу идёт человек в белой тунике, с белой повязкой на бритой голове. Он тащит за верёвку чёрную овцу. Овца упирается, протяжно и жалобно блеет. Человек осыпает её руганью, словно желая излить на ней своё озлобление на тех, кто захотел сделать его мореплавателем.

Гискон знает этого человека. Не раз он видел его в храме Тиннит. Это жрец Стратон. Но что ему здесь надо? Верховный жрец Магарбал посылает с ними исчадие ада. Это понял и суффет. Вон как он нахмурился при виде жреца. Стратон подходит к сходням «Сына бури». Люди на корабле почтительно склоняются перед жрецом Владычицы.

Вот и всё готово к отплытию. Ганнон нетерпеливо взмахивает рукой, и тотчас же трубачи, стоящие на набережной, у колонн, вскидывают изогнутые, как оленьи рога, этрусские грубы. Раздаются призывные волнующие звуки. Звенящая радость, смешанная с тревожным ожиданием чего-то нового, ослепительно яркого, переполняет сердца людей.

К мосткам подбежали матросы.

— Стойте! Стойте! — послышался вдруг крик.

По молу бежал человек с гончарным кругом на спине. За ним семенила женщина.

— Опоздал, горшечное колесо! — кричит Малх.

— Возьмём его, — просит Ганнон. — Кто будет за Столбами лепить горшки?

Матросы помогли Мисдессу с женой подняться на мостки. Заскрипели канаты. Из воды, к восторгу и удивлению Мидаклита, показались не корзины, наполненные песком, как у эллинов, и не тяжёлые камни, употребляемые египтянами, а настоящие медные якоря с двумя лапами. Гребцы всей грудью налегли на вёсла, и их лопасти описали широкий полукруг. Полоса воды отделила корму от берега. Полоса становится всё шире и шире. Берег разворачивается и уходит вправо. «Сын бури» в

торговой гавани. Люди, заполнившие набережную вплоть до Языка, машут руками, что-то кричат. Над маяком поднимается дымок. Обычно костёр из смолистых ветвей зажигается лишь по ночам, но, видимо, смотритель решил отметить выход флота в великое плавание и воскуряет у себя какие-то благовония. Ведь от верхней площадки маяка ближе к небу, чем от любого другого места города, и боги первыми почуют запах его жертвы.

Корабли выходят в залив. Матросы поднимают паруса. Ганнон оглядывается и ищет взглядом гаулу, на которой его Синта, вырванная из лап жестокого Магарбала. И, хотя гаула так далеко, что на ней нельзя различить лиц, Ганнону кажется, что он видит длинные ресницы, оттеняющие чёрные глаза Синты.

По волнам океана

Море

Корабли плывут на закат вдоль плоского, как ладонь, берега Ливии. Ветер подгоняет их, как пастух белорунное стадо. Треск парусов напоминает хлопанье бича. Где-то там, на востоке, — родной Карфаген. Осталась позади и подвластная ему Утика, где был пополнен запас воды и приняты на борт новые колонисты. Много интересного узнал за эта дни Гискон! Он заглянул в трюм, набитый до самого верха кожаными мешками с вином и огромными, похожими на уличные тумбы глиняными сосудами с зерном и пахучим оливковым маслом. Он наблюдал, как матросы крепят паруса и спускают в воду тяжёлый якорь. Он измерил шагами палубу, сосчитал вёсла. Между носом и кормой по борту умещается ровно двадцать три весла. Каждое из них раза в четыре больше человеческого роста. Как справляются с ними гребцы?

Однажды Гискон взобрался на мачту. Это было совсем не легко. Мачта хотя и ниже финиковой пальмы, растущей в родной деревне, но на её тонкой раскачивающейся верхушке кружится голова, и кажется — вот-вот упадёшь. А на палубе почти совсем не качает, и мальчик удивлён, что мужчины, такие сильные и выносливые, осунулись, побледнели и проклинают море, выматывающее душу. Тяжелее всего приходится женщинам. Они сидят на корточках, обхватив колени руками, и причитают. На их лицах ни кровинки. «Что будет, когда начнётся буря?» — говорят между собой матросы.

У Гискона на корабле появились новые друзья. Только на вид матросы суровы и неразговорчивы. Стоит узнать их ближе, чтобы убедиться, что это славные и приветливые люди. Сам кормчий Малх в свободные часы, положив на колено мальчика покрытую шрамами, просмолённую ладонь, не раз рассказывал ему о странах, в которых побывал, о портах и гаванях, подводных скалах, облаках и ветрах. Оказывается, каждый ветер, как человек, имеет своё имя. Ветер, дующий с суши, у карфагенян называется Ливийцем. Эллины же зовут его Липсом. Он мягок и кроток, как ягнёнок. А ветер, идущий из океана, именуется Гадирцем. Он бывает свиреп, как голодная львица. Есть ещё и холодный Лигуриец, и изменчивый восточный ветер, прозванный Ханаанцем. Он дует из страны Ханаан — прародины карфагенян.

Сколько удивительных вещей таит море, и как мало знают о них люди! Неподалёку от Сицилии, рассказывал мальчику Мидаклит, лежит островок с огнедышащими горами. С кораблей кажется, что пламя там вырывается прямо из воды. И зовут этот островок жилищем бога ветра Эола. Однажды к острову Эола причалил корабль Одиссея, который много лет не мог попасть на свой родной остров Итака. Эол, сжалившись над Одиссеем, вручил ему мешок с буйными ветрами, чтобы они не мешали ему вернуться на родину. И вот наконец корабль Одиссея достиг Итаки, где двадцать лет ждала своего супруга верная Пенелопа. Но жадные до наживы спутники Одиссея развязали мешок Эола, рассчитывая поживиться золотом. Буйные ветры со свистом и рёвом вырвались наружу, и корабль Одиссея снова пригнало к острову Эола, но на этот раз бог ветров не пожелал помочь Одиссею.

Много тайн хранится на самом дне моря, где в хрустальном дворце живёт длиннобородый бог Дагон, у которого вместо ног хвост дельфина. Бог Дагон — эллины называют его Посейдоном — никогда не расстаётся со своим трезубцем. Когда он им потрясает, во все стороны расходятся волны, поднимается такая буря, что корабли швыряет, как ореховые скорлупки.

С удивлением следит Гискон, как разбросанные чуть ли не до самого горизонта корабли подчиняются воле Ганнона. Видно, нелегко вести

такую большую флотилию. Военные корабли заплывают вперёд, гаулы отстают. Ночью на реях зажигаются фонари. Это Ганнон переговаривается с кормчими всех судов. Днём фонари заменяются разноцветными флажками. Сколько языков надо знать моряку? Язык ветра и язык облаков, язык волн, язык фонарей и флажков. К тому же он должен читать древние письмена звёзд, чтобы вести корабль к цели. Мальчику хочется быть таким, как Ганнон, и он невольно подражает ему во всём. Он уже научился ходить такой же переваливающейся походкой, как Ганнон, закрывать от солнца глаза ладонью. Боясь надоесть Ганнону и помешать ему, мальчик держится в стороне, но издали наблюдает за ним и ловит каждое его движение, каждое его слово. Вот сейчас Ганнон стоит на носу рядом с Малхом, вслушиваясь в свист ветра и негромкий, непрерывный шум рассекаемой медью воды. Любовно похлопывая рукой по борту, лаская корабль, как живое существо, Ганнон говорит восхищённо:

— Какой красавец! А как слушается кормового весла! Кажется, он предугадывает каждое твоё желание.

Малх поворачивает к Ганнону загорелое лицо. Оно сияет, словно похвалили не корабль, а его самого.

— При попутном ветре до Гадеса за пять дней дойдём! — восклицает старый моряк.

— Ну, это ты уж чересчур хватил, Малх, — возражает Ганнон. — От Карфагена до Столбов не меньше семи дней пути.

Малх хотел было ответить, но вдруг склонился над бортом, вглядываясь в волны.

— Тунцы, тунцы! — закричал вдруг кормчий.

Все на палубе ринулись к борту, чтобы рассмотреть уди вительных рыб. Тунцы шли, как воины, по четыре в ряд, строго держа равнение. Воистину это было прекрасное зрелище!

Рыбы уже исчезли из виду, а Малх, окружённый колонистами, рассказывал, возбуждённо размахивая руками, о ловле тунцов:

— Рыбаки всегда по двое выходят в море. Один гребёт, а другой держит трезубец. К нему привязана верёвка. Всадив трезубец в спину тунца, рыбаки преследуют его, пока рыба не утомится.

— Вот как просто! — удивляется один из колонистов.

— На словах всё просто, укачай тебя волны. Попробуй попади в плывущую рыбину трезубцем — лодку перевернёшь.

К колонистам подходит Мидаклит:

— У берегов Эллады тунцов ловят в тенета.

— Вот куда они заходят!

— Они заплывают ещё дальше, — поясняет эллин, — в холодные волны Понта Эвксинского.[36] Мне рассказывал один моряк, что ему приходилось видеть тунцов в устье Борисфена.[37]

Крик на корме прервал этот интересный разговор. Оказалось, что один из землепашцев прыгнул в большой медный бак с морской водой, чтобы освежиться, а наткнулся там на что-то белое, скользкое и бесформенное. Под хохот матросов голый землепашец выпрыгнул на палубу. Вот тогда Гискон узнал, что скользкое морское животное называется медузой, что оно не может причинить человеку вреда.

Земля лотофагов

У берегов Ливии корабли бросили якоря. Пока набирали воду, колонисты сошли на берег. Бородатые мужчины радовались камешкам, похожим на те, какими усеяно взморье близ Карфагена. Дети взапуски бегали по травянистому лугу. Как не радоваться тому, что под ногами земля, а не это зыбкое море! Мидаклит и Гискон присели на большой белый камень, омытый волнами. Положив руку на плечо мальчика, Мидаклит продолжал свой рассказ об отважном Одиссее. Ведь Одиссей побывал где-то здесь со своими спутниками.

Мирных они лотофагов нашли здесь, и нашим посланцам
Зла лотофаги не сделали, их с дружелюбною лаской
Встретив, и лотоса дали отведать. Но только лишь
Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, родину он
Позабыл и утратил желанье веркнуться…

Пока эллин читал Гискону звучные строки Гомера, Ганнон шагал узкой тропинкой к видневшейся вдали роще. Там его ждёт Синта. Гискон уже успел предупредить её.

На небе ни облачка. Дует лёгкий ветерок. Шелестят высокие травы. В кустах щебечут, словно задыхаясь от какой-то тревоги, невидимые глазу птицы. Тропинка изгибами спускается к озеру. Его низкие берега заросли лотосом. Цветы испускают сладостный, пряный запах. Над водой носятся голубоватые мошки. Из-под ног с треском вылетают кузнечики. Ганнон наклонился и сорвал розоватый цветок. На тонком прозрачном стебле выступили две крупные капли. Не так ли сочилось кровью его сердце, когда от него оторвали цветок его любви — Синту? Но чьи это лёгкие шаги? Синта! Голос её — как журчание воды для путника в пустыне.

— Я — как птица, вырвавшаяся на волю! Я могу захлебнуться радостью. Я могу парить над морем, по которому плывёшь ты, и приникать к травам, которых касался ты! Мне понятны все голоса, все звуки, все мысли и все чувства, какие есть на земле!

— О Синта! — шепчет Ганнон, гладя её руку с тонкими пальцами. — Ты любовь, дарующая забвение! Где ты, там моя родина.

Наступил вечер. Полная луна медленно выплывала из-за холмов. Казалось, лицо Владычицы Тиннит расплылось в улыбке. Нет, она не гневается на них, презревших законы жрецов. Ласково смотрит Тиннит на две фигуры, слившиеся в поцелуе.

— Пора возвращаться, — говорит Ганнон. — Пока мы ещё не можем быть вместе.

Синта кивает головой. Да, она понимает. На корабле жрец Стратон — он не должен знать, что она здесь, иначе проклятье Магарбала настигнет их даже за Столбами Мелькарта.

На палубе «Сына бури» Ганнон увидел Мидаклита. Эллин сидел на смотанных в круг канатах и усердно растирал что-то в ладонях.

— Толчёный лотос, — пояснил Мидаклит.

Ганнон взял щепотку лотоса с его ладони:

— Напоминает по вкусу финики.

— А какой запах! — восторгается эллин. — Но это ещё не всё. Я раздобыл амфору вина из лотоса. Отведав его, я понял, почему, выпив сок лотоса, спутники Одиссея забыли свою родину. Они были просто пьяны!

Взяв под руку Мидаклита, опьянённого то ли лотосовым вином, то ли новизной всего увиденного, Ганнон направился к корме. Там собралось человек двадцать колонистов. Они обступили Малха. Кормчий любил рассказывать всяческие небылицы. Ганнон прислушался к ровному, слегка глуховатому голосу старого моряка.

— На берегу нас окружили люди с языками до земли. Они пили воду из ручья, не нагибаясь. Когда им было холодно, они обматывали шею языками.

Колонисты подались вперёд. Кто-то воскликнул:

— О боги!

В это мгновение Малх заметил приближающегося суффета и умолк. Ганнон воспользовался этой паузой.

— В той же стране, — начал Ганнон, стараясь подражать тону Малха, — жили люди с ушами большими и хрупкими, как капустные листья.

Колонисты насторожились.

— Такие уши у них выросли потому, — продолжал Ганнон, — что они верили басням наподобие той, которую только что рассказал вам Малх.

Колонисты дружно расхохотались. Малх смущённо потирал затылок.

— Ты не обижайся, Малх, — обратился Ганнон к старому моряку, когда они остались одни. — Землепашцы и так легковерны, а тут ещё ты со своими баснями. Прибереги их для другого случая.

— Я понял тебя, — отозвался старый моряк. — Я буду лучше рассказывать их чужеземным купцам. Пусть они, укачай их волны, боятся даже близко подойти к Столбам Мелькарта.

Палуба опустела. Ганнон прислонился к перилам, прислушиваясь к плеску волн, скрипу мачт и балок. Корабль выходил в открытое море.

Столбы Мелькарта

Три дня и две ночи флотилия плыла на закат. Берег изредка оживлялся хижинами, сбившимися к воде подобно стаду овец. То и дело попадались рыбачьи лодки, тянувшие за собой паутину сетей. На лодках были прямые паруса, напоминающие большие циновки. Даже Малх и тот был удивлён.

— Каких только я не видел парусов, — бормотал моряк, — из льна, из кожи, а вот таких ещё не встречал.

Приложив ладони к губам, рыбаки что-то кричали карфагенянам:

— Хорошего улова, камышовые паруса! — отвечали им дружно карфагеняне.

Море было синее и спокойное. Казалось, оно хотело обнять и приласкать на прощание своих сыновей, выходивших в океан.

К вечеру с правого борта показалась жёлтая скала с раздвоенной, как змеиный язык, вершиной. За ней встали, словно тени, лиловые вершины далёких гор. Слева выплыл берег, покрытый лесом.

— Вот они, Столбы Мелькарта! — торжественно произнёс Мидаклит.

— Где же они? Я не вижу никаких Столбов! — волновал ся Гискон.

Эллин расправил бороду. Ему доставляло удовольствие отвечать на вопросы мальчика.

— Лежащая под небесным сводом земля, — начал он, — делится на три части.[38] Одна из них называется Азией, другая — Ливией, а третья — Европой. Европа отделяется от Ливии Внутренним морем. Оно так широко, что его не пересечёшь за три дня и три ночи. И только здесь, — эллин протянул вперёд свою ладонь, — можно увидеть одновременно Европу и Ливию. Только здесь! Вот он, узкий пролив, разделяющий два материка, вот они, ворота, соединяющие Внутреннее море с океаном. Давным-давно, когда твои предки финикияне ещё не отваживались выйти в океан, они верили, что сразу за этими как бы встающими из волн скалами начинается царство смерти и мрака. И до сих пор эта земля, —

Мидаклит указал вправо, — называется Запаном, страной мрака.[39] Твои предки думали, что сюда, завершая свой дневной путь, спускается бог лучезарного солнца Мелькарт, чтобы утром выйти из других ворот, находящихся где-то на востоке, за Индией. Поэтому и теперь зовут эти скалы Столбами Мелькарта. Потом, когда страсть к наживе повела финикиян в океан и на его берегах были основаны первые колонии, моряки отодвинули Столбы дальше на закат. Столбами стал называться пролив, отделяющий остров, где теперь находится город Гадес, от страны Запан.

вернуться

36

Понт Эвксúнский — Чёрное морс.

вернуться

37

Борисфéн — древнее название Днепра.

вернуться

38

Древние не знали о существовании Америки и Австралии.

вернуться

39

От финикийского слова «Запáн», по-видимому, происходит современное название «Испания».

— Так, значит, нет никаких Столбов? — разочарованно промолвил Гискон.

— Нет, — задумчиво ответил эллин.

И, словно отвечая на какой-то другой, давно уже волновавший его вопрос, он продолжал:

— Так же, как нет пределов для человеческих дерзаний. Человек всегда создаёт воображаемые Столбы, очерчивая ими границы своего знания. Когда его мысль переходит за эти границы, он отодвигает их дальше и дальше. И так без конца.

— И мы тоже передвинем Столбы?

— Ты понял меня, мой мальчик! — удивлённо воскликнул эллин. — Может быть, это сделаем и мы, когда откроем людям то, что им пока ещё неведомо.

Корабль начало сильно качать. Рабы гребли изо всех сил, но «Сын бури» словно застыл на месте. Казалось, океан, ревниво оберегая свои тайны, не хотел никого пускать в свои владения.

Взяв щепку, Ганнон бросил её за борт. Волны подхватили, завертели её, и через мгновение она скрылась за кормой.

— Какое сильное течение! — обратился Ганнон к учителю.

— А знаешь, почему? — отозвался Мидаклит. — Океан вливает свои воды во Внутреннее море через этот пролив.

— Да! — согласился Ганнон. — Я слышал, что корабли простаивали перед Столбами неделями и подчас ни с чем возвращались в свои порты.

Край неба розовел. По небу плыли острые, как копья, облака. Это была верная для моряков примета.

— Ветер усиливается! — весело воскликнул Ганнон. — К утру мы выйдем в океан. Эй, на корме! Прибавить паруса! — приказал он.

В ответ послышался топот босых ног, хлопанье натягиваемой парусины.

Стемнело. На небе загорелись звёзды. За кормой виднелись тёмные силуэты с горящими огоньками. Огоньки вздрагивали, мигали. Казалось, это были не фонари на реях, а одноглазые чудовища, ведущие между собой непонятный разговор.

Ганнон долго не мог уснуть. Тревожные мысли обступили его. Они выходят в океан, в новый, неведомый мир. Что ждёт их впереди? Буря может рассеять его корабли, как овец, у которых нет пастыря. А если ему и удастся высадиться на западном берегу Ливии и найти плодородные земли, сумеет ли он защитить поселенцев от ярости тех, кому принадлежат эти земли? Сумеет ли он оправдать надежды многих тысяч людей, покинувших родину?

Наступило утро. Из моря показался раскалённый солнечный диск. Ещё не рассеялся туман, паруса были покрыты влагой. Ганнон провёл рукой по лицу, словно стирая остатки сна и ночных сомнений.

Палубы заполнились людьми. Они упали на колени, обратив просветлённые лица на восток, туда, где лежала покинутая родина, и молитвенно сложили руки. Люди пели. Торжественные звуки гимна солнцу разносились над широким простором моря, сливаясь с плеском волн:

Слава тебе, о Мелькарт, владыка,
Вышедший из царства ночи.
Слава тебе, господин всевышний,
Вечно сияющий, вечно юный.
Дай нам очей твоих ясных ласку,
Дай добротой твоей насладиться!

Весёлый солнечный диск, брызжущий ослепительными лучами, вдохнул надежду в людские сердца. Всё дурное и тяжёлое осталось позади. Солнце поднялось из вод, чтобы осветить им дорогу.

Ещё долго колонисты и матросы стояли па коленях, славя владыку Мелькарта:

Слава тебе, о Мелькарт!..

Гадес

Миновав Столбы Мелькарта, корабли пошли вдоль гористого берега страны Запан. Берег, изгибающийся к северу, был пустынным и неприветливым. Лишь изредка виднелись стада овец, охраняемые свирепыми псами. Суда шли так близко от берега, что карфагеняне слышали даже лай собак.

К полудню показался глубоко вдающийся в море мыс. Вблизи оказалось, что это два острова, отделённых друг от друга и от материка неширокими проливами. На одном из них уже можно различить силуэты строений и серебряный купол храма. Это Гадес, древнейшая финикийская колония.

Почти семьсот лет назад по воле оракула жители славного города Тира снарядили корабль и отправили его за Мелькартовы Столбы. Дважды они приставали к побережью страны Запан и бросали жребий. Дважды знамения были неблагоприятны. Лишь на третий раз, когда тиряне причалили к этому острову, выпал удачный жребий. И здесь был заложен город. Это было за триста лет до основания Карфагена. Молодому городу пришлось выдержать упорную борьбу с могущественным Тартессом,[40]основанным в незапамятные времена иберийцами, жителями страны Запан. В этой борьбе Гадес одержал победу. Вскоре Тартесс был уничтожен страшным землетрясением, и на западе у Гадеса уже не было соперников. Опасность ему угрожала только с востока, со стороны Карфагена. Не в силах противостоять Карфагену, Гадес вынужден был ему подчиниться. Это было лет сорок

назад. С той поры карфагенские купцы завладели богатой торговлей Гадеса. Ни один эллинский, этрусский или какой-либо другой корабль не мог быть принят в гавани Гадеса. Олово, янтарь, серебро, медь — всё это досталось Карфагену. Но гадесцы сохранили самоуправление городом. Во главе Гадеса стоял выборный суффет, правивший в согласии с богатыми мужами города.

Всё это хорошо известно Мидаклиту. Но о Гадесе существует так много легенд, столько выдумок об опасностях, подстерегающих на каждом шагу путешественников, пожелавших увидеть город, что очень заманчиво взглянуть на него своими глазами. Вот почему с таким любопытством смотрит Мидаклит на стены Гадеса. Может быть, ему удастся отделить правду от лжи, как ветер отделяет зёрна от плевел.

В руках у эллина — прямоугольная медная доска. На её блестящей поверхности — какие-то узоры, напоминающие причудливую вышивку.

— Что это? — спрашивает Гискон.

— «Рисунок земли». Вот эта линия обозначает берег. Видишь, как сходятся две черты, оставляя узкий проход? Это и есть Столбы Мелькарта. А за ними — океан. Такие «рисунки земли» впервые появились у вавилонян и египтян. Делали они их на глине и папирусе. Очертания берегов на медь перенесли твои предки — финикияне. Никто из смертных не заплывал дальше них. Лишь восемьдесят лет назад «рисунок земли» появился у моих соотечественников. Его дерзнул начертить мой земляк Анаксимандр. Другой мой соотечественник, Гекатей, прозванный Многостранствующим, исправил и дополнил «рисунок земли», принадлежавший Анаксимандру. А я хочу продолжить работу Гекатея. Ему ведь не пришлось здесь побывать. Он даже не знал, что Гадес находится на островке.

— А кому нужны эти «рисунки земли»? — прервал грека Гискон.

— Морякам — чтобы они знали, куда плыть, купцам — чтобы они могли найти дорогу в другие страны, путнику — чтобы он не заблудился.

Корабли медленно сворачивали в узкий пролив между островами. На глаз он шириной в пятьсот локтей.[41] Рой лодок и барок высыпал им навстречу. На барках покрупнее нос был украшен изображением лошадиной морды.

Набережные полны людей. Мелькают тёмно-бронзовые лица, сверкающие белизной одежды. Никогда ещё на памяти гадесцев в порт не заходил такой большой флот. К тому же его возглавляет сам суффет Карфагена. Большой флаг республики, синий, с двумя пурпурными полосами, гордо реет на носу идущего впереди корабля.

— Мир вам! — кричат гадесцы, а карфагеняне приветственно машут им в ответ.

Один за другим корабли пристают к изогнутому, как олений рог, каменному молу. Матросы ловко бросают причальные канаты на позеленевшие деревянные сваи. Гремят цепи. С плеском падают на воду якоря.

Когда были убраны паруса, сброшены и укреплены сходни, моряки и колонисты сошли на берег и вскоре заполнили почти всю набережную. Многие, упав на колени, возносили хвалу богам.

Карфагенян окружила толпа. Их засыпали вопросами о Карфагене, о людях, которых никто не знал и не помнил.

вернуться

40

Тарте́сс — главный город древнейшего государства в южной Испании. Славился своими серебряными рудниками.

вернуться

41

Ло́коть — мера длины у древних народов (менее метра).

Вскоре колонисты с наслаждением бродили по узким улочкам. И всюду за ними шли говорливые, весёлые гадесцы.

Остров, в западной части которого расположен Гадес, невелик. Дома тесно примыкают друг к другу. Низкие двери и узкие стрельчатые окна выходят на улицу. Такие окна называют египетскими. Плоские кровли полны любопытных. Женщины в белых туниках с золотыми кольцами на смуглых руках улыбаются и бросают карфагенянам цветы.

Ганнон поймал розу и укрепил её в складках одежды. Гул приветствий вспыхнул с новой силой.

Ганнон в сопровождении кормчих направлялся к суффету Гадеса. Впереди шагал Гискон. Ему поручено было нести жезл суффета Карфагена. Мальчик горд этим поручением и с радостью ловит любопытные взгляды гадесцев, обращённые на него.

От встречи с суффетом Гадеса Ганнон ждёт многого. Ему нужно пополнить запасы провизии, починить корабли, закупить товары для торговли с чернокожими туземцами тех земель, куда лежит их путь. Во всём этом должен помочь суффет.

У двухэтажного дома, к которому примыкал большой фруктовый сад, стояли стражи. Увидев Ганнона и его свиту, они вытянули вперёд правую руку со щитом. Щиты образовали ровную блестящую линию.

В дверях показался небольшого роста пожилой человек с острой седоватой бородкой. Его карие глаза смотрели умно и благожелательно. Это суффет Гадеса Хирам.

Гискон, как ему было сказано, протянул суффету жезл, после чего карфагенян пригласили в дом.

Хирам заключил Ганнона в дружеские объятия:

— Я помню твоего дядю Гимилькона. Он останавливался у меня на пути к Эстременидам.[42]

Суффет пригласил гостей к столу. Ганнона усадили на почётное сиденье с деревянной резной спинкой и мраморными подлокотниками.

За длинным столом, установленным серебряными подносами с дичью, высокими амфорами из красноватой сагунтийской глины, беседа затянулась до огней.

Отливая небольшими глотками терпкое вино, Ганнон рассказал суффету о своих планах. Хирам слушал с выражением сочувствия и интереса. Когда Ганнон закончил свой рассказ, Хирам заговорил:

— Мой город отделён от Карфагена многими днями пути, но я знал о твоих неудачах и успехах и мысленно был на твоей стороне. Ты задумал дело, достойное наших предков. Я горжусь тем, что Гадес лежит на твоём пути.

Речь зашла о стране Запан. Хозяин дома восторженно поведал о её богатствах.

— Чего только здесь нет! Река Таг несёт в своих водах золото. Его добывают, промывая песок. В горах близ реки Бетис[43] много серебра. Там поят скот из серебряных пифосов. Близ Сагунта копают лёгкую глину. Из неё делают кирпичи, плавающие в воде. В горах на севере и на юге — прекрасные пастбища. Даже в Италии нет такого тучного скота, как у нас. Своими плодами, зерном, мясом страна Запан может прокормить всех голодных людей Карфагена. Однако хорошо, что вы хотите основать колонии на побережье Ливии, а не здесь, — закончил свой рассказ суффет.

— Почему? — удивился Малх.

— Туземцы свободолюбивы и воинственны. Они бы уничтожили и Гадес, если бы имели корабли. Они не пустят вас на свои земли. Их легче истребить, чем поработить. Попадая в плен, они убивают себя сами.

— Я знал об этом, — сказал Ганнон, — поэтому и решил вывести колонии на берег Ливии. Там, за финикийским городом Ликсом, как я слышал, лежат свободные земли. Я надеюсь, что ликситы будут ко мне так же благосклонны, как и ты.

— В этом я не сомневаюсь, — заверил Хирам, — но советую, минуя Ликс, сразу направиться к большой равнине близ мыса Солнца и высадить там первых колонистов. Оттуда плыви на север, к Ликсу, основывая на пути города.

Это был весьма разумный совет. Он давал возможность выиграть время и отправить освободившиеся корабли обратно в Карфаген.

«Это мне позволит, — размышлял Ганнон, — на одном-двух кораблях, не рискуя всем флотом, направиться на юг».

— Но хватит ли нам наших запасов, если мы не будем заходить в Ликс? — спросил Ганнон суффета Гадеса.

— Я прикажу заколоть для тебя и людей твоих скота столько, сколько тебе потребуется. Я дам тебе живых овец столько, сколько сможешь ты увезти.

Ганнон крепко обнял Хирама.

Суффет провожал гостей до самой гавани. Город, освещенный луной, лежал как чеканное серебряное блюдо. На белые дома ложились тёмно-синие тени. Всё вокруг точно вымерло. Двери заперты. На улицах ни души. Только на перекрёстке им встретилась тележка, нагружённая кирпичом. Её толкали полуголые рабы. Невольники остановились и прижались к стене, чтобы дать пройти суффету и его гостям.

Неподалёку от гавани Хирам подвёл карфагенян к квадратному деревянному срубу. Наклонившись над ним, моряки смотрели в глубину колодца, где в чёрной, как дёготь, воде плавал серебристый ломоть месяца.

— Как ты думаешь, — обратился Хирам к Малху, — сейчас прилив или отлив?

— Надо побывать на берегу, — отвечал старый моряк.

Хирам рассмеялся:

— Ты думаешь?

Наклонившись над колодцем, суффет сказал:

— Сейчас прилив.

Прощаясь, Хирам поведал гостям, что во время прилива вода в колодце убывает, а во время отлива прибывает. Ганнон пожалел, что Мидаклит остался на корабле. Его бы, наверное, заинтересовал этот колодец.

Неожиданная встреча

Бог Мелькарт уже облачился в свои пурпурные одежды и показался на горизонте во всём своём царственном блеске. Уходящее к самому горизонту море походило на лист меди, расплющенный молотом. Захватив плащ, Ганнон вышел на палубу. Матросы и колонисты спали в самых разнообразных позах, обвеваемые нежным дыханием утреннего ветерка. Малх сидел у будки кормчего, поклёвывая носом. Услышав шаги, он встрепенулся и приветствовал суффета. Ганнон разбудил Мидаклита и сладко дремавшего рядом с ним Гискона.

— Друзья, пойдёмте осмотрим город! — предложил он.

— А что там смотреть? — возразил Малх, накидывая плащ на свои загорелые плечи. — Гавань и отсюда видна, а улицы — что в них толку!

— В чужом городе, — заметил Мидаклит, — путник должен побывать в двух местах: на базаре и кладбище. Базар — это живое лицо города, а в жилище мёртвых можно узнать его прошлое.

— Тогда на базар! — торопил Ганнон друзей. — Оставим в покое мёртвых.

У базарной площади воздух как будто стал гуще и тяжелее. Тысячи разнообразных запахов поднимались над землёй и медленно расплывались вокруг. Аромат ливийских смол перемешивался со сладковатыми испарениями гниющих отбросов, благоухание пряностей не могло побороть чад переносных жаровень с кипящим маслом. Вся эта густая смесь колыхалась над огромной площадью, переполненной людьми, разными по языку и цвету кожи.

На первый взгляд могло показаться, что все эти люди топчутся на одном месте, исполняя какой-то диковинный танец. Крики торговцев, зазывающих покупателей, мычание, ржание, блеяние, рёв, скрип, свист бичей, стоны — всё это было шумной музыкой, которая сопровождала эту пляску.

Прямо на земле рядами стояли пёстро раскрашенные деревянные чаши. С возков на колёсах без спиц торговали фруктами. Какие-то низкорослые смуглые люди в широкополых соломенных шляпах продавали бесхвостых коренастых обезьянок с толстыми и короткими лапами. С любопытством наблюдал Гискон за ужимками забавных зверьков. Был поражён их удивительным сходством с человеком и Мидаклит. Ладони обезьян розовые, как у младенцев, а мордочки изборождены морщинами, как у дряхлых старцев. А как подвижны и выразительны обезьяньи физиономии!

— А это что такое? — спрашивает Гискон, опускаясь на корточки перед клеткой с рыжим зверьком.

У зверька длинное гибкое тело и короткая шея с узкой головкой.

— Это египетский зверёк,[44] — произносит Мидаклит неуверенно.

— Вот ты и ошибся, чужеземец, — молвил торговец раздражённо (ему было досадно, что его животное приняли за какую-то кошку). — Перед тобой иберийский хорёк — гроза мышей и кроликов, страж наших посевов!

вернуться

42

Эстремени́ды — очевидно, полуостров Бретань.

вернуться

43

Река **Бе́тис** — теперь река Гвадалквивир.

вернуться

44

Греки узнали о кошке лишь в V веке до н. э. от египтян, у которых она считалась священным животным. Поэтому у греков кошка называлась «египетским зверьком».

— А с крысами он справится? — вступает в разговор Ганнон.

— Ещё бы! Он прекрасный крысолов.

— Тогда отнеси его ко мне на корабль.

У вороха шкур стояли смуглые люди с кривыми мечами на поясе. Ганнон узнал их — это иберы. По враждебно-надменному выражению их лиц было ясно, что они питают ненависть к этому чужому городу, присосавшемуся к их земле, как ракушка к корабельному борту. По туникам с широкой каймой карфагеняне узнали балеарцев. Рыбаки с островов Метателей Камней торговали рыбой.

Возле помоста, где продавали рабов, было довольно людно. В стороне кучкой держались мрачные атаранты[45] в длинных чёрных плащах,

подпоясанных на груди. Чёрные повязки закрывали нижнюю часть лица, оставляя открытыми лоб и глаза, сверкавшие недобрым блеском. Об атарантах шли самые зловещие слухи. Всякий, кто пытался проникнуть в их оазис в глубь Ливийской пустыни, не возвращался назад. Атаранты покупали на невольничьих рынках только девушек не старше шестнадцати лет. Сейчас рядом с ними стояло несколько несчастных в лохмотьях, со связанными руками.

Ганнон перевёл взгляд на помост. На шеях обнажённых эфиопов резко выделялись белые таблички.[46] Рыжеволосые люди, голые по пояс, были связаны цепью по двое, по трое. Взгляд Ганнона задержался на измождённом человеке, сидевшем на краю помоста. Голова его была бессильно запрокинута, чёрная лопатообразная борода торчала кверху, под нею временами судорожно двигался острый кадык.

За бородачом стоял тучный человек в лохмотьях, едва прикрывавших его наготу. Волосы у него были коротко подстрижены, как у всех невольников. Он смотрел куда-то вдаль, поверх голов.

«Мастарна и Саул! Вот где привелось мне с вами встретиться, — подумал Ганнон. — И теперь вы нуждаетесь в моей помощи не меньше, чем я нуждался в вашей!»

Сделав знак своим спутникам, чтобы они его обождали, Ганнон протиснулся сквозь толпу покупателей и зевак, приблизился к помосту и тихо позвал:

— Саул!

Толстяк вздрогнул, повёл глазами и удивлённо, по-детски открыл большой рот.

— Саул! — ещё раз позвал Ганнон.

Толстяк нагнул голову. Взгляд его встретился со взглядом Ганнона. Всем телом он рванулся вперёд. Но Ганнон приложил палец к губам.

Обогнув помост, Ганнон поднялся по его ступенькам и равнодушно, как это делал любой опытный покупатель, стал осматривать невольников.

Работорговец, остроносый человек с неприятными бегающими глазками, почтительно следовал за Ганнонам, узнав в нём суффета Карфагена.

— Тебе нужны гребцы, суффет? Возьми эфиопов! Они выносливы и неприхотливы.

— Эфиопы ленивы и не боятся плети, — бросил Ганнон.

— Тогда купи галлов! Смотри, какая у них нежная кожа. А мышцы, как медь.

— Галлы любят вино и не выносят качки. Они запакостят мне палубу… А это кто? — Ганнон ткнул пальцем в Саула.

— Иудей Саул, но я бы назвал его Самсоном.[47]

Ганнон улыбнулся:

— Почему же он у тебя без волос?

— Боюсь, что он перевернёт весь мой помост! — отозвался гадесец.

Работорговец назначил цену за Саула. Мастарну он отдавал в придачу.

Расплатившись с работорговцем, Ганнон прикрикнул на толстяка:

— Ну ты, акулий корм, пошевеливайся!

Толстяк взвалил на себя бородача и двинулся вслед за Ганноном. Когда они отошли достаточно далеко от помоста, Мастарна вдруг пришёл в себя и спрыгнул на землю.

Ганнон был поражён.

Упав на колени, этруск поднял к небу руки со стиснутыми кулаками. Из уст его вырвались какие-то непонятные отрывистые слова. Ганнон

решил было, что этруск благодарит своих богов за спасение, но в его голосе звучала такая злоба, что скорее можно было подумать, что он проклинает их. Несколько раз Мастарна повторил непонятное слово:

— Тухалка!

Наконец, поднявшись с земли, этруск подошёл к Ганнону и молча поклонился ему.

— Лопни мои глаза, — толстяк подмигнул Ганнону, — ты подоспел вовремя! Ещё немного — и мы протянули бы ноги от голода.

Ганнон понял намёк:

— Идём в таверну!

Мидаклит и Малх тоже обрадовались этому приглашению. Они устали от сутолоки базара. Кроме того, им не терпелось выведать, что это за люди, которых Ганнон выкупил из рабства.

В таверне

В таверне, носившей странное название «Морской петух», пахло дымом очага и соусом. На длинных дубовых скамьях сидели подвыпившие моряки. Один из них спал, положив голову на припёртый к стене стол. Посередине таверны на земляном полу кружилась молодая женщина в короткой красной тунике. Звенели цепочки на её босых загорелых ногах. В пляске её были быстрота и стремительность ветра, который обрушивается на страну Запан с высоких северных гор, жар

солнца, освещающего её зелёные виноградники и тусклые оливковые рощи.

Ганнон и его друзья заняли места поближе к хозяину «Морского петуха», горбуну с серьгой в правом ухе. Хозяин не замедлил расставить перед новыми посетителями амфоры с вином и плоские чаши с мясом и овощами.

— У тебя не массилийское ли вино, приятель? — спросил Саул, поднося к губам фиал.

— Нет, гадесское, — ответил горбун удивлённо.

— Тогда я его пью. — Иудей мгновенно осушил кубок. Мастарна хрипло рассмеялся:

— Ты думаешь свалить вину на вино!

Повернувшись к Ганнону, этруск рассказал:

— Плыли мы близ берегов Массилии.[48] Захватили купца под парусами. В трюме у него мы нашли отличное массилийское вино, не хуже, чем это. Мои молодцы к нему присосались, а он, — Мастарна кивнул на Саула, — первый. Когда нас настигли массилиоты, вся команда лежала на палубе как мёртвая. Один удар тараном — и прощай наша «Мурена». Мы, как лягушки, барахтались в холодной воде, пока нас не втащили на борт.

— А как же вы попали в Гадес?

— В Массилии нас купил этот шакал гадесец и привёз сюда, в Гадесе рабы сто́ят дороже.

— Он угощал нас одними плетьми! — добавил Саул. — Порази его бог в пятое ребро!

— А как попал в Гадес ты? — обратился этруск к Ганнону.

— Я здесь не один. Со мной флот с карфагенскими переселенцами. Хочу основать колонии к югу от Ликса.

Мастарна улыбнулся:

— Помнишь наш разговор?

— Помню, — кивнул дружелюбно Ганнон. — Ты был прав. Чтобы удержать сицилийский щит, нам нужны крепкие воины, а не хилые, истощённые от голода бедняки. Нам необходимы золото и слоновая кость, чернокожие невольники и железное дерево. И всё это мы возьмём здесь, по эту сторону Столбов. И после этого мы поставим врагов наших на колени, — закончил Ганнон жёстко.

— Клянусь морем, — воскликнул этруск, распрямляя плечи, — если бы я не был Мастарной, сыном Тархны, то хотел бы поплавать иод твоим флагом!

При имени «Мастарна» Малх удивлённо повернул голову. Эллин застыл с куском лепёшки во рту. Неужели перед ними тот самый Мастарна, неуловимый пират, гроза морей? Тот самый Мастарна, чей отец был последним царём Рима? Римляне его называли Тарквинием Надменным. Но откуда они знают друг друга, Ганнон и Мастарна?

— Там, где поместилось много тысяч, найдётся местечко и ещё для двоих, — сказал Ганнон. — Едем с нами!

Мастарна переглянулся с иудеем.

— Я не люблю есть хлеб даром! — заявил он.

— А какое занятие тебе по душе? — вмешался Малх.

— На корабле я могу быть кормчим. Но если место кормчего занято, то, может быть, у тебя найдётся свободная плеть? У меня тяжёлая рука, и гребцы у меня не будут лениться.

— Лопни мои глаза, — воскликнул иудей, поднимая кулак, — рука у меня не легче твоей, и я поплыву хоть в царство теней, если на корабле найдётся доброе вино!

Но вот выпито и съедено всё, что можно только съесть и выпить. Отяжелев, люди с трудом оторвались от стола, уставленного пустой посудой. Ганнон бросил горбуну несколько монет и, подойдя к двери, толкнул её ногой.

вернуться

45

Атара́нты — народность, заселявшая в древности пустынную внутреннюю часть Африки.

вернуться

46

В Гадесе, так же, как в Карфагене, работорговец был обязан сообщать о возрасте и характере продаваемого невольника.

вернуться

47

Самсон — легендарный иудейский герой, которому приписывалась сверхъестественная физическая сила. Эта сила заключалась в семи прядях его волос. Когда у него их остригли во время сна, он попал в плен.

вернуться

48

Массúлия — греческая колония на южном побережье Галлии (современная Франция). Основана выходцами из города Фокеи в 600

году до н. э. Жители этой колонии, массилиоты, принимали деятельное участие к торговле с Карфагеном.

После чада таверны на улице показалось особенно свежо. Пахло морем, тем особым острым запахом, который опьяняет сильнее вина. Мидаклит, наклонившись, поправлял завязки сандалий. Малх, опираясь на плечо Гискона, рассказывал ему что-то, и мальчик заразительно смеялся. Пираты стояли, прислонившись к стене. Ноздри крючковатого носа Мастарны раздувались, и этруск стал удивительно похож на ястреба.

— Малх! — обратился Ганнон к старому моряку. — Ты отведёшь моих друзей на корабль. Мы осмотрим храм и вернёмся. И ты, Гискон, — добавил он, — иди тоже с ними. Тебе хотелось побывать у своей сестры.

Мальчик понял: Ганнон посылает его к Синте.

Пираты, пошатываясь, пошли за Малхом. Когда они были у поворота, Ганнон уловил звуки песни. Её пел Саул на своём языке, но он был так близок к финикийскому, что Ганнон без труда разобрал:

Мы вечные странники моря,
Нас кормит и поит оно.
Сулит нам и радость и горе,
Дарует и хлеб и вино…

— Откуда ты знаешь этих людей? — спросил эллин, когда звуки песни утонули вдали.

— Я обязан им жизнью, — отвечал Ганнон. — Они подобрали меня в море близ Гимеры и без выкупа доставили в Карфаген.

— Да, они поступили благородно, — согласился эллин, — но всё же они мне не по душе. Посмотри в глаза этому тирсену[49] и сразу поймёшь правильность поговорки: «Глаза — окна души». Душа у него чёрная и жестокая.

Ганнон недоуменно пожал плечами.

— Впрочем, — добавил эллин, — твой спаситель, наверное, не более жесток, чем его соотечественники. Я слышал, что тирсены под звуки флейт засекают до смерти своих рабынь, что они заставляют юношей-пленников убивать друг друга на похоронах своих лукомонов.[50]

— Ты несправедлив, учитель, — возразил Ганнон. — Этруски не более жестоки, чем другие народы. Они ведь не приносят в жертву младенцев, как это делают наши жрецы. Не потому ли вы, эллины, так невзлюбили этрусков, что они стали на вашем пути к океану, что они разоряют ваши колонии, нападают на ваши корабли?

Мидаклит усмехнулся:

— Да, тирсены сильный народ, они заслужили славу безжалостных пиратов. Но их владычеству приходит конец. Только гибель им принесут не эллины.

— А кто же? — спросил Ганнон.

— Римляне, — сказал уверенно Мидаклит. — Уже тридцать лет, как они изгнали тирсенских правителей и установили у себя республику. Сколько ни бьются тирсены, им до сих пор не удалось вернуть своё господство.

Улица, ведущая в храм, шла вдоль полуразрушенной городской стены. Кое-где стена поднималась на несколько десятков локтей, в других же местах имела в высоту не более человеческого роста. В проёмах синело море и виднелся скалистый берег. Конечно, эти разрушения — следы таранов, применённых карфагенянами при осаде Гадеса. Отец Ганнона уверял, что тараны были впервые изобретены тирийцами и даже называл имя изобретателя: Пефрасмен. Но Мидаклит вычитал где-то, что задолго до тирийцев таран был известен древним завоевателям ассирийцам. От ассирийцев много страдал и отец Карфагена — Тир. Теперь же мало кто помнит даже имя ассирийцев.

Ветер окреп и гнал по улице сучья и листья. Мидаклит запахнул свой плащ и набросил на голову капюшон. За поворотом начиналась узкая мощёная дорога, обсаженная кипарисами. До святилища Мелькарта

было отсюда около часа ходьбы, и путники решили отправиться туда на следующий день.

Мидаклит, обернувшись, долго смотрел на заходящее солнце. Губы его что-то шептали, он сделал рукой непроизвольный жест, словно споря с невидимым противником.

— Ты не находишь, учитель, — спросил Ганнон, — что солнце здесь больше, чем во Внутреннем море?

— Это обман зрения, — отвечал эллин. — Просто с воды поднимается больше испарений. Проходя через эти испарения как через линзы, лучи преломляются и предметы воспринимаются в большем размере. Каких только басен ни рассказывают об этих местах! Я сам слышал в Милете от одного моряка, будто солнце исчезает с шипением, как раскалённый металл, опускаемый в воду.

Ганнон расхохотался.

— Кажется, ваши моряки такие же выдумщики, как наши.

Вспомнив рассказ Малха о людях с длинными языками, Ганнон добавил:

— Я думаю, твой моряк был крепко пьян, когда наблюдал за солнцем.

— Да он и не переходил за Столбы! — сказал эллин. — Ты же знаешь, что ни один эллинский корабль не выходил из Внутреннего моря с того времени, когда вы овладели Гадесом. Да и мне бы никогда не увидеть океан, если бы не был ты моим учеником.

— А может быть, и я не отправился бы за Столбы, не будь ты моим учителем, — молвил с улыбкой Ганнон. — Ещё в детстве твои рассказы об Одиссее поразили моё воображение. Я стал мечтать о плавании в океан задолго до того, как понял, что во всём, что касается моря, твоему Гомеру нельзя верить. Да, да, не смотри на меня с таким удивлением. Твой Гомер такой же выдумщик, как всякий, кто берётся рассказывать о том, чего не видел собственными глазами. А может быть, ему попался

какой-нибудь моряк из тех, которых называют кормчими небылиц, и твой Гомер развесил уши.

— Может быть! — сказал эллин. — Но согласись со мной, что эти сказки не так уж бесполезны, если они вселяют в нас мечту о плаваниях и неведомых землях. Мне приходилось читать многое из того, что пишут карфагенские купцы о своём пребывании за Столбами. Я узнал, какова цена на рабов и слоновую кость и какую выгоду они получили. Нет, лучше уж сказки, зовущие вдаль!

В храме Мелькарта

Храм Мелькарта находился в восточной части острова, на скале, круто обрывающейся к морю. В этом месте остров наиболее приближался к материку, образуя пролив шириной в один стадий.[51]

Ещё в Карфагене Ганнон слышал о древнем храме Мелькарта, о странных обычаях, свято соблюдаемых его почитателями. У порога храма лежала груда камней. Верующие с молитвой переворачивали их. Это считалось угодным богу. Все жрецы этого храма не имели права вступать в брак. Ни одна женщина не могла переступить порог святилища. Ганнон задумался: «Значит, здесь никому не грозит участь Синты».

Большие надежды на посещение храма возлагал Мидаклит. «Если Солон узнал об Атлантиде от жрецов Саиса, так далеко расположенного

от Столбов, то почему бы мне не узнать о ней в храме Мелькарта, находящегося почти рядом с Атлантидой?»

Храм был сложен из огромных неотёсанных камней. Его стены, выступавшие полукружиями, составляли как бы продолжение скалы, на которой он высился.

Омыв руки в большом медном тазу и сняв сандалии, Ганнон и Мидаклит переступили порог святилища. В притворе[52] они увидели Хирама. Суффет возвращался после дневной молитвы. Он был в одежде жреца храма Мелькарта — в длинной льняной тунике без пояса, отделанной широкой красной каймой. Его тщательно расчёсанная бородка благоухала розовым маслом. Во всём его облике было такое радушие, что лица карфагенян сами расплылись в ответных улыбках.

— Буду рад тебя сопровождать! — сказал Хирам Ганнону, когда тот поведал ему о целях посещения храма. — В доме бога есть немало поучительного.

Карфагеняне вступили в высокий зал с потолком овальной формы. Прямо против двери стояла статуя Мелькарта с луком в руках и колчаном со стрелами на боку. Стрелы были сделаны из серебра и напоминали пучок солнечных лучей. За статуей возвышались две медные колонны локтей в восемь высоты. Они были испещрены письменами.

Ганнон, Мидаклит и Хирам остановились около одной из колонн.

— Здесь написано по-финикийски! — воскликнул Мидаклит.

Всматриваясь в полустёршиеся письмена, Ганнон прочёл:

вернуться

49

Тирсе́нами греки называли этрусков.

вернуться

50

Лукомо́н — этрусский аристократ. На похоронах лукомонов устраивались кровавые сражения рабов. Отсюда ведёт начало обычай гладиаторских боёв в Риме.

вернуться

51

Стадий — мера длины, впервые введённая на Востоке (в древнем Вавилоне), а затем принятая греками. Длина стадия в переводе на метры колебалась у разных народов от 194 метров до 230 метров.

вернуться

52

Притво́р — помещение в храме перед залом для молящихся.

— «Мы, купцы города Тира, на десятый год правления царя Керета снарядили корабли и доставили богу нашему Мелькарту триста кедровых стволов с гор Ливана, десять талантов меди из Кипра, два таланта египетского золота».

— И это всё?.. — разочарованно протянул эллин.

— А что бы тебе хотелось услышать ещё, чужеземец? — произнёс обиженно Хирам. — Эти колонны — свидетели древности нашего города, они повествуют о благочестивом даре его основателей, отважных купцов Тира.

— Я хотел бы узнать что-либо об Атлантиде, огромном острове, что лежит где-то к югу от страны Запан.

— Южнее здесь нет ни одного большого острова, — возразил Хирам. — Большие острова находятся севернее Гадеса.

— Сейчас нет, но он существовал. Об этом узнал афинянин Солон от египетских жрецов. Я думал, что об этом известно и жрецам Гадеса.

— Нет, — сказал Хирам. — Об Атлантиде не слышали ни жрецы, ни кто-либо другой в Гадесе. Да и не мог бы такой большой остров исчезнуть бесследно.

— Хирам прав, — заметил Ганнон. — К югу от страны Запан нет никаких островов.

— Это ещё неизвестно, — возразил Мидаклит. — В этих водах мало кто плавал.

В путь

Миновало два дня, и всё в гавани пришло в движение.

Как всегда перед поднятием якорей, раздавался стук, свист, скрип, крики. Ганнон совсем не сходил теперь на берег. С палубы «Сына бури» он зорко следил за последними приготовлениями к отплытию. По сходням к гаулам, уже стоявшим под парусами, спешили рабы с кожаными мешками на голых загорелых плечах. Стражи пронесли блестящий серебряный якорь — подарок Хирама. Матросы натягивали вдоль перил кожи для защиты от волн, привязывали купленные в Гадесе лодки.

Колонисты сидели у гаулы, вытащенной кормой на берег. Судно называлось «Око Мелькарта». По пути из Карфагена гаула дала течь.

Гадесцы обещали её починить. Без мачт и парусов «Око Мелькарта» напоминало мёртвое морское чудовище, выброшенное на берег бурей.

Вот на корабли потащили живых баранов. Один из рабов оступился и упал вместе со своей ношей в море. Баран, у которого были связаны ноги, камнем пошёл ко дну. Раб выбрался на берег. Его окружили надсмотрщики. Среди них был и Мастарна с длинной плетью в руках. Наотмашь он ударил ею по обнажённой спине раба.

Ганнон и Мидаклит стояли на палубе. Суффет мельком взглянул на своего учителя. У того было страдальческое выражение лица. Казалось, свистящие удары плетей ранят его самого.

— Надо посмотреть и в другую сторону! — сказал эллин глухо.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Ганнон.

— А вот послушай! Произошло это в Тире незадолго до того, как царицей Дидоной[53] был основан Карфаген. Разбогатев от торговли, тиряне приобрели множество рабов. Они заставляли их спускаться в рудники и каменоломни, возделывать свои коля, сады и виноградники. Притом они плохо обращались с рабами, держали их впроголодь, истязали за малейшую провинность. Долго выносили это рабы, но потом терпение их иссякло. Они тайком сговорились между собой и перебили своих хозяев. Лишь одному из свободных удалось спастись, сменив свою одежду на лохмотья. Этого человека звали, как и нашего жреца, Стратоном. Решили освободившиеся рабы избрать из своей среды царя, чтобы тот ими правил по справедливости. А так как в Тире, так же, как и в Карфагене, отцом города считался Мелькарт, рабы думали, что царём может стать человек, отмеченный благоволением лучезарного солнца. В полночь вышли рабы на равнину за городом и стали ожидать восхода солнца, с тем чтобы избрать царём того, кто первый увидит огненные стрелы Мелькарта. Все напряжённо вглядывались в ту сторону, откуда обычно появлялось огненное светило. Но Стратон, единственный свободнорожденный, оставшийся в живых, смотрел в противоположную сторону, туда, где над морем высился белокаменный Тир. Стратон ничего не ожидал от восходящего светила, он думал о своих погибших

родных, о расхищенном добре, и из глаз его катились слёзы. И вдруг он увидел на высоких кровлях Тира отблеск солнечных лучей. «Мелькарт! Мелькарт!» — закричал он. И рабы избрали Стратона царём. Я вспомнил этот рассказ, когда увидел, как избивают раба. Надо и нам оглянуться, чтобы не испытать того, что перенесли тиряне от своих рабов.

Ганнон пожал плечами. С детства он был окружён рабами, он привык к тому, что есть люди, освобождающие его от грязной и тяжёлой работы.

— Мир — это корабль, — возразил Ганнон. — Одним боги предназначили быть внизу и до самой смерти подымать и опускать тяжёлые вёсла. Другим уготовили места наверху. И эти могут видеть солнце и звёзды, наслаждаться жизнью. У них светлые одежды, лёгкие головы. Но те и другие не могут обойтись друг без друга. Так было всегда и так будет, покуда стоит мир.

— Может быть, ты и прав, — вздохнул эллин. — Разумом я понимаю, что нет свободы без рабства. Но сердце моё не выносит несправедливости.

* * *

К полудню всё было готово к отплытию. Провожать карфагенян вышел весь город.

Хирам сетовал, что приходится так скоро расставаться.

— Карфаген остался без флота, — объяснил ему Ганнон, — а после Гимеры от врагов можно всего ожидать.

— Пусть Мелькарт укажет тебе добрый путь, — сказал гадесец, прощаясь.

Валкой походкой к Ганнону подошёл Адгарбал. Во время плавания ныряльщик показал себя опытным моряком. Теперь Ганнон поручил ему проследить за починкой «Ока Мелькарта» и доставить гаулу в одну из колоний.

— Держись подальше от берега, чтобы не разбить судно о камни, — наставлял Адгарбала Ганнон. — Запаси провизии в Гадесе. В Ликс не заходи. В самой южной колонии жди меня. В Карфаген поплывём вместе.

Адгарбал понимающе кивал головой.

Ганнон приказал поднимать сходни и вытаскивать якоря. Один за другим корабли отваливали от мола. Пролив, разделявший острова, становился всё шире. На северном берегу острова, лежащего против Гадеса, Ганнон увидел финиковые пальмы. Тонкие коричневые стволы изгибались под ветром и приветливо махали тёмно-зелёными перистыми листьями.

Финиковая пальма — священное дерево Тиннит.[54] Предки Ганнона, отправляясь в дальнее плавание, брали с собой финики, и там, где они селились, поднимались молодые поросли пальм. Веками финиковые пальмы давали людям жизнь, приносили им радость. Финиковые пальмы — это хлеб и вино, одежда и сети для рыбной ловли. Из стволов высохших пальм делались столбы и двери хижин, а крыши покрывались пальмовыми листьями. Финиковая пальма — бессмертие народа Ганнона, бессмертие его предков. Пройдут тысячелетия, бесследно исчезнут финикийские поселения, забудутся их имена, но пальма будет качаться над раскалёнными песками, как символ вечной жизни.

Увлечённый своими мыслями, Ганнон не заметил, как с левого борта показались остроносые челны. Малх, подойдя к Ганнону, положил ему руку на плечо. Ганнон вздрогнул.

— Смотри! — кормчий указывал на лодки.

Ганнон внимательно оглядел лодки и высоких белокурых людей, ловко управлявших вёслами.

При виде кораблей они стали быстро грести к берегу.

— Боятся нас! — разочарованно протянул Мидаклит. — А как хотелось бы увидать их вблизи и расспросить!

— Гей, укачай тебя волны! — бросил Малх. — В море чужой человек опаснее бури и подводных камней. Кому хочется попасть на невольничий рынок?

— Клянусь Мелькартом, — воскликнул Ганнон, — эти челноки не из дерева!

— Ты прав, суффет, — подтвердил Малх, — они из кожи, натянутой на обручи.

— Надо предложить Большому Совету, — пошутил Ганнон, — делать деньги из дерева, а лодки — из кожи.

Все рассмеялись, представив себе, что вместо привычных кожаных монет в мешочках будут стучать деревяшки.

— Кто же эти отважные люди? — не унимался Мидаклит. — Наверное, рыбаки прибрежных селений.

вернуться

53

По преданию, Карфаген был основан царицей Дидоной, сестрой финикийского царя Пигмалиона.

вернуться

54

Карфагеняне считали богиню Тиннит покровительницей пальмы. На каменных карфагенских плитах часто встречаются изображения пальмы как символа Тиннит.

Малх покачал головой:

— Нет, это жители туманных Эстременид. Туда проложил путь ещё Гимилькон.

Ганнон вспомнил каменную плиту в храме Тиннит. «Почему брат моего отца так много говорит о чудовищах Северных морей и так мало о людях далёких земель Альбиона и Гиберны?[55] Почему он не рассказывает о рудниках, где добывают драгоценное олово и тяжёлый свинец? Почему в его отчёте так мало сказано о Янтарном береге,[56] где прямо в песке находят куски жёлтого твёрдого камня? Его называют золотом севера. Как мало мы знаем о море! — думал Ганнон. — Мы окружили Внутреннее море, как лягушки пруд, а за нашими спинами океан. Как он беспределен!»

На корабле

Сильный и ровный ветер шумит в снастях. Уже неделю он дует в корму, и корабли летят, как стая белых лебедей. Океан обрамлён высоким бирюзовым куполом. По нему плывут острова облаков, незаметно меняя свои очертания. Словно кто-то поднял и изогнул огромное зеркало, в котором отразились и морская синева и паруса флотилии.

Ганнон охвачен хорошо знакомым чувством движения и приобщённости к морской стихии. Кажется, что крылья вырастают за плечами, голова ясна, мышцы крепки, как медь. Нет ничего на свете, что было бы тебе не под силу.

Ганнон обводит взглядом корабль. Гребцы положили свои обритые головы на борт и дремлют. Другие что-то жуют. Вёсла подтянуты к борту. Не свистит бич Мастарны. За всех трудится ветер Великого моря. Корабль идёт на одних парусах.

На корме, прислонившись спиной к мачте и выставив вперёд босые ноги, сидит Саул. На голове у него повязка, скрывающая короткие волосы, — признак недавнего рабства. Полными горстями иудей вынимает из плетёной корзины финики и засовывает их в рот.

Ганнон не может удержаться от улыбки. Он подходит ближе и садится на свёрток канатов рядом с Мастарной, играющим своей плетью.

Из группы колонистов выходит невысокий тощий человек. Это горшечник Мисдесс. Ганнон уже знает многих переселенцев по именам, а этого запомнил ещё с Карфагена, когда он запоздал на корабль.

— Не позавидую тому, — обращается Мисдесс к Саулу, — кто разделит с тобой кровлю: он погибнет от голода.

— Молчи, горшечное колесо, — невозмутимо произносит толстяк. — Бог, вылепивший меня, отпустил мне вместительное брюхо, а на тебя пожалел глины и насадил на плечи дырявый горшок.

Ропот возмущения прокатился по толпе переселенцев. Ганнон знает, эти люди не любят чужеземцев, неизвестно откуда появившихся на борту «Сына бури». Но Ганнону это чувство чуждо. Мастарна и Саул — пираты. Но разве не был морским разбойником его дед, прославивший род Магонидов? Когда надо, он торговал, а предоставлялась возможность — грабил. Наверное, он был таким же смелым и бесшабашным человеком, как этот иудей Саул. Нет, Ганнон нисколько не жалеет, что взял чужеземцев на корабль. Море — их стихия. В случае опасности они могут оказать немалую помощь. С одним только Ганнон не может примириться: они так бесчеловечно жестоки с гребцами. А ведь новых гребцов в океане не найти. «Надо сказать об этом Мастарне!» — решил Ганнон.

— Друзья, — обратился он к пиратам, — идёмте за мной.

Саул вскочил, не забыв, однако, прихватить и корзинку с финиками. Мастарна перекинул плеть за спину и лениво поднялся с канатов.

— Как вам живётся у меня на корабле? — спросил Ганнон, когда они остались одни.

— Еда хорошая, а вино… — Иудей причмокнул губами. — Такого не пил и царь Соломон!

— Пахаря кормит плуг, воина — копьё, а нас — вот это! — Мастарна взмахнул плетью.

— Боюсь, что вы слишком усердствуете, — проговорил Ганнон укоризненно. — Здесь гребцы дороже серебра.

— Рабам нужно почаще чесать хребет, — заявил убеждённо этруск. — А впрочем, хозяин здесь ты. Прикажешь, я дам плети отдых.

— Да, пусть она отдохнёт, — согласился Ганнон. — Я найду вам другое занятие. Не сегодня-завтра мы будем у берегов Ливии. Говорят, нигде на земле нет такого сильного прибоя, как там.

— Положись на нас, суффет! — Саул поправил повязку на голове. — Лопни мои глаза, если разобьётся хоть одна лодка!

— Прибой у берегов Ливии силён, — подтвердил Мастарна, — но нам он не страшен. Вот тебе моя рука!

Первая колония

Солнце ещё не успело рассеять утренний туман, как вдали показались берега Ливии. Колонисты с жадностью смотрели на землю, которая должна была заменить им родину. Берега не были такими голыми и

неприветливыми, как в стране Запан. Густой лес покрывал вершины холмов и кое-где спускался к самому морю.

Но как высадиться на этот берег? Оглушительно ревел прибой. Его гул перекрывал все звуки. Бешеные валы, догоняя друг друга, катились к прибрежным камням. Стена воды имела цвет стекла, из которого финикийские умельцы делают бусы и сосуды для притираний. Белые гребни напоминали огромную стаю птиц, охваченных ужасом. Моряки переглядывались в немом удивлении.

— Пусть будет спокойно твоё сердце, суффет, — сказал Мастарна, став рядом с Ганноном. — Не страшись этих волн. Надо дождаться отлива.

В ожидании отлива корабли стали на якоря, беспрерывно кланяясь громадным волнам. Ганнон передал приказание готовиться к спуску челнов. По совету Мастарны, для каждого из них были приготовлены длинные канаты. Один их конец прочно укреплялся на специально вбитом в носовую часть лодки медном кольце, другой должен был находиться в руках опытного моряка, которому можно было доверить чёлн и людей.

За приготовлением к высадке на берег незаметно прошло время. Начался отлив. С кораблей спустили лодки, сбросили верёвочные лестницы. Моряки и колонисты занимали свои места. Ганнон взмахнул флажком. От «Сына бури» отделилась первая лодка. На вёслах сидели Мастарна и Малх. Саул, примостившийся на носу, зорко всматривался в берег, подыскивая место, где удобнее было высадиться.

Ганнон видел, как лодка вошла в грохочущую линию прибоя и пробилась к берегу. Стоя по колени в воде, то и дело закрываемый грохочущими валами, Саул ловил концы и вытягивал челны один за другим на сушу. Любо было смотреть, с какой сноровкой он это делал! Мастарна и Малх помогали людям выходить из лодок. Женщин и детей они переносили на плечах.

Полдня ушло на выгрузку колонистов и необходимых им до ближайшего урожая припасов.

Ожидая Ганнона, ещё остававшегося на корабле, Гискон и Мидаклит бродили по берегу. Отлив обнажил местами каменистое дно. Гискон увидел между камнями что-то яркое, напоминавшее большой цветок с длинными тонкими лепестками.

— Морская роза! — воскликнул Мидаклит, опускаясь на корточки. — Смотри, вот её щупальца.

— Так это не цветок, а животное! — удивился Гискон.

— Разумеется. В море обитают самые удивительные существа. Какую только форму и окраску они не принимают! Вот это существо напоминает розу, а ведь в его жилах течёт кровь, как и у нас с тобой. Из этой крови приготавливают мазь, она помогает при укусе скорпиона. Я никогда не расстаюсь с баночкой этой мази.

— Какая тебе мазь! — вмешался подошедший Саул. Он уже вытащил на сушу последний чёлн и теперь ходил по берегу, нетерпеливо поглядывая в сторону костров: оттуда доносился вкусный запах похлёбки. — От укуса скорпиона помогает лишь молитва. А морскую розу варят в солёной воде и поливают маслом. Это хорошо возбуждает аппетит!

— А разве у тебя плохой аппетит? — спросил, улыбаясь, эллин.

— Недурной. Но, перед тем как съесть быка, мне надо закусить десятью морскими розами и выпить две амфоры вина.

Тем временем Ганнон и колонисты поднялись на невысокий зелёный холм. С него открывался вид на равнину, окаймлённую на горизонте грядой синеватых гор. Широким жестом Ганнон обвёл всю равнину, и этот жест, казалось, превратил дикое, не обжитое людьми место во что-то необыкновенное и прекрасное.

вернуться

55

Альби́он и **Гибе́рна** — Британия и Ирландия.

вернуться

56

Янтарный берег — южное побережье Балтики.

— Эти горы, — говорил убеждённо Ганнон, — защитят поля от иссушающего дыхания пустыни. Равнину покроют финиковые и оливковые рощи, поднимутся сады, и с ветвей будут свисать золотые яблоки.

Рассказ Ганнона был прерван появлением жреца.

Стратон поднимался на холм. За ним на верёвке тащилась чёрная овца. Сейчас начнётся священная церемония. Боги должны указать место для будущего города.

Жрец отвязал овцу. Животное, почуя свободу, спустилось с холма. Сотни глаз следили за ним. Куда пойдёт овца? Животное остановилось у подножия холма и стало щипать траву. «Овца простоит здесь до утра, — с ужасом подумал Ганнон, — а люди нуждаются в отдыхе». Колонисты молчали. Произнести даже одно слово в момент священной церемонии — страшный грех. Боги любят тишину.

Овца, между тем, пощипывая траву, медленно направлялась к берегу. Люди испуганно переглядывались. Нельзя же основать город на прибрежном песке!

На берегу трава была более редкой, и овца снова стала взбираться на холм. На самой его вершине она легла.

— Здесь! — вырвался облегчённый вздох из сотен грудей.

— Разве это гаданье! — сказал Мастарна, презрительно скривив губы.

— А чем оно тебе не по душе? — спросил Ганнон.

— Жди, пока глупой овце вздумается лечь! На моей родине у этой овцы разрезали бы живот и вынули бы её печень. По форме печени можно сразу же увидеть, как относятся к твоему выбору боги. А если ты не желаешь резать овцу, гадай по полёту птиц.

* * *

Место для города выбрано, но надо его ещё освятить, принеся кровавую жертву. Стратон накинул на себя священный плащ чёрного цвета с красной бахромой внизу, прикрепил ко лбу с помощью шнура блестящую медную бляху. Кто-то стал копать яму.

На холм поднимались трое. Когда они приблизились, можно было узнать двух надсмотрщиков, они вели под руки женщину, прижимавшую к груди ребёнка. Её голова была не покрыта. Она поминутно останавливалась, о чём-то просила своих провожатых.

Карфагеняне молились подземным богам и топали ногами. Стратон сделал знак одному из своих помощников. Тот подскочил к женщине и выхватил из её рук ребёнка. Женщина закричала. Надсмотрщик толкнул её в грудь, и она упала. Ребёнка тот быстро передал жрецу.

Стон женщины заглушил грохот прибоя. Он долго звучал в ушах людей, потрясённых горем матери.

Блеснул медный нож. На одежду Стратона брызнула кровь. Надсмотрщик подставил глиняный бочонок, и безжизненное детское тельце исчезло в его глубине. Стратон опустил бочонок на дно ямы.

Каждый из колонистов должен был бросить в могилу горсть земли.

Стратон простёр руки к небу:

— Прими нашу жертву, о Мелькарт! Пей алую кровь и дай крепость стенам города Тимитерия. Пусть погибнет всякий, кто вздумает разрушить его стены!

Женщина, у которой отняли ребёнка, больше не кричала. Она была неподвижна. К ней подошёл Мисдесс. Лицо его было белее морской пены. Губы дрожали.

— Вставай, Шимба! — Горшечник склонился над женой и гладил её волосы. — Не гневи богов! Они взяли нашего первенца, но они дадут счастье городу, а нам — много сыновей.

Люди молча спускались к берегу. Ганнон с содроганием вспоминал чудовищный обряд жертвоприношения. Здесь, у берегов Великого моря, он показался ему особенно диким, но Ганнон не смел помешать этому обряду. Таков закон жрецов, и горе тому, кто вздумает его нарушить.

У костров

Возвращаться на корабли было уже поздно. Моряки стали устраиваться на ночлег. Гискон присоединился к Мисдессу и Шимбе. Мальчик утешал бедную женщину как мог, но она смотрела на него безучастными, пустыми глазами. Из груди её вырывались тяжёлые стоны.

— Мой птенчик! — без конца повторяла она.

Наступила ночь. Ветер раскачивал верхушки деревьев, и шум их сливался с плеском волн. На берегу суетились люди, готовясь ко сну. Они расстилали одеяла, собирали сучья и сухую траву для костров. Гискон лежал на спине и рассматривал небо, усыпанное звёздами. Он вспоминал наставления Малха. Моряк, не знающий звёзд, слеп. Гискон

решил отыскать те созвездия, которые ему указал кормчий. Вот эти звёзды в виде ковша так и называются Большим Ковшом. По ним легко определить, где север. Эти четыре звезды, чуть повыше и левее Большого Ковша, называются почему-то Вороном. Нет, они совсем не похожи на птицу. У них нет ни крыльев, ни клюва. Они скорее напоминают квадратное отверстие бездонного колодца. А разве похожа эта вереница звёзд на льва? А ведь их называют созвездием Льва. А где же Скорпион и Весы?

Услышав шаги, мальчик повернулся на бок.

— Ты не спишь? — удивился Мидаклит.

— Нет, — ответил Гискон. — Я совсем запутался в этих звёздах и не могу найти Скорпиона и Весы.

— Смотри, эти пять звёздочек и есть Скорпион. А там же, на юге, и Весы.

— А почему все эти звёзды так странно называются?

— Люди, которые первыми наблюдали звёзды, видели в них вестников богов. А богами почитались почти все животные и насекомые, которые окружали человека. И до сих пор в Карфагене и на моей родине есть немало людей, считающих, что по звёздам можно предсказать не только жару, бурю, затмение луны и солнца, но и судьбу каждого человека: будет ли этот человек богат или беден, счастлив или несчастлив, когда он женится, сколько у него будет детей. Эти люди почему-то считают, что Юпитер и Венера — это добрые планеты, а Сатурн и Марс злые…

Как ни интересен показался мальчику рассказ о звёздах, но усталость взяла своё, и он забылся.

Почти в то же время у другого костра происходила другая беседа.

— Наконец мы с тобой можем потолковать, Мастарна, с глазу на глаз, — оказал Стратон, подбрасывая в огонь ветку.

— Да, жрец, — проговорил этруск, — ловко мы с тобой притворялись. Скажу правду, увидев тебя в первый раз, я чуть не ахнул. Такой сухопутный воробей — и стал мореплавателем!

Этруск расхохотался.

— А я думал, — добавил он с издёвкой, — что вы с Магарбалом собираете дань с моря только у себя дома!

— А я всегда полагал, — отвечал ему в тон Стратон, — что имел дело с кормчим, а не с надсмотрщиком на чужом корабле.

— Таково уж моё ремесло, — мрачно промолвил этруск. — То богат, а то гол, как зубы. «Мурена» моя вместе со всей добычей досталась твоему Дагону. Я ведь слышал, что ты теперь жрец бога моря!

Стратон сочувственно покачал головой:

— Пират без корабля — всё равно что жрец без языка. А Магарбал ждёт тебя с добычей!

— Храм Тиннит обойдётся и без меня, — бросил этруск. — У Магарбала и так много доходов.

— Нет, Мастарна, — прошептал Стратон, — даже без корабля ты можешь оказать Магарбалу большую услугу. И он не останется в долгу.

На лице Мастарны появилось выражение интереса.

— Не крути хвостом, говори прямо, что тебе надо!

— Есть одно дельце: надо выкрасть девчонку. Привезёшь её в Карфаген — получишь десять амфор серебра.

Мастарна бросил на жреца подозрительный взгляд.

— Да за десять амфор серебра можно купить гаулу вместе с гребцами. Ты не договариваешь, жрец. Выкладывай, что это за девчонка.

— Мне нечего от тебя скрывать, — сказал Стратон. — Это жрица нашего храма. Её увёз Ганнон, нарушив божеские законы.

— Знаю я эти законы. — Мастарна махнул рукой. — Кто как не вы сами их первыми нарушаете. Ты скажи лучше, кем эта жрица приходится Ганнону. Сестрой?

— Невеста, — нехотя проговорил Стратон.

— Так бы ты и сказал сразу, старая крыса! — закричал этруск. — Зачем вам понадобилась в храме невеста Ганнона? Ищи её сам. Я не предатель!

«Набивает цену», — догадался жрец.

— О каком предательстве ты говоришь, Мастарна? — молвил он вкрадчиво. — Ведь не предатель тот и не вор, кто возвращает господину беглого раба. Он честный человек и заслуживает награды. А Синта — рабыня Владычицы.

Мастарна нерешительно покачал головой:

— Рыба не стоит крючка. Большой риск.

— За риск ты получишь ещё пять амфор серебра, — уговаривал жрец.

— Десять! — отозвался Мастарна. Он наклонился вперёд, ноздри его раздувались. — Всего двадцать амфор.

— Да видит Тиннит, ты получишь их, когда беглянка будет у Магарбала! — торжественно произнёс Стратон, подняв ладонь с растопыренными пальцами.

— Но как я её доставлю в Карфаген? Может быть, мне превратиться в дельфина и взять её на спину? — засмеялся этруск, видимо, вспомнив что-то забавное.

— Не мне тебе советовать. Ты ведь Мастарна!

— А ты мне её покажешь?

— Может быть, покажу. А если нет, сам её увидишь. Стоит мне остаться в какой-нибудь из новых колоний, Ганнон перестанет скрывать Синту и возьмёт к себе на корабль. Тогда и действуй. Да поможет тебе Тиннит!

— А впрочем, — добавил он, — давай поищем её на берегу.

— Саул! — крикнул Мастарна. — Ты опять спишь, собака!

Он подбежал к иудею и изо всех сил тряхнул его.

Саул поднял голову и промычал что-то невнятное.

— Оставь его, — сказал Стратон. — Пусть себе спит. Пойдём вдвоём…

* * *

Гискон проснулся от холода. Костёр еле тлел, а плащ, которым Мидаклит накрыл мальчика, свалился. Гискон протянул руку к плащу и замер, услышав приближающиеся шаги.

— Не она ли это? — послышался чей-то шёпот.

— Сейчас посмотрим.

Мальчик мог бы поклясться, что эти последние слова произнёс Стратон. Его голос нельзя было ни забыть, ни перепутать с каким-либо другим.

Ну конечно, это жрец. Он наклонился над спящей Шимбой, и Гискон услышал его злобный шёпот:

— Опять не она!

— Клянусь Тиннит, — произнёс другой, — Ганнон прячет её на корабле. Тебе придётся подождать.

«Жрец ищет Синту! — ужаснулся Гискон. — Но кто это с ним рядом, с головой закутанный в плащ?»

Двое скрылись в темноте, и Гискон, дождавшись, когда стихнут шаги, вскочил. Он должен узнать, с кем был Стратон. Крадучись, двинулся Гискон в направлении, где исчезли двое. Но ночь словно поглотила их.

Мальчик вернулся к костру. Подбросив сучьев в огонь, он прилёг. Тревожные мысли не покидали его. «Этот человек карфагенянин, раз он клянётся Тиннит. Но кто из моряков изменил Ганнону?»

Наступил рассвет. Тонкие струйки дыма стлались по земле, щекотали ноздри спящих. Люди поднимались. В тумане двигались закутанные фигуры. Мальчик бросился на поиски Ганнона. Суффет спал рядом с Малхом на ложе из ветвей тополя. Он широко раскинул руки. Лицо его было спокойно и ясно, как у человека, видящего хороший сон. Мальчику жаль будить суффета, но он должен это сделать. «Надо его предупредить об опасности», — думал Гискон.

Внимательно выслушал Ганнон рассказ мальчика. Он, конечно, предполагал, что Стратон будет искать Синту: ведь недаром Магарбал послал Стратона вместе с колонистами. Но вот они уже почти у цели, а Стратону даже не известно, на каком корабле Синта. Что же теперь предпримет жрец? Ведь он останется здесь, а Синта поплывёт вместе с ним, Ганноном. Она станет недосягаемой для жреца. Правда, у жреца есть сообщник. Кто он? Но если даже этот человек окажется с ним на одном корабле, будет ли он опасен?

— Благодарю тебя, Гискон. — Ганнон положил руку на плечо мальчику. — То, что ты узнал, для меня очень важно. Я буду искать этого человека. И ты мне в этом поможешь.

— Господин! — взмолился Гискон. — Возьми Синту на свой корабль! Я, если ты это прикажешь, не отойду от неё ни на шаг.

Ганнон улыбнулся:

— Хорошо! Отправляйся к ней. И, как только мы снимемся с якорей, скажешь кормчему, чтобы он спустил чёлн. Я буду ждать вас обоих на «Сыне бури».

Мальчик бросился к лодкам.

Мыс Солнца

Весь день стучали топоры. Удары их повторяло на все лады эхо. Казалось, море и скалы перекликались друг с другом, как кормчие на плывущих в тумане кораблях.

Моряки и колонисты рубили лес и подтаскивали его к мысу Солнца. На этом глубоко вдающемся в море клочке земли и решили воздвигнуть храм Дагону. Стратон будет верховным жрецом нового храма.

В полночь, когда многие уже спали, а Ганнон с Мидаклитом сидели у костра, вдруг стало совершенно темно.

— Смотрите, что делается с луной! — закричал кто-то.

Диск луны покрылся тенью, которая стала быстро расти. Вскоре на небе сверкал лишь один узенький серп.

Ганнон знал, что затмение предвещает страшные бедствия, кровавую войну, мор или неурожай. Тогда жрецы заявляли, что Тиннит сердится на людей, и устраивали молебствия и жертвоприношения, чтобы умилостивить богиню. Кладовые храма наполнялись новыми богатствами.

«Чего доброго, — думал в тревоге Ганнон, — Стратон вздумает объявить, что богиня Тиннит гневается на карфагенян за то, что они похитили её жрицу, он может потребовать её выдачи. Жрец ещё может заявить, что мыс Солнца — неудачное место для храма, и откажется покинуть корабль».

Был взволнован и Мидаклит, но совсем по другой причине:

— Она кругла, она кругла…

— О чём ты, учитель? — спросил в тревоге Ганнон.

— Тень на луне кругла! — воскликнул эллин. — Какой же я глупец, что раньше не придавал этому значения! Теперь я понимаю, почему она кругла.

— Почему же? Отвечай.

Эллин задумался.

— Пока я тебе ничего не скажу. Надо понаблюдать за звёздами, и если мои предположения подтвердятся, тогда я не напрасно проделал весь этот путь.

Ганнон огорчённо вздохнул.

Ночь прошла в тревожном ожидании.

Что принесёт утро?

И вот наступил час утренней молитвы. Стратон молился наравне со всеми. После окончания молитвы жрец подошёл к Ганнону и попросил у него людей для работы.

Ганнон облегчённо вздохнул. «Может быть, Стратон проспал затмение?» — подумал он.

Но вскоре им вновь овладела тревога. «Нет, Стратон, конечно, знает о затмении, — думал Ганнон. — Но, если он его не использует в своих

целях, значит, у него есть какой-то другой план захвата Синты, план, в котором главная роль будет принадлежать не ему, а тому, кто клялся тогда Тиннит. Кто же он?»

В полдень храм был освящён. Моряки и колонисты с обнажёнными головами окружили святилище. Оно ещё без кровли и стен, но в центре его, как это полагается в каждом храме, возвышались два деревянных столба. Они означают ворота, через которые каждодневно входит и выходит солнце! Это Столбы Мелькарта!

— Я слышал, — сказал Мидаклит, — что в храме Тира колонны сделаны из чистого золота, а верхушки их — из смарагда.

— И эти колонны я заменю столбами из золота, — торжественно произнёс Ганнон. — Пусть славится этот храм. Пусть он соперничает с самыми прославленными святилищами. Недаром он воздвигнут там, где ещё не ступала нога карфагенянина.

Стратон бормотал слова молитвы и поливал колонны водой из священного сосуда.

Торжественно звучали в тишине слова гимна солнцу:

Слава тебе, о Мелькарт, владыка,
Слава тебе, господин Вселенной!

* * *

Колонисты ставили перед храмом глиняные фигуры овец и свиней. Их вылепил Мисдесс. Священными обычаями предков разрешалось заменять приносимых в жертву животных их изображениями.

Моряки бросали на землю браслеты, серьги, ножные кольца. Мелодично звенело серебро. Перед выходом в океан они не скупятся. Морю платят добровольную дань, чтобы оно, как жестокий властелин, не вырвало её силой.

Звучал рог, сзывающий людей к лодкам. Ганнон простился со Стратоном. Глаза жреца светились недобрым блеском, уголки губ были опущены.

Когда Ганнон поднялся на борт «Сына бури», гребцы уже сидели у вёсел. Мастарна что-то кричал им, размахивая плетью. Матросы поднимали из воды якоря, подтягивали реи, привязывали плетёными ремнями паруса.

Задвигались вёсла. Под килем шумели волны. Люди на берегу махали руками, что-то кричали.

Ганнон смотрел на оставшихся колонистов с чувством грусти. За время плавания он сдружился со многими. Как теперь сложится их жизнь? Только со Стратоном Ганнон расстался без всякого сожаления.

Малх подал сигнал. Корабль развернулся, чтобы встретить челнок, спущенный с ближайшей к нему гаулы.

Синта поднимается на палубу. В её длинных чёрных ресницах трепещут солнечные лучи. Счастье, ты явилось!

Невесту Ганнона окружают моряки. Лица их приветливы.

— Да будет между вами вовеки любовь, — говорит Малх, прикладывая ладонь к груди. — Человек без любви как лодка без вёсел, как гаула без парусов.

С поздравлением явились Мастарна и Саул. Этруск посмотрел на девушку каким-то странным, слишком внимательным взглядом. Лицо иудея растянулось в улыбке. Губы стали похожи на створку морской раковины.

— Лопни мои глаза, — прорычал он, — такую красавицу взял бы в жёны сам царь Соломон!

Синта густо покраснела.

Морская лисица

Попутный ветер сменился встречным. Теперь «Сын бури» и все корабли флотилии шли на вёслах. Опять свистит плеть Мастарны, и корабль сотрясают вопли рабов.

Берег пустынен. Зато океан полон жизни. Вода кишит мириадами живых существ разного цвета и формы. Из каждой волны взвиваются в воздух рыбки с ярко-красными перьями. Поддерживаемые большими, напоминающими крылья плавниками, они описывают длинную пологую дугу, снижаются и вновь взметаются вверх, оттолкнувшись от поверхности воды хвостом. Одна из рыб шлёпнулась со всего размаху на палубу.

— Смотри, как богато здесь море, — обращается Мидаклит к Гискону. — Рыба сама идёт в руки.

Мальчик с любопытством разглядывает летающую рыбу, но его внимание отвлекают дельфины. Они резвятся, описывая вокруг корабля правильную дугу, выскакивают из воды и, как бы хвастаясь своей ловкостью, переворачиваются в воздухе на бок.

— Скажи, Малх, — спрашивает мальчик у кормчего, — как ловят этих рыб?

На лице моряка выражение неподдельного ужаса.

— Кто же позволит себе поднять руку на дельфина! — восклицает он. — Как-то рыбак загарпунил дельфина. Кровь, струящуюся из ран,

почуяли его собратья и целым стадом приплыли в гавань. Рыбак перепугался и отпустил своего пленника. Дельфины, сопровождая его, уплыли. И с тех пор в гавань не заходили косяки рыбы. И только после того, как виновник выехал в море и поклялся, что больше не будет причинять дельфинам зла, они оставили город к покое.

— Ты хочешь сказать, что дельфин понимает человеческую речь? — спросил мальчик.

— И музыку, — добавляет Мидаклит, присаживаясь рядом с Малхом. — У нас рассказывают о певце Арионе. Его обучил искусству пения сам бог Аполлон, которого вы, карфагеняне, называете Резхефом. Много лет Арион прожил на чужбине и приобрёл большое состояние. Решив возвратиться на родину, он нанял в Таренте[57] судно и, погрузив свои богатства, вышел в открытое море. Жадный кормчий решил завладеть сокровищами Ариона и приказал матросам выбросить певца за борт. «Разреши мне перед смертью взять свою кифару и спеть!» — взмолился Арион. «Пой! — отвечал ему жестокий кормчий. — Только тебе не удастся меня разжалобить!» Арион надел лучший свой хитон, взял в руки кифару и стал на корме. Боги наделили Ариона чудесным даром, и он запел прекрасную песню. Эта песня могла растрогать и каменное сердце. Но кормчий и матросы не слушали Ариона. Вытащив на палубу его богатства, они делили их, ссорясь и осыпая друг друга проклятиями. Арион пел. Из бурных волн моря высунулась чёрная голова дельфина. Арион пел, и дельфин плыл за кораблём, зачарованный песней. И, когда певец бросился в море, дельфин подставил ему свою спину. Кормчий и матросы этого даже не видели. Разделив сокровища певца, они привели свою гаулу в город Коринф.[58] Каково же было их удивление, когда в гавани Коринфа их встретил Арион, окружённый многими горожанами и стражами! Дельфин доставил певца в Коринф. Кормчий и матросы упали на колени, моля о прощении. Могли ли они понять, что все богатства, все сокровища — золото, серебро, драгоценные камни — ничто перед божественным даром песни!

Мальчик перегнулся за борт. «Хорошо бы оседлать этого дельфина, — думал он. — И поплыть впереди корабля, прокладывая ему путь. Тогда бы нам не были страшны ни бури, ни подводные скалы».

Но вот Саулу захотелось искупаться, и не в этой жалкой лохани, что стояла на корме, а в море. «Корабли плывут медленно, и меня всегда сумеют поднять на борт в случае опасности», — решил он. Саул не слушал уговоров Мастарны. Он встал у борта и, подняв руки, сложил их над головой. Затем согнул ноги, словно желая проверить их упругость, и быстрым движением выбросил своё сильное тело. Оно мелькнуло в воздухе и скрылось в белой пене. Под водой Саул перевернулся и поплыл, похожий на зелёную колышущуюся тень. Даже Малх не мог удержаться от одобрительного возгласа, видя, как ловок иудей. Изнемогающие от жары моряки завидовали Саулу, а кое-кто уже сбрасывал одежду, чтобы последовать его примеру. Как вдруг локтях в двадцати от пловца мелькнул острый косой плавник. Морская лисица![59] Вот плавник исчез под водой и снова мелькнул, но уже ближе к Саулу. Иудей заметил опасность и поплыл к кораблю. Люди замерли. Быстрее всех справился с оцепенением Мастарна. Он выхватил из-за пояса кривой иберийский нож, полученный им у Малха вместе с одеждой, и, сильно размахнувшись, швырнул его в море. Нож шлёпнулся рядом с Саулом, и тот успел его подхватить. Ещё мгновение — и было бы уже поздно: лисица показалась локтях в пяти от пловца. Её острый плавник вспарывал волны.

Саул повернулся на бок, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Мелькнул лисицын плавник, напоминающий серп. Зубастая пасть нависла над головой Саула. Но Саул сделал рывок всем телом и с размаху полоснул ножом по брюху чудовища. Волны окрасились кровью. Брошенный Малхом конец каната опустился в нескольких локтях от пловца. Вот Саул уже держится за канат, и моряки вытягивают его на палубу.

Кто-то подносит ему воду. Саул долго и жадно пьёт.

— Ну как, испугался? — спрашивает презрительно Мастарна. — Побывал в лапах у Тухалки?

Всем на корабле уже известно, что Тухалка — это злой демон этрусков. К нему часто взывает Мастарна.

Лицо у иудея белее паруса, но он пытается шутить:

— Лопни мои глаза! Если бы не нож, у лисицы была бы хорошая закуска!

Мастарна помог Саулу спуститься на нижнюю палубу. Всё смолкло, и вдруг Ганнон услышал раздающийся оттуда свист плети и вопль раба.

«Изливает злость на гребцах», — с неудовольствием подумал суффет.

Спустись он в этот момент вниз, ему предстала бы странная картина: Саул изо всех сил колотил плетью по скамейке, а ближайший к нему гребец вопил так, словно его режут. Другие гребцы сдерживались, чтобы не расхохотаться, улыбался и сам Саул, только у Мастарны было серьёзное лицо. Он стоял у лестницы, ведущей на верхнюю палубу, и прислушивался, не идёт ли кто.

вернуться

57

Тарент — греческая колония на юге Италии.

вернуться

58

Кори́нф — крупный торгово-ремесленный город древней Греции. Расположен близ Эгейского моря.

вернуться

59

Так в древности называли акул.

Ликс

Прошло два месяца. Пять раз за это время корабли бросали якоря. Было основано пять новых колоний. Идя на север вдоль побережья, карфагеняне снова приближались к Столбам Мелькарта. В двух днях пути от Мелькартовых Столбов находилась древняя финикийская колония Ликс. Сюда и держал путь Ганнон. Из Ликса он пошлёт корабли обратно в Карфаген, а на «Сыне бури» отправится на юг, в неведомые земли.

На рассвете с правого берега показалась небольшая бухта. В неё впадала река, розовевшая под косыми солнечными лучами. На высоком её берегу привольно раскинулся Ликс. Белые дома были окружены садами, тянувшимися до синеющих на горизонте гор.

Начался прилив. Ганнон приказал править в устье. Вскоре все суда стали на якоря. Зыбь тихо и равномерно покачивала «Сына бури». Он то поклевывал острым носом, то опускался на воду своей крутой кормой. Ганнон не сводил глаз с туго натянутых якорных канатов.

Затем приказал:

— Спускать лодки!

Ликс не имел гавани. На песчаной отмели сушились сети, лежали килем вверх рыбачьи челны. Город просыпался. Слышались негромкие, однообразные удары.

— Ручные мельницы! — сказал Малх шагавшему рядом с ним Гискону.

Эти звуки напомнили карфагенянам далёкую родину, милых сердцу женщин с перепачканными мукой руками, свежую, хрустящую корочку пшеничной лепёшки.

На берегу карфагенянам встретился лишь рыбак с ивовой корзиной на плече. На дне её шевелили хвостами жирные окуни. Но близлежащая улица была полна людей, с тревогой и любопытством наблюдавших за пришельцами.

К Ганнону подошёл человек в полотняной одежде. Склонив голову, он передал Ганнону приглашение городского старейшины посетить его дом.

Путь их лежал мимо невысокого здания с круглыми колоннами из чёрного негниющего дерева. В Карфагене этому дереву, называемому цитрусом, не было цены. Из него делали самые дорогие столы.

На пороге здания люди в белых плащах курили благовония. Догадавшись, что перед ним храм, Ганнон молитвенно поднял ладони вверх.

Другие дома имели два этажа, нижний — каменный, верхний — деревянный, из того же цитруса. Стены были украшены резными изображениями виноградной лозы.

Городской старейшина встретил Ганнона у дверей своего дома. Это был немолодой сухощавый человек с прищуренными внимательными глазами и крючковатым носом.

— Мир тебе, мир дому твоему! — приветствовал он Ганнона и жестом пригласил его войти внутрь.

Тростниковые завесы на окнах были опущены, в комнате стоял полумрак. Пол был покрыт ковром. Кроме низкого сиденья без спинки, в жилище старейшины не было никакой мебели. «Как у меня в доме!» — подумал Ганнон.

Хозяин указал на сиденье, а сам опустился прямо на ковёр.

Узнав, что Ганнон сын самого Гамилькара, старейшина почтительно произнёс:

— Имя твоего отца и его подвиги известны в моём городе. Мы все скорбим о его гибели.

Старейшина хлопнул в ладоши, и рабы внесли поднос с жареным гусем. И гость и хозяин ели гуся руками, изредка вытирая их о хлебный мякиш. Ликсит бросал кости прямо на ковёр, где вертелась чёрная собачонка.

— В твоём городе она бы угодила сюда! — указал он на поднос.

— У каждого народа свои обычаи, — отозвался Ганнон. — У троглодитов, что роют пещеры в земле, любимая еда — сушёная саранча. Они перемалывают её, мешают с молоком и так пьют. Люди Янтарного берега питаются коровьим маслом, один вид которого может у меня вызвать рвоту. Мы же любим жареных собачек.

— Ты упомянул троглодитов, — сказал городской старейшина. — Их поселения находятся и у нас, близ гор. Однажды я спустился к ним в жилище и чуть не задохнулся от вони.

— Да, — согласился Ганнон. — Они ведь живут вместе со скотом и домашней птицей. Но удивительнее всего, что, вырастая в подземельях, они не становятся хилыми. Троглодит бежит быстрее лошади.

— И язык их отличается от речи других людей. Они шипят, как летучие мыши, — заметил ликсит.

Рабы принесли вино. Протянув фиал Ганнону, старейшина спросил:

— Долго ли собираешься у нас гостить?

— Недели две. Надо запастись провизией и водой, подыскать человека, знающего языки местных племён.

— Мне известен такой человек. Зовут его Бокхом.

— Странное имя! — удивился Ганнон.

— Его носит каждый третий маврузий.[60] Бокх хорошо знает Ливию. Мы его всегда берём с собой в Керну.

— Что это за Керна?

— Небольшой островок. Там мы выменивaем у чернокожих золото.

— А знаешь ли ты что-нибудь об Атлантиде? — поинтересовался Ганнон.

Ликсит отрицательно покачал головой.

— Впервые слышу… Советую тебе, — сказал он после короткой паузы, — плыть к Керне. Там ты добудешь много золота и легко расплатишься за провизию, которую возьмёшь у меня.

Ганнон покинул дом гостеприимного старейшины. Слова ликсита о Керне не выходили у него из головы. Остров, расположенный в заливе, — лучшее место для колонии. Самые богатые поселения возникли на таких островах. У финикийцев — Гадес, у эллинов — Кумы и Сиракузы. И у карфагенян должна быть такая колония. На первое время будет достаточно оставить на островке человек пятьдесят моряков, а потом сменить их колонистами.

Брат льва

Чернели непокрытые головы. Пёстрые одежды сливались в многокрасочный узор, как на лидийском ковре. Сегодня корабли

снимаются с якорей, поэтому люди спустились на берег. Кто знает, скоро ли им ещё придётся ступить на твёрдую землю.

Ветер качал верхушки пальм, и они отбрасывали узорчатые тени. Несколько матросов под пальмами азартно играли в кости, другие подзадоривали их выкриками.

Синта расчёсывала волосы и пела песню о Лине.[61]

И плакал он горько о Лине, о сыне,
И слёзы владыки землю прожгли.

Ганнон лежал на песке, подложив под голову загорелые руки. Он прислушивался к грустной мелодии и задумчиво следил за белыми облаками: они, подобно пышной одежде, обволакивали небо. С реки доносились равномерные глухие удары: корабельные мастера вбивали в борт медные кольца для крепления снастей.

Ганнон перебрал в памяти всё, что им погружено на «Сына бури» в Ликсе: двадцать мешков сушёных фиников, сорок мешков ячменной муки, сто пшеничных хлебов, тридцать амфор с маслом, десять амфор пальмового вина, пять амфор финикового мёда. Всего этого хватит на два месяца, на путь в Керну и обратно. Кроме того, можно пополнить запасы свежей рыбой.

Вдруг Ганнон вскочил: он услышал крик, вырвавшийся из десятков грудей. Люди бежали к воде. Игроки, разбросав свои костяшки, в ужасе карабкались на деревья.

С холма спускался лев.

Не обращая внимания на переполох, вызванный его появлением, лев шёл, мягко ступая огромными лапами и встряхивая гривой.

— Синта!

Первой мыслью Ганнона было искать спасения в воде. Но, вспомнив рассказы о благородстве царя зверей, никогда не нападающего на лежащих, Ганнон бросился плашмя на песок, увлекая за собой Синту.

Когда он поднял голову, то увидел льва локтях в десяти от себя, а рядом с ним — незнакомца, треплющего зверя за гриву.

Люди стали выходить из воды. Они поняли, что перед ними приручённый лев. Посылая проклятия, матросы спускались с пальм.

С удивлением смотрел Ганнон на повелителя льва. Это был человек лет двадцати пяти, смуглый, с вьющимися волосами. Тело его покрывала полотняная одежда, с шеи на обнажённую грудь спускалось ожерелье из шакальих зубов, а на руках, ниже локтей, блестели серебряные браслеты. За поясом у него был нож с грубой рукояткой из рога буйвола.

Повелитель льва двигался легко, видимо, привыкнув шагать по холмам и долинам.

вернуться

60

Мавру́зий — общее название племён, населявших в древности Марокко.

вернуться

61

Песню о Лине, рано умершем пастухе-юноше, по словам греческого историка Геродота (V век до н. э.), пели финикияне, жители Кипра, египтяне и греки.

— Привет тебе, суффет! — проговорил незнакомец, подходя к Ганнону. — Пусть тебе во всём сопутствует успех.

— Ты Бокх? — воскликнул Ганнон. Он уже догадался, что перед ним человек, о котором говорил старейшина Ликса.

— Да, так меня называют ликситы. Дружественные фарузии[62] зовут меня Братом Льва, а троглодитам я известен под именем Вихрь. Меня

послал к тебе старейшина Ликса. Я поеду с тобой, если ты возьмёшь на корабль Гуду.

Бокх повернулся к льву, не спускавшему глаз со своего повелителя.

— Гуда никого не обидит. Гуда послушен. Правда, Гуда?

Он взмахнул рукой, и лев, как собачонка, сел на задние лапы.

Послышались удивлённые возгласы.

Кто из карфагенян не видел льва! Хищники в большом количестве водились в пустыне, примыкавшей к городу с юга. Они совершали нападения на стада, а иногда и на людей. Землепашцы мстили своим исконным врагам, пригвождая к крестам убитых хищников, словно беглых рабов. Но никому даже не приходилось слышать, что льва — владыку пустыни — можно подчинить человеческой воле. Дружба льва с человеком казалась невероятным, неслыханным чудом.

Моряк, с бороды которого струйками стекала вода, бормотал:

— Сгинь, злой дух, сгинь!

Ганнон засмеялся.

— Я возьму вас обоих, Бокх!

Но тут заворчал Малх:

— Пусть поразят меня боги в пятое ребро, если этот зверь не распугает всех матросов!

— Не сердись, старина! — Ганнон добродушно похлопал его по плечу. — Моряки собьют крепкую клетку, и лев никому не помешает.

— Но как он перенесёт качку? — смягчился Малх.

— Не хуже меня, — ответил маврузий. — Он такой же человек, как ты и я. Только на нём шкура. А под нею и руки, и ноги, и по пять пальцев на руках и ногах.

Ганнон обменялся с Мидаклитом взглядом. Слова маврузия показались ему странными.

По доске лев перешёл на лодку. Она закачалась и осела под его тяжестью. Перед тем как последовать за львом, Бокх вложил два пальца в рот и громко свистнул. Из-за прибрежного холма показалась небольшая лошадка. У неё были костистые ноги, необычайно длинная шея, на которой болтался обрывок бечёвки. Лошадь приблизилась к Бокху и остановилась, наклонив свою худую, шишковатую голову. Бокх обнял голову лошади и крепко поцеловал её в лоб.

— Не задумал ли ты взять на корабль и коня? — испуганно спросил Малх.

Маврузий отвернулся. В глазах его блеснули слёзы.

* * *

С приливом корабли снялись с якоря. Ганнон приказал принести жертву богам. Зарезали овцу и её кровью смазали губы деревянной статуи Пуам на носу «Сына бури». Тушу бросили в волны.

Ганнон простился с моряками. Суффет был доволен. Поселенцы высажены на берег. Длинный и опасный путь обошёлся без потерь. Он возвращает республике её флот. Сам он вернётся не скоро. Ему предстоит плавание, беспримерное в летописях Карфагена. Пусть об этом узнают отцы города.

В открытом море корабли разошлись в разные стороны: «Сын бури» повернул на юг, а другие корабли — на север, к Столбам Мелькарта. Ганнон молча смотрел на паруса, напоминавшие лепестки лилий, едва окрашенные розовом краской заката, смотрел, пока они не растаяли на горизонте.

Керна

Прошел месяц, с тех пор как «Сын бури» покинул дружественный Ликс. Остались позади основанные недавно колонии. Корабль прошёл мимо них. Ганнон боялся упустить попутный ветер.

Вместо лесов и травянистых лугов тянутся жёлтые безжизненные пески. Берег ровный. Прибой бушует с огромной силой. Нередко берег скрывается за мелкими брызгами разбивающихся волн.

Ветер дует в корму, унося корабль всё дальше и дальше на юг. Но вдруг ветер переменился и стал дуть в левый борт. Люди изнемогали от жары. Спать в каюте стало невозможно. Ганнон приказал постелить себе на палубе рядом с Малхом. Утром его разбудил гул голосов. Подняв голову, он увидел матросов, стоявших у мачты. Ганнон вскочил.

— Что случилось? — с тревогой спросил он.

И в это же мгновение сам заметил, что паруса за ночь изменили цвет. Из белых они сделались жёлтыми, как яичный желток.

В ужасе моряки упали на колени, взывая к богам.

Один из матросов подошёл к Ганнону. Сверкая белками глаз, он закричал:

— Куда мы плывём? Сегодня стали жёлтыми паруса, а завтра боги испепелят нас и мы сморщимся, как плод смоковницы, сбитый с ветвей!

Матросы ринулись к суффету. Угрюмо и недоверчиво смотрели они на него. Ганнон стоял, скрестив руки на груди. Ему самому было непонятно, почему пожелтели паруса, и он готов был видеть в этом дурное предзнаменование.

— Стойте! — послышался голос Мидаклита.

Эллин, незаметно поднявшись на палубу, торопился на помощь к Ганнону. Матросы затихли.

— Помните, — сказал Мидаклит, тяжело дыша, — вчера ветер задул с берега. Парусина утром покрылась росой. К ней пристали мельчайшие песчинки, принесённые ветром, поэтому и пожелтели паруса.

Матросы медленно расходились. Одни из них поняли правоту эллина, других убедила уверенность, звучавшая в его голосе.

— Спасибо, учитель! — сказал Ганнон Мидаклиту, когда они остались одни. — Ты прогнал страх, овладевший этими людьми.

— «Страх, страх»! — повторил эллин, как бы отвечая своим мыслям. — Страх — величайшее зло и величайшая сила. На страхе основаны царства. Пользуясь им, владыки Египта принуждали народ возводить пирамиды. Что заставляет твоих гребцов ворочать тяжёлые вёсла? Страх перед болью. Что владеет нами? Страх перед неизведанным! Страх перед богами! Страх перед смертью! Но, поверь мне, когда-нибудь человек победит своего векового врага. Страх и ужас сгинут, как ночные тени перед лучами солнца. О, если бы вместо того, чтобы поднимать оружие друг против друга, люди объявили войну страху! Тогда бы пришёл конец царству страха и человек был бы свободен как ветер.

С восхищением слушал Ганнон мудрые речи учителя. «Разве, — думал он, — я не объявил войну страху? Я повёл корабли в неведомые моря. Вот почему против меня восстали Магарбал и Стратон. Вся их власть держится на слепом страхе и невежестве людей».

Ещё три дня корабль шёл вдоль пустынного берега. На четвёртый день пески сменились травянистыми лугами, а на шестые сутки показался

мыс, покрытый сочной, сверкающей зеленью. Огибая его, корабль повернул на восток и вошёл в большой залив, формой своей напоминавший подкову.

Из воды высовывались острые камни, похожие на головы каких-то диковинных зверей. Виднелись отмели, над которыми кружили чайки. В их чёрных клювах блестели серебряные рыбки.

Ганнон приказал спустить паруса и двигаться на вёслах. Перегнувшись за борт, Малх длинным шестом проверял дно. Лишь к вечеру корабль подошёл к небольшому островку в глубине залива.

— Керна! — крикнул Бокх, протягивая вперёд руку.

Ганнон приказал спустить носовой якорь. Якорь скользнул под воду. Начавшийся отлив натянул якорную цепь, и «Сын бури», развернувшись из-за сильного течения, стал кормой к островку.

Между тем Мидаклит принёс из каюты «рисунок земли». Склонившись над медной доской, эллин наносил острым стержнем дугу залива и Керну — точку у самого берега. Потом он стал по «рисунку земли» измерять расстояние, пройденное кораблём от Карфагена.

— Смотри! — воскликнул он, повернувшись к Ганнону. — Какой мы проделали путь! Он вдвое превышает расстояние от Карфагена до Столбов. Ни один корабль не заплывал ещё так далеко!

— А где же твоя Атлантида? — с улыбкой проговорил Ганнон. — Теперь ты понимаешь, что это сказка?

— Я и сам готов был бы так думать, если бы не щит и костяная табличка, выпавшая из него. Океан велик: кому известно, что там? — Эллин указал рукой на закат.

Огненный диск солнца медленно обволакивался влажным туманом, в последний раз празднично вспыхнули волны, торжественно загорелись облака. Ветер доносил с берега запахи огромного, таинственного материка.

вернуться

62

Фару́зии — племя, обитавшее в древности на западном побережье Африки, южнее маврузиев. Впоследствии фарузии разрушили колонии Карфагена.

Быстро, как всегда на юге, наступила ночь. Узкая серебряная полоса протянулась от кормы до горизонта. Она становилась всё шире и светлее. Небо покрылось звёздами, бледными, как медузы. Большой Ковш спустился к самому морю, словно чья-то рука накренила его, чтобы зачерпнуть воду.

Послышались лёгкие шаги. Синта стала рядом с Ганноном. Корабль качало. Ганнону казалось, что их поднимают волны счастья, что звёзды сочувственно смотрят на них с высоты.

— Вот моя звезда! — Синта указала на Сириус. — Когда я родилась, она взошла на небе. Отец говорил, что это злая звезда. Она несёт на землю зной.

— А по мне, это самая счастливая звёздочка. Смотри, как она дрожит и трепещет! Как она прекрасна! Она принесла на свет тебя.

Опустела палуба. На корабле всё стихло.

После полуночи у скамьи гребцов мелькнули две тени. Негромко звякнули цепи.

— Скоро ли? — послышался приглушённый шёпот.

— Ждите! — последовал ответ. — Ваша свобода — в моём кулаке.

— А ты нас не обманешь?

— Слово Мастарны крепче камня!

Пираты поднимались на палубу. Мастарна что-то шепнул на ухо Саулу, и тот залился раскатистым смехом.

— Ай да хозяин! — выдохнул Саул, потирая руки. — С тобой не пропадёшь!

Внезапно зарычал Гуда. Прислушиваясь к звукам человеческого голоса, лев колотил хвостом по своим бокам и глухо рычал.

Иудей пригрозил льву кулаком:

— Смотри! Спихну тебя в море!

— Какой храбрый, когда лев в клетке, — смеялся Мастарна.

Смолк и лев. И только с берега доносился рокот волн и крики морских птиц, резкие и унылые.

Немой торг

В каюту постучали. Синта отложила в сторону вышивку и открыла дверь. Вошёл Мастарна.

— Ну что ж, будем торговать, суффет? — спросил он, скомкав в кулаке бороду.

— Попробуем! — ответил ему в тон Ганнон. — Сейчас прикажу Малху приготовить лодку.

Ещё до полудня лодка была нагружена товаром: яркими дешёвыми тканями, стеклянными побрякушками, медными и железными кольцами. Всё это ценилось туземцами, жившими на берегу обширного залива, называвшегося почему-то Золотой рекой.

В лодку, где уже сидели Ганнон, Мидаклит, Малх и Мастарна, спустился Бокх. Льва ему пришлось оставить на палубе, но перед тем как покинуть корабль, он подошёл к клетке и ласково провёл ладонью по лбу Гуды.

Мастарна стоял на носу. Малх правил на чёрный блестящий камень с раздвоенной вершиной. У камня клокотали волны. Обойдя его, лодка вошла в небольшую бухточку и уткнулась носом в берег. Он был низкий, песчаный, поросший густым кустарником, постепенно переходившим в лес. Поодаль виднелась небольшая поляна.

Вытащив лодку на песок, карфагеняне принялись выгружать товары.

— Несите их туда! — Бокх указал рукой на поляну.

— Зачем? — удивился Ганнон. — Ведь обычно торгуют на берегу.

— Здесь не Карфаген, — коротко отвечал маврузий.

Последовав совету Бокха, карфагеняне отнесли товары на поляну. Это была обычная поляна, покрытая пожелтевшей травой.

— Ну что ж, — сказал Ганнон, окидывая взглядом своих спутников и товары, — всё готово для торговли. Недостаёт лишь малого — покупателей!

Карфагеняне рассмеялись.

— Они придут! — уверенно сказал Бокх. — Только надо возвратиться к лодкам.

— Зачем же мы несли товары сюда? — недоумевал Малх. — Может быть, ты хочешь сказать, что надо оставить товары здесь, а самим идти к берегу?

Маврузий кивнул головой.

— Удивительная страна! — воскликнул эллин. — Бросить товары без присмотра? Попробуй это сделать в Карфагене или в моём родном Милете — разоришься в первый же день!

— Они, наверное, заберут наши товары и оставят взамен золото, — предположил Ганнон.

— Оставят тебе щепотку, — ворчал Малх, — будешь и этому рад.

Пока карфагеняне разговаривали, Бокх собирал на берегу сухие сучья. Сложив их, он вытащил захваченный им на корабле трут. Вспыхнул огонь. Ветер дул с моря, и дым потянуло в сторону суши.

Ганнон оглянулся. Ему показалось, что на поляне мелькнула чёрная фигурка. Потом она исчезла, словно провалившись под землю. И вскоре в кустах за поляной задымил костёр.

— Что это значит? — удивился Малх.

— Это значит, что можно идти, — пояснил маврузий.

Карфагеняне направились к поляне. Ганнон шёл первым. Ему не терпелось осмотреть оставленные товары. Уже издали было видно, что они лежат на своих местах. Не пропало ни одного колечка, ни одной побрякушки. Неподалёку от товаров лежало два кожаных мешочка. Ганнон взвесил один из них в руке. Мастарна развязал другой, и глаза его жадно заблестели.

— Золото! — выдохнул он.

— На него можно снарядить гаулу и расплатиться с ликситами, — обрадованно сказал Малх.

Один Бокх был чем-то недоволен.

— Идите назад к лодкам. А золото оставьте здесь.

— Зачем же его оставлять? — заволновался Мастарна.

— Послушаемся Бокха, — промолвил Ганнон, положив кожаный мешочек на землю. Мастарна, ворча, повиновался.

На берегу маврузий разжёг ещё один костёр. Выждав немного времени, карфагеняне вновь отправились на поляну. У товаров стояло четыре мешочка с золотом.

Лицо Мастарны расплылось в улыбке.

— Клянусь морем, — он хлопнул Бокха по плечу, — ты умеешь торговать!

Забрав золото, карфагеняне направились к лодке, оставив товары невидимым покупателям.[63]

Ганнон испытывал большое удовлетворение. «Отсюда, — думал он, — река золота потечёт в Карфаген, и залив оправдает своё название».

Оставалось закрепить за собой Керну до прибытия колонистов. Ганнон решил оставить на островке моряков, снабдив их припасами, оружием, сетями для рыбной ловли. Судя по обилию чаек, в заливе было множество рыбы.

Моряки принялись рубить лес и расчищать место для хижин. В них они поселятся сами. Потом их заменят колонисты из Карфагена. Одновременно Ганнон готовил корабль к плаванию.

Бокх рассказал, что к югу от Керны в океан впадает большая река Хрета.[64] На её берегах добывают золото, которым торгуют в Керне. К Хрете и решил плыть Ганнон.

Большая река

Казалось, «Сыну бури» всё равно, где плыть, в давно ли изведанном и изборождённом килями Внутреннем море или в этих неведомых водах.

Он мчался к югу, и какая-то пугающая беспечность была в лёгкости его движений. Но люди с тревожным любопытством вглядывались в берег, обрамлённый пенной стеной прибоя. Его шум заглушал все голоса и звуки таинственного материка, и лишь изредка сквозь него, как через невидимую стену, прорывались тоскливые крики птиц.

Пять раз заря расцвечивала косые паруса гаулы, а на шестое утро показался широкий, окутанный розоватой дымкой залив. Волны, отбрасываемые носом, имели мутно-жёлтую окраску, и каждому было ясно, что в залив впадает какая-то большая река. Это и была Хрета.

Чтобы войти в реку, пришлось ждать прилива. О его приближении свидетельствовали глухой, могучий рёв и белая полоса пены, выгибавшаяся подобно хищному зверю.

По сравнению с Хретой все виденные Ганноном реки могли показаться ручейками. Корабль шёл посередине реки, её берега были едва видны.

Странное чувство овладело Ганноном: ведь здесь не был ни один человек, родившийся на берегах Внутреннего моря. Ни один корабль не входил в эту реку, не проплывал мимо этих островов, каждый из которых больше Керны. Неведомый мир властно звал вперёд. Голова была в тумане. Сердце стучало. Казалось, будто ты заколдован, отрезан от всего, что знал когда-то, где-то, может быть, в другой жизни.

На серебристых песчаных отмелях, как чёрные брёвна, лежали огромные ящерицы. Их пасти с острыми зубами были раскрыты, словно в язвительной усмешке.

вернуться

63

Описание некого торга в Ливии дано по труду греческого историка Геродота (V в. до н. э.). Эта форма обмена известна многим отсталым народам и на берегах Нигера велась до XVIII в.

вернуться

64

Хре́та — по мнению большинства учёных, должна быть отождествлена с Сенегалом.

Мидаклит радостно потирал руки:

— Это крокодил, или, как его называют египтяне, хамис. Эллины рассказывают о нём немало небылиц. Они клянутся, что крокодил единственное животное, лишённое языка. Но египтянин, наблюдавший, как служители храма бальзамируют крокодила, уверил меня, что у крокодила имеется язык, только он настолько мал и так плотно прилегает к гортани, что крокодил не может его вытянуть. От того же египтянина я узнал, что у чудовища подвижна нижняя челюсть, а не верхняя, как считают эллины. Сегодня скончалась ещё одна небылица. Гекатей пишет, что крокодилы водятся только в Ниле!

— А может быть, эта река и есть рукав Нила? — предположил Ганнон.

— Возможно, ты и прав, — ответил Мидаклит после долгого раздумья. — Не исключено, что Нил и эта река имеют общие истоки. Но Гекатей, говоря о Ниле, имел в виду египетскую реку…[65]

— Смотрите! Смотрите! У него во рту птичка! — закричал Гискон, показывая на чудовище, лежавшее наполовину в воде. — Он её сейчас съест.

— Не бойся, Гискон! — успокоил мальчика эллин. — Это ржанка. С нею крокодил живёт в согласии. Птичка выклёвывает у него из зубов остатки пищи и насекомых. Крокодилу это нравится.

Прошло ещё немного времени, и морякам встретились бегемоты. Один из них проплыл так близко, что его можно было задеть веслом.

— Гиппопотам! — сказал Мидаклит по-эллински.[66]

— А мне кажется, — возразил Ганнон, — бегемот скорее напоминает разъевшуюся свинью.

— И мясо у него как у свиньи, — вставил Малх, прищёлкнув языком. — Давайте его убьём!

— Как ты это сделаешь, если его шкура толще, чем обшивка на твоём корабле, и из воды торчит только один нос?

— Не только нос, но уши и глаза! — поправил Мидаклит. — Он слышит и видит, и нюхает, но почти весь в воде.

Корабль подошёл ближе к берегу и стал на якоря. В лодку спустились Малх, Мидаклит, Бокх, Саул и Мастарна.

— Возьмите и меня! — попросил Гискон.

Ганнон сделал мальчику знак, чтобы он оставался на корабле, и, махнув на прощание Синте, вышедшей его проводить, спустился в лодку.

Берег, на который они высадились, был покрыт высокой болотной травой и огромными стволами деревьев, видимо, сваленных бурей. Высохшая верхушка одного дерева лежала прямо на воде, и Мастарна решил привязать к ней лодку.

При его приближении, поднимая тучи брызг, в воду бросился крокодил. Саул погрозил ему кулаком:

— Проваливай, а то я спущу с тебя шкуру и сделаю из неё отличную плеть! Такая плеть сможет поднять и мёртвого! — И он подмигнул Мастарне.

— Не отнести ли нам товары туда? — Мастарна указал на песчаную отмель шагах в двухстах от того места, где они высадились. — Тут сыро!

— А пока вы перенесёте товары, мы с Мастарной поедем за новой партией, — предложил Саул.

— Обернёмся мигом! — добавил тот, заметив, что Ганнон колеблется.

Мастарна сделал знак Саулу, чтобы тот следовал за ним. Оба прыгнули в лодку и налегли на вёсла. Карфагеняне перенесли товары на песчаную отмель и стали собирать сучья для костра. Это оказалось не лёгким делом. Поваленные стволы деревьев, так же как и трава, были пропитаны влагой. Собрав сучья, Ганнон отнёс их к Бокху, высекавшему с помощью кремня и кусочка железа огонь. Маврузий не привык к такому способу добывания огня и, утомлённый бесплодными попытками, бросил наконец кремень и железо в воду. Взяв палочку, он острогал её конец, видимо, решив добыть огонь по-своему. Ганнон присел на корточки, наблюдая за приготовлениями Бокха. Ему ещё никогда не приходилось видеть, как добывают огонь без кремня и железа. Бокх не мог отыскать сухого куска дерева. На помощь ему пришёл Малх. Он предложил маврузию щепку, отколотую от весла.

Мидаклит бродил по берегу, разглядывая невиданные травы.

— Беда! Беда! — вдруг послышался его взволнованный голос.

Эллин бежал, размахивая руками.

Ганнон вскочил и побежал навстречу учителю.

Эллин тяжело дышал.

— Ушёл! — наконец выдохнул он.

— Кто ушёл?

Мидаклит молча указал на реку. И тут только Ганнон разглядел, к своему ужасу, удаляющегося «Сына бури».

— Будь проклят этот этруск! — яростно закричал Малх. — Клянусь морем, это его работа! А ты ещё его выкупил из рабства! — Старый моряк потрясал кулаками.

Ганнон сидел неподвижно. В его памяти всплыли слова Мидаклита: «Не нравятся мне эти друзья. Жди от них беды, суффет». И вот пришла беда, неожиданная и неотвратимая. Что будет с Синтой? Пираты могут надругаться над ней, продать её в рабство! Хорошо, что с Синтой маленький друг. Но сможет ли он ей помочь?

Внезапно Ганнон ударил себя ладонью по лбу:

— Это он! Как я не догадался сразу!

— О ком ты говоришь!

— Мастарна! Это он тогда ночью искал Синту. Это его видел Гискон!

— Похоже, ты прав, — вздохнул Малх. — Выходит, что его подговорил Стратон, порази его бог в пятое ребро! Мидаклит, а как полагаешь ты?

Эллин ходил по берегу. Судя по коротким фразам, изредка вылетавшим из его уст, Мидаклита больше всего волновала судьба свитка и «рисунка земли», оставшихся на корабле. То и дело Мидаклит вытаскивал из-под хитона костяную табличку с дорогой его сердцу надписью «Атлантида» и смотрел на неё с таким видом, словно хотел сказать: «У меня осталось только это».

Услышав, что его зовут, эллин подошёл.

— Вы хотите знать, что я думаю обо всём этом? Так слушайте. Двое пиратов не могли сами захватить корабль. У них были сообщники. Чудес не бывает. Им помочь могли только рабы!

— Рабы? — воскликнул Ганнон. — Но ведь пираты с ними так жестоко обращались!

— Нет, ты не послушался моего совета, — вздохнул Мидаклит. — Ты не счёл нужным посмотреть в обратную сторону!

— Седая борода прав, — вступил в разговор маврузий. — Плохие люди мало били рабов, а те сильно кричали.

— Не будем терять времени, — предложил Ганнон. — Надо решать, как нам быть.

— До Керны можно добраться сушей или морем, — рассуждал Мидаклит.

— У нас нет лодки! — возразил Ганнон.

— Её можно соорудить! — Эллин взглянул на Малха, ожидая его поддержки.

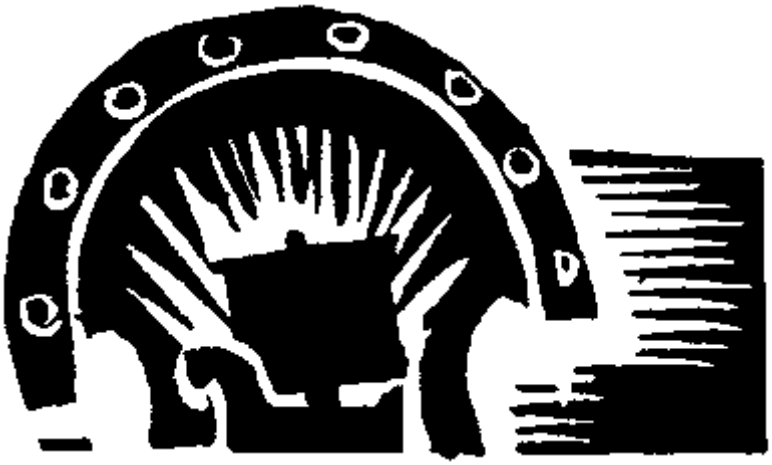
— Чем мы её будем делать? — вздохнул старый моряк. — Мы должны срубить и выдолбить дерево, изготовить вёсла — на это уйдёт не менее двадцати дней. А за это время, если позволят боги, можно добраться до Керны пешком.

Доводы Малха показались всем убедительными. Было решено не мешкая держать путь в Керну. Карфагеняне рассчитали, что путь до Керны займёт не менее месяца. Ведь придётся идти только днём.

Взвалив на спину тюки материи, которые теперь имели неизмеримо большую ценность, чем всё золото Хреты, они тронулись в путь.

В стране чудес

Бунт



Гискон ничком лежал у мачты. Голова гудела, как корабельный колокол, в который бьют во время бури. Мальчик приподнялся. В глаза ему бросились обломки вёсел, сломанные древки копий. Сначала Гискон

не мог понять, где он, что с ним случилось. Но вот память мгновенно возвратила его к прошлому.

Да, началось это с того, что к судну подошла лодка. На палубу поднялся Мастарна и стал подтаскивать к борту корабля товары. Потом Мастарна наклонился над бортом и крикнул Саулу:

— Перемени вёсла!

Иудей привязал лодку к верёвочной лестнице, вытянул вёсла из петель и передал их Мастарне. Потом, быстро поднявшись на корабль, спустился на нижнюю палубу. Гискон знал, что там, рядом со скамьёй гребцов, хранятся запасные вёсла.

Но что это за крики, звон и шум? Может быть, Саул снова бьёт гребцов? Нет, гребцы выбегают на палубу. В руках у них цепи и вёсла. Они вопят. Лица их искажены яростью.

— Бунт! Бунт! — закричал один из матросов, но тотчас же свалился под ноги Мастарне.

вернуться

65

Вплоть до середины XIX века европейцы не знали, что Нил берёт начало в озёрах Центральной Африки. Многие древние авторы считали, что Нил вытекает из океана.

вернуться

66

Гиппопотам — по-гречески «речной конь».

Этруск мгновенно раскроил ему череп.

И только тогда Гискон понял, что гребцы не сами освободились от оков, что всё происходящее на его глазах — дело рук пиратов, заранее готовившихся к нападению.

— Лопни мои глаза! — кричал Саул. — Сдавайтесь!

Но только двое матросов бросились плашмя на палубу, моля о пощаде. Несколько человек кинулось в трюм, где хранилось оружие. Но под ними рухнула лестница. Видимо, её подпилили заранее. Один моряк, спасаясь от ярости гребцов, взбирался на мачту, но руки его соскользнули, и он упал.

Разъярённые гребцы окружили его.

В это время один из матросов выхватил у гребца весло и ловким ударом свалил его с ног. Саул с грозным рёвом бросился на матроса. И вот тогда Гискон решил, что и он может принять участие в схватке. Как кошка, он прыгнул на иудея.

Но Саул просто отмахнулся от него, как от надоедливой мухи. Гискон покатился по палубе. Тюк материи спас ему жизнь: он смягчил силу удара.

Что же произошло дальше? Этого Гискон не знал. Уже смеркалось. Гискон понял, что он долго был без сознания.

И вдруг им овладела мучительная мысль: «Пираты захватили корабль! А где же Ганнон и Мидаклит? Где Малх? Они остались в чужой стране. Что их ждёт? Как им помочь? Где Синта?»

— Лопни мои глаза, а ведь рыбка клюнула! — раздался вдруг знакомый голос над головой Гискона.

Гискон стиснул зубы.

— Клянусь Тиннит, наживка была что надо! — самодовольно ответил этруск. — Пусть они теперь пешком добираются до своей Керны.

— С каких это пор ты стал клясться Тиннит, — проворчал Саул. — Не Стратон ли обратил тебя в свою веру?

— Мы, этруски, почитаем тех богов, которые нам полезны. И этим богам мы приносим жертву. Тиннит меня не обидела. «Сын бури» наш. И девчонка тоже.

— Не надо было их выпускать! — сказал Саул после некоторого раздумья. — Ганнон тебе не простит Синты. Он нас отыщет и на дне морском.

Этруск рассмеялся.

— Скажешь ещё, Ганнон! Его уже давно сожрали звери. Представляю себе, как он скулил, увидев, что нет корабля. Тиннит не простила ему, что он похитил жрицу.

— Смотри, как они гребут, — сказал Саул. — Без плети не обойтись!

— Я вижу, что тебе боги не дали разума, — молвил этруск. — Если ты к ним прикоснёшься пальцем, они нас вышвырнут в море. Теперь они господа, а мы с тобою рабы. Надо их уговорить. Пойдём!

Послышались тяжёлые шаги, скрип лестницы. Потом всё стихло. Только море било о борта гаулы.

«Так это был Мастарна! — вспыхнула мысль в мозгу у Гискона. — Вот кто ходил у костров вместе со Стратоном. Жрец подговорил пиратов захватить Синту. А этруск клялся Тиннит. Ганнон на него и не подумал. Даже иудей и тот удивился, услышав эту клятву. Откуда Ганнону знать обычаи этрусков?»

Превозмогая боль, мальчик поднялся и взглянул на клетку, где был Гуда. Лев ходил из угла в угол, с тоской вглядываясь в грозно шумевшее море. Казалось, он искал своего господина. Казалось, он понимал, что произошло.

Гискон спустился по деревянной лестнице. В каюте Ганнона было тихо. Гискон осторожно приоткрыл дверь и отшатнулся. Он увидел Синту: ноги

и руки её затянуты верёвками, голова с распущенными волосами наклонена, глаза закрыты.

— Синта! — прошептал мальчик, переступая порог.

Синта вздрогнула. Увидев Гискона, она рванулась к нему и упала на ковёр. В этот момент мальчик почувствовал, что чьи-то жёсткие пальцы больно стиснули ему ухо.

— Щенок! — шипел Мастарна. — Ещё раз войдёшь сюда — задушу. А тебе, — обратился он к Синте, нагло улыбаясь, — советую быть поласковее. Твой хозяин теперь я!

Он протянул к девушке руку, напоминающую клешню, но остановился. Видимо, его смутил блеск ненависти в глазах Синты.

Гости Мастарны

Прошло несколько дней. За это время Гискон узнал, что после схватки на корабле в живых осталось лишь четверо матросов. Они посажены за вёсла. Освобождённые пиратами гребцы помогают им с неохотой. Мастарна и Саул, видимо, этим озабочены. Они постоянно шепчутся и смотрят на берег, словно ищут там спасения.

Вчера Мастарна подвёл корабль к самому берегу и приказал спустить паруса. Это стоило немалых трудов. Со спущенными парусами «Сын бури» вошёл в устье небольшой речки, возможно рукава Хреты. На

правом её берегу, шагах в двухстах от воды, виднелось несколько десятков жалких шалашей. Мастарна жадно и нетерпеливо глядел на них, потирая руки. Появление корабля вызвало ужас у обитателей хижин. Они попрятались в кустах. Но, убедившись, что пришельцы мирно бродят по берегу, чернокожие осмелели. По двое, по трое они подходили к песчаной косе, близ которой стоял на якорях «Сын бури». Здесь они находили оставленные для них разноцветные кусочки материи, стекляшки и дешёвые медные фибулы.[67] От радости туземцы щёлкали языком, хлопали себя по животу, подпрыгивали.

На следующее утро Мастарна приказал развесить на перилах и реях яркие ткани. Судно стало напоминать персидский базар. На воду была спущена лодка, также украшенная тканями. С лодки на косу были переброшены сходни. Гискон понял коварный замысел пиратов: они хотели заманить чернокожих на корабль.

У сходен собралось человек двадцать туземцев, но никто из них не решался взойти на диковинное сооружение, полное заманчивых вещей. Многие почему-то указывали пальцами вверх.

«Они, наверное, считают, что корабль упал с неба!» — решил Гискон.

Наконец мальчик лет десяти, с курчавыми волосами, совершенно голый, с тугим, как барабан, животом ступил на сходни и сделал первый шаг. Он оглянулся, посмотрел на своих соплеменников. Чернокожие стояли не шевелясь, затаи в дыхание.

— Не бойся, малыш, иди сюда! — кричал ему Мастарна, протягивая целый кусок материи.

Мальчик догадался, что белый бородатый человек хочет подарить ему эту чудесную раскрашенную шкуру, кусочки которой он видел ещё вчера на берегу. Неужели ему одному будет принадлежать это богатство? Он разрежет эту шкуру кремнёвым ножом на мелкие полоски и повяжет вокруг шеи, рук и ног. Он раздаст их своим братьям и сёстрам. И, уже не колеблясь, мальчик взбежал на корабль и прижал к животу протянутый ему Мастарной кусок материи. Раздался восхищённый крик чернокожих.

Обгоняя друг друга, они бросились на корабль. Вот они расхаживают по палубе, заглядывают в каюты и трюм, всему поражаются. Особенно удивительно большое бронзовое зеркало, которое вынес для них Саул. Трудно удержаться от смеха, видя, как они в ужасе отскакивают от своего собственного изображения, а потом, осмелев, пытаются его схватить.

Пираты дружески хлопают дикарей по плечам, угощают вином и финиками. Чернокожие довольно щёлкают языком. Угощение им нравится.

Несколько дикарей остановились у клетки с Гудой. Лев ходил из угла в угол, колотил хвостом по своим бокам. Чернокожие упали на колени. Лев, их самый страшный враг, покорён этими белолицыми колдунами! Какой же они должны обладать властью над людьми?

Увлечённые новыми для них вещами, обманутые ласковым обращением, туземцы не заметили, как матросы подняли сходни и корабль стал медленно отходить от берега.

Первым это обнаружил мальчик, которому Мастарна подарил кусок материи. Он хотел сойти на берег, унести своё сокровище, но сходен не было. Полоса воды отделяла корабль от берега. Мальчик вздрогнул, как перепел от тени ястреба, и издал жалобный крик.

Дикари в ужасе метались по кораблю. Но пираты ловкими ударами свалили их на палубу и живо скрутили им руки и ноги плетёными ремнями. Одному чернокожему удалось прыгнуть за борт. Мастарна приказал Саулу убить пловца. Но чернокожий, увидев дротик в руках иудея, с головой погрузился в воду. Он вынырнул у самого берега, вышел на берег, отряхнулся от воды, как утка, и, не оглядываясь, бросился к хижинам.

Пока пираты приковывали пленников к вёслам ржавыми цепями, Мастарна вслух подсчитывал добычу:

вернуться

67

Фи́булы — большие булавки для скрепления одежды.

— Девятнадцать мужчин и один мальчишка!

На берег высыпала толпа разъярённых туземцев. Они грозили кораблю кулаками, исступлённо кричали. В руках у них были палки, камни и изогнутые луки.

Град камней обрушился на «Сына бури». Камни ударялись о борт корабля, о перила, но не причиняли пиратам никакого вреда.

Пленники увидели своих сородичей. Они пытались разорвать цепи руками, перегрызть их. Яростный вопль ужаса и бессилия сотрясал корабль.

А тем временем гребцы под наблюдением Саула занялись снастями. Был прилив, и корабль мог выйти в море.

Вдруг один из гребцов упал. Лицо его исказилось предсмертной судорогой. На синих вывернутых губах показалась пена.

Саул бросился к упавшему. Оперённое древко небольшой стрелки торчало в его бедре.

— Отравленные стрелы! — в ужасе завопил иудей и стремглав побежал к другому борту.

Человек тридцать чернокожих кинулись в воду. Вот они уже подплывают к кораблю и хватаются за его вёсла.

В это время послышался страшный рёв. Над палубой мелькнуло огромное огненное тело. Это был Гуда. Сделав гигантский прыжок, лев оказался на берегу среди мечущихся в панике чернокожих.

К вечеру «Сын бури» был уже далеко от того места, где были предательски захвачены туземцы. Шум волн заглушался тяжёлыми

ударами вёсел, свистом хлыста и воплями чернокожих. Мастарна учил новых гребцов обращению с вёслами.

— Довольно, хозяин! — крикнул Саул. — В один день не выучишь!

Что-то проворчав, этруск спустился в трюм. Оттуда раздался глухой шум, звон чаш.

«Пьют! — подумал Гискон. — В трюме много вина. Его прислал в подарок Ганнону суффет Гадеса».

При мысли о Ганноне сердце мальчика больно сжалось. Это он, когда пираты были заняты чернокожими, незаметно выпустил Гуду. Гискон думал, что лев кинется на пиратов и растерзает их. Тогда можно будет освободить тех четырёх моряков, которых Мастарна приковал к вёслам, и привести корабль в Керну. Но лев бросился на берег. Невольно он, Гискон, помог этруску. Удивительно, пираты даже не заподозрили, что клетка была открыта мальчиком. Они убеждены, что Гуда не просто лев, а оборотень. Что ему стоило самому отодвинуть железный засов? Пираты радуются своему спасению и тому, что они избавились от этого страшного зверя. Сколько удач выпало на их долю!

Мальчик как-то слышал об умной собаке, отыскавшей заблудившегося хозяина. Не сможет ли Гуда найти Бокха? Тогда Ганнону будут не страшны ни дикие звери, ни дикие люди. Гуда их спасёт, как дельфин спас того греческого певца, выброшенного в море такими же коварными людьми, как Мастарна и Саул.

Гискон прошёл к корме. За кораблём неотступно следовала морская лисица. Видимо, тело гребца, погибшего от отравленной стрелы, пришлось чудовищу по вкусу. Время от времени чудовище переворачивалось, показывая брюхо молочного цвета и пасть, усеянную острыми зубами.

Из трюма доносились звуки песни. Гискон впервые услышал её в Гадесе, около таверны. Тот день принёс им всем несчастье. Какой злой дух послал этих проклятых пиратов! Слова песни сливались с рокотом волн. Это придавало ей какую-то грозную силу:

Мы землю быками не пашем,
Сохой не взрыхляем пласты.
На лёгких судёнышках наших
Мы килем волну бороздим…
Волну бороздим.

Мы вечные странники моря,
Нас кормит и поит оно.
Сулит нам и радость и горе,
Дарует и хлеб и вино…
И хлеб и вино.

Трепещет лазоревый парус,
Гаула, как чайка, быстра.
Как буря, страшна наша ярость —
Ведь смерть нам родная сестра…
Родная сестра.

Глаза леопарда

Люди шли к морю. Впереди был маврузий, самый опытный и сильный, за ним шагали Малх и Мидаклит. Шествие замыкал Ганнон. Одиночные кусты, поднимавшиеся среди сероватой травы, вскоре превратились в чащу. На влажной земле виднелись следы каких-то зверей. Деревья оплетены колючими растениями. Всё имело такой зловещий вид, словно боги хотели преградить дорогу в этот лес. Приходилось пробираться через колючую чащу, шипы рвали в клочья одежду. Руки и ноги были в

крови. Людей, привыкших к просторам моря, быстро утомил душный и влажный воздух этого леса. По спинам сбегал струйками горячий пот. Над головою жужжали крупные мухи, они, казалось, не жалили, а кололи.

Лишь вечером путники вышли к морю. Оно встретило их рокотом огромных валов. Валы нетерпеливо накатывались на низкий отлогий берег, обрамляя его сверкающей пеной. Неподалёку виднелся холм, заросший сочной травой. Ганнон поднялся на него. Он долго всматривался в морскую даль, словно надеялся увидеть крыло паруса. Но море было пустынным. Солнце медленно опускалось за линию горизонта.

Здесь же решили заночевать. Небо покрылось бесчисленными звёздами. Из темноты доносился торжествующий рёв, завистливый вой, злорадный хохот. Невидимые хищники вышли на ночную охоту, давая о себе знать другим обитателям леса.

Только один Бокх мог различать голоса отдельных животных. По рыку льва он знал, что царь зверей уже насытился и лежит около растерзанной туши какого-нибудь животного, а шакалы жмутся поодаль, опустив морды, в молчаливом ожидании, как изголодавшиеся слуги перед господским столом.

— Весёлая музыка! — вздохнул Ганнон, поворачиваясь на бок.

Он чувствовал свою беспомощность перед этой тёмной и враждебной ему стихией и с ужасом думал, что его ожидает бесчисленное количество таких же ночей, наполненных звериным воем и ещё более пугающими шорохами.

— Там! Там! — вдруг раздался шёпот эллина.

Все посмотрели в ту сторону, куда указывал Мидаклит. Локтях в двадцати от них, в кустах, они разглядели два горящих огонька.

— Леопард! — закричал Малх, хватаясь за дротик.

Ещё через мгновение его дротик полетел в хищника. Ганнон невольно вздрогнул. Сейчас зверь с рёвом обрушится на них. Люди замерли. Но что это? Горящие зрачки не двигались. Словно зверь хотел сначала испытать их терпение, а потом уж расправиться с ними.

— Ха-ха! — раздался вдруг язвительный смех маврузия. — Хотите, я принесу вам глаз леопарда?

Бокх смело шагнул в темноту и слился с нею. Слышно было, как он шарит в кустах. Вот трещат ветки под его ногами. Маврузии возвращается. И там, где раньше горели два огонька, теперь сверкал лишь один.

— Вот вам и глаз леопарда! — Бокх протянул ладонь. На ней лежал чёрный комочек. Это был просто-напросто светящийся жучок.

— Как же это ты? — посмеивался над Малхом маврузии. — Дал себя обмануть таким маленьким козявкам! Возьми свой дротик!

Укутавшись в плащ, Ганнон лежал с сомкнутыми глазами. Он надеялся быстро уснуть, но сон бежал от него. К полуночи его одолела усталость, и он забылся.

Вторая зарубка

Умывшись морской водой, путники закусили моллюсками, гнездившимися между камнями. После них захотелось пить, но пресной воды поблизости не было.

— Наберём моллюсков в дорогу, — предложил эллин.

— Зачем? — возразил ему Малх. — Если держаться берега, мы их найдём повсюду. Нас прокормит море.

— Посмотрю, как станешь есть всю дорогу моллюсков, — улыбнулся Ганнон. — Я уже не могу на них смотреть.

Но старый моряк, казалось, не слушал Ганнона. Прищурив глаза, он пристально вглядывался в море, ещё подёрнутое утренним туманом.

— Проклятье! Парус! — вдруг закричал он, бросившись к прибрежным камням.

— Где? Где?

— Видите? Вон там! Пират издевается над нами. Ох, попадись он мне в руки!

— А почему ты думаешь, что это именно «Сын бури»? — спросил Ганнон.

— А кому ещё быть в этих водах? — удивился старый моряк.

— Ты забыл про «Око Мелькарта». Гадесцы могли починить его, Адгарбал узнал, что мы поплыли к Керне, и последовал за нами.

— Но Керна далеко на севере. Адгарбал не стал бы рисковать гаулой. Хоть он и ныряльщик, но человек осторожный.

— Смотрите, куда держит путь этот корабль! — воскликнул эллин. — На юг. Это Мастарна. Может быть, он ищет Атлантиду?

Теперь Ганнон и Малх накинулись на эллина, никак не ожидавшего, что одно упоминание об Атлантиде встретит такой дружный отпор.

— Клянусь морем, — вскричал Малх, — я больше не могу слышать эти басни!

Один Бокх не принимал участия в споре. Казалось, его вовсе не интересовало, что это за корабль и куда он плывёт. Углубившись в кусты, маврузии срезал две ровные палочки и засунул их за пояс.

К полудню путники подошли к озеру. Оно отделялось от океана широкой песчаной полосой. Берега озера заросли высоким тростником и растениями, напоминающими олеандры. Яркие растения цвели и источали одуряющий аромат.

Ганнон вытащил из ножен меч, стал расчищать им дорогу к воде. Он рубил стебли, словно сражался с целым полчищем врагов. Кровавые головы цветов падали к его ногам, а Ганнон шагал по ним, а вслед за Ганноном шли его друзья.

Вода пахла гнилью. Ганнон выпил лишь два глотка и, вытерев ладонью губы, присел на поваленное дерево.

По озеру с громким кряканьем плыли утки и гуси.

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Мидаклит.

Сквозь кусты пробирался огромный бык с толстым, заострявшимся кверху рогом, но не на голове, а на носу. Бык спустился к воде. Он не смотрел на людей, словно не удостаивая их вниманием.

— Это носорог! — восторженно шептал эллин. — Самый загадочный зверь Ливии и самый крупный после слона. Он обитает в болотах, откуда, как говорят, вытекает Нил. Египтяне считают, что его рог обладает целебной силой. Порошок из этого рога излечивает любую болезнь.

— Я бы предпочёл мясо, — заметил многозначительно Малх, не спуская глаз с гиганта. — Наверное, оно нежное, как у всех толстокожих. Только где у него уязвимое место?

— Выкинь это из головы! — накинулся на Малха Ганнон. — Надо выбирать добычу по силам. Вот, например, тот гусь. Мне кажется, из него выйдет недурное жаркое.

С этими словами Ганнон размахнулся и метнул дротик. Дротик угодил гусю в грудь. Вода мгновенно окрасилась. Птица бешено заколотила крыльями, затем бессильно опустила голову.

— Хороший удар! — похвалил Бокх. — Но как мы достанем птицу?

Это оказалось нелёгким делом. Лишь после долгих усилий Ганнону удалось подцепить птицу и вытащить её на тинистую отмель.

И снова карфагеняне пустились в путь. Уже вечерело, когда путники подошли к огромному дереву. Оно имело высоту не более двадцати локтей, но ветви его простирались на все сто. Они были усеяны плодами в виде стручков акаций и красивыми белыми цветами.[68] Среди них, сверкая ярким оперением, мелькали птицы.

— Не дерево, а целая роща! — воскликнул Мидаклит.

— Если мы все возьмёмся за руки, нам не обхватить его ствол! — восторгался Малх. — Какую лодку можно из него выдолбить!

— У нас называют его вечным деревом, — пояснил Бокх. — Я слышал, что оно живёт до пяти тысяч лет.

— Значит, оно старше египетских пирамид! — восторженно промолвил эллин. — Воистину это страна чудес! — Прикоснувшись к рыхлой коре дерева, он добавил: — На Крите мне показывали платан. Под ним будто бы нашла убежище дочь финикийского царя Агенора — Европа,[69] похищенная громовержцем Зевсом. В Додоне[70] я стоял под священным дубом. По шелесту его листьев жрецы предсказывали будущее. Но лишь перед этим великаном я готов склонить голову. Он переживёт тысячелетия. Его увидят люди далёкого будущего.

— А почему бы нам не послать весть о себе в эти далёкие времена? — предложил Малх. — Пусть люди будущего узнают о нас, если мы не можем узнать о них. Не вырезать ли нам что-нибудь на коре этого великана?

— Ты замечательно придумал! — обрадовался эллин. — Пусть дойдёт до потомков хотя бы одно это имя…

С этими словами он взял у Малха нож и вырезал на коре заглавную букву. За нею появились другие. И вот уже можно прочесть слово «Ганнон».

— Жаль, что я ничего не смыслю в значках костяной таблички, — вздохнул эллин, передавая нож Малху, — я бы написал это имя и на языке атлантов.

— И задержал бы нас ещё на целый час! — недовольно проворчал Ганнон. — Какое мне дело до того, будут ли знать моё имя через пять тысяч лет или не будут! Мне не нужна слава. Мне хочется узнать только одно: что с Синтой и Гисконом. Живы ли они?..

Стемнело. Путники остановились на отдых. Бокх подобрал сухой кусок дерева и сел на корточки. Вынув свою палочку, которую приготовил утром, он просверлил отверстие в дереве. Вставив туда палочку, Бокх стал быстро вращать её ладонями. Подложив к отверстию сухой мох, он начал крутить палочку с ещё большей силой, пока из-под мха не показалась струйка дыма. Тогда Бокх наклонился и осторожно подул на мох. Метнулся крохотный язычок пламени. И вот уже пылает костёр. Все повеселели.

— Теперь мы стали сильнее во сто раз! — смеётся Малх, протягивая к огню ноги.

— Ты прав, — соглашается эллин. — Огонь — это великая сила. Чем был бы человек без огня? Смог ли бы он справиться с хищниками, превосходящими его силой? Без огня ему не был бы доступен металл. Недаром мои соотечественники самым благородным героем признают Прометея: он дал огонь людям.

Ганнон ощипал и выпотрошил гуся.

Бокх ударил себя ладонью по лбу, как человек, едва не забывший что-то очень важное. Отбежав немного в сторону, он вскоре возвратился с

пучком пахучей травы. Засунув его в уже очищенного Ганноном гуся, маврузий блаженно растянулся на траве.

Ганнон насадил тушку на дротик и подставил под пламя. Вкусно запахло жареным.

— Никогда я не ел такого вкусного гуся! — заявил Малх.

— Просто ты никогда так не был голоден, — засмеялся Ганнон.

Старый моряк сделал рукой жест, который должен был означать, что он бывал и не в таких переделках.

Поев, маврузий взялся за свою палочку. Сделав на ней две зарубки, Бокх отложил палочку в сторону. Ганнон догадался: зарубки обозначали дни, проведённые в пути. Сколько ещё зарубок появится на этой палочке? Много ли ещё дней даруют им боги?

вернуться

68

Путники увидели баобаб.

вернуться

69

Европа — в греческой мифологии дочь финикийского царя Агенора. Зевс явился Европе, игравшей с подругами на берегу моря, в виде белого быка и, похитив её, увёз на остров Крит. Сыновьями Европы и Зевса считались Минос и Радамант.

вернуться

70

Додóна — древнейшее святилище в Западной Греции со знаменитым оракулом — священным дубом.

Ночные огни

Уже несколько дней шли путники. Кончилось редколесье. Потянулась бесконечная травянистая степь, кое-где покрытая жидкими рощицами. Никто из карфагенян не представлял себе, что травы могут быть так высоки. Когда путники шли ложбиной, лишь по шелесту травы можно было догадаться, что впереди идёт человек. На равнине травы были ниже. Здесь головы людей то возвышались над зелёными волнами, то снова исчезали, и Ганнона всё время не покидало ощущение, что он плывёт.

На травянистой равнине паслось множество животных. Больше всего карфагенян заинтересовали звери с длинными и тонкими передними ногами и необычайно длинной пятнистой шеей.[71] Их головы с короткими рожками и большими трубчатыми ушами поднимались даже над самой высокой травой.

— Не удивительно ли! — воскликнул Мидаклит. — На скалах близ Карфагена я видел рисунки древних людей. Один из них изображал точно такое животное. Тогда мне казалось, что это фантазия художника, но теперь я понимаю: когда-то эти красавцы бродили и на севере Ливии.

Диковинные звери были очень доверчивы. Они равнодушно смотрели на людей, нюхая верхушки трав. При этом они высовывали язык, длинный и круглый, как у змей.

— Закачай меня волны, — кричал Малх. — Если привезти эту тварь в Карфаген, можно разбогатеть, показывая её за деньги.

— Хорошо захватить хотя бы такую шкуру! — мечтательно произнёс Мидаклит.

Но о лишнем грузе не приходилось и думать. Может быть, потому эллин смотрел на невиданных животных с таким вниманием, словно желал навсегда запечатлеть их в памяти.

Карфагенянам довелось встретить и буйволов. У них было огромное мускулистое туловище, широкие копыта и длинные прямые рога. Глядя на этих мирно пасущихся животных, трудно было понять тревогу Бокха.

— Нет зверя опаснее буйвола! — говорил Бокх, уводя карфагенян подальше от стада. — В степи буйвол владыка. Ему здесь никто не опасен.

— И лев? — спросил Мидаклит.

Маврузий замолк и нахмурился. Видимо, он вспомнил о Гуде.

— Да, и лев! — сказал маврузий после долгой паузы. — Раз я возвращался с охоты и увидел буйволов. Они стояли кругом, а внутри этого круга металась львица. Разъярённый хищник взвивался в воздух, но всюду натыкался на острые рога. Круг постепенно смыкался. И тогда львица нашла смерть под тяжёлыми копытами. Буйволы втоптали её в землю. В стороне я наткнулся на львёнка, слепого и беспомощного. Это и был Гуда.

— Как же ты приручил его? — заинтересовался Малх. — Наверное, бил?

Маврузий покачал головой:

— Гуда знал только ласку. Я стал его братом. Мы с ним были всегда неразлучны, вместе охотились, спали рядом. Что с ним теперь? Не бросили ли его в море проклятые пираты?

Маврузий рассказал много других удивительных историй о львах. В дни, когда у хищников нет удачи на охоте и их мучает сильный голод, они подкрадываются к хижинам. Если дома мужчина, он отгоняет льва и

преследует его, а если на месте одна хозяйка, она удерживает льва у порога и старается пристыдить, уговаривая владеть собой и не поддаваться голоду. Лев, как бы стыдясь своей слабости, поджимает хвост и тихо идёт прочь.

Мидаклит слушал маврузия, затаив дыхание. Он был далёк от того, чтобы не верить Бокху. «Мы так мало знаем о существах, которые нас окружают, — думал эллин. — Животным доступны благодарность, мужество, взаимопомощь. Но помимо того они обладают чудесными, таинственными качествами, отсутствующими у людей. Когда-нибудь человек проникнет в тайну поведения животных и многому научится у них».

— Я хочу приручить льва и сделать его своим другом, — внезапно молвил Ганнон. — Представь себе, я появляюсь в городе вместе с ним. Лучшего телохранителя трудно желать! А как приятно сознавать, что тебе послушен царь зверей![72]

Вечерело. В потемневшем небе красиво парили большие птицы. С завистью смотрел на них Ганнон. «Мне бы их крылья, — думал он, — догнать бы «Сына бури»…»

На землю спустилась ночь. Малх уже спал тревожным сном. Так всегда спят моряки, готовые по первому зову вскочить на ноги. Бокх растянулся на траве, прикрыв лицо краем плаща. Он дышал ровно, как ребёнок. Заснул и Мидаклит. Видимо, ему снился хороший сон, его тонкие губы что-то тихо шептали.

Ганнон пододвинул тюк материи, положил на него голову и погрузился в дремоту. Когда он открыл глаза, ему предстало удивительное зрелище: слева и справа мелькали огоньки.

Ганнон разбудил друзей. Молча смотрели карфагеняне на странные, внезапно появившиеся огни.

— Что это может быть? — первым нарушил молчание Мидаклит.

— Похоже на костры, — отозвался нерешительно Малх.

— Это костры чернокожих, — подтвердил Бокх. — Что-то их встревожило, и они переговариваются огнями.

Спать больше не хотелось. Тревога охватила людей.

Ганнон обратил взор к небу. По его краю шествовала огромная кровавая луна. Робкие звёздочки терялись, бледнея и вздрагивая, словно от страха, и поднимались на самую вершину небесного купола.

— Тиннит! — страстно зашептал Ганнон. — Мать всего живого! Вот моя грудь! Рази меня, только пощади Синту. Даруй ей свободу и счастье!

Мидаклит вспомнил поразившие его и Ганнона слова Бокха о том, что лев такой же человек, как и все, но только в шкуре. Раньше они казались ему наивным заблуждением. Теперь он понимал, что это древняя вера, остатки которой сохранились и у более развитых народов. Эта вера могла возникнуть в те времена, когда люди жили в степи такими же стадами, как животные, и ничем не выделяли себя от них.

В плену

Удушливо и пряно пахли травы. Они поднимались всё выше и выше. Ганнон уже не видел Бокха, шагавшего впереди, и только слышал его голос.

Так шли они уже несколько часов. Пекло солнце. Ганнон остановился, чтобы поправить сползшую завязку сандалий. Внезапно он услышал предостерегающий крик Бокха и инстинктивно сжал рукоять меча. Но

было уже поздно. Кто-то сзади навалился на Ганнона, и он ощутил прикосновение голого, скользкого, как рыбья чешуя, человеческого тела. Напрягая все силы, Ганнон попытался сбросить с себя тяжесть, но в это время трава раздвинулась и ещё кто-то бросился ему под ноги. Ганнон упал. Через несколько мгновений отчаянной борьбы руки его были связаны. И, только лёжа на земле, тяжело дыша, он мог разглядеть своих противников. Это были люди с могучим телосложением. Их чёрная кожа блестела, словно смазанная жиром. Белки глаз были выпучены. Белые полосы на лбу и щеках придавали их лицам ещё более свирепое выражение.

С торжествующим криком чернокожие тащили Ганнона по земле, словно это был не живой человек, а кожаный мешок. Колючие растения царапали грудь и лицо. Ганнон стиснул зубы от боли.

И вдруг Ганнон увидел своих спутников в жалком, растерзанном виде. На груди у Бокха не было ожерелья из шакальих зубов. На правом ухе вместо привычной золотой серьги пламенела капелька крови. У Малха под глазом расплылся огромный синяк.

Чернокожие, видимо, о чём-то спорили. По мимике и жестам нетрудно догадаться, что одни — таких было меньшинство — хотят увести пленников в сторону моря, а другие предлагали отправить их в глубь страны. Ссора утихла, когда чернокожий в шапке из леопардовой шкуры, видимо, вождь что-то резко крикнул и сбросил со своей спины отнятые у карфагенян тюки материи. Те, которые хотели увести пленников к морю, подхватили эти тюки и исчезли в высокой траве.

Бокх сказал чернокожему в шапке из леопардовой шкуры несколько слов. Тот в недоумении вытаращил глаза.

— Не понимает! — огорчённо промолвил маврузий. — Они говорят на незнакомом мне языке.

Мидаклит опустил голову. Эллин почувствовал, что теперь ничто не может их спасти. «Почему этот дикарь в шапке из леопардовой шкуры так добивался, чтобы мы достались ему? Он даже не пожалел материи и

меча. Может быть, это вождь племени людоедов, обитающих где-нибудь в глубине страны?»

вернуться

71

Путники увидели жирафов.

вернуться

72

У римских авторов сохранилось известие, что первым приручил льва Ганнон. Не исключено, что имелся в виду наш герой, Ганнон-мореплаватель.

Два дня и две ночи чернокожие вели пленников в глубь страны. Тропинка пробивалась сквозь траву, опалённую солнцем. Она разрезала заросли, поднималась на каменистые холмы. Дикари не считались с тем, что их пленники устали и были голодны. Если они замедляли шаг, их подталкивали палками и кулаками. На каждого из карфагенян приходилось не менее пяти чернокожих, и о бегстве нечего было и помышлять.

К полудню пленников привели в селение. Это было несколько десятков жалких хижин с камышовыми крышами. Женщины злобно набросились на пленников. И если бы карфагенян не втолкнули в какую-то хижину, эти чернокожие фурии, наверное, растерзали бы их.

Внутри хижины было темно. Только острые пучки света пробивались через щели, освещая плетёные стены и земляной пол. Вскоре скрипнул отодвигаемый засов. Дверь открылась, и чёрная рука поставила на пол выдолбленную тыкву с водой.

Ганнон мгновенно высунул голову наружу. Хижину огибал частокол. На кольях торчали человеческие головы, мужские и женские. Одни, видимо, были отрублены совсем недавно, у других же провалились глазницы и высохла кожа. Ганнон с отвращением отпрянул от двери.

Снаружи задвинули засов. В хижине стало темно. Ганнон прислонился к опорному столбу, поддерживавшему кровлю. Бокх, по своему обыкновению, присел на корточки. Мидаклит и Малх легли на листья, устилавшие пол…

Гуда

Наступило утро. Солнечные лучи пробились сквозь щель, освещая четырёх пленников, сидящих на земляном полу.

Снаружи послышался протяжный гул голосов, глухие удары. Они становились всё громче и громче. Ганнон прислушался. Видимо, чернокожие колотили в барабан.

Заскрипел отодвигаемый засов. На пороге появился чернокожий в шапке из леопардовой шкуры. Он был ужасен, как дух смерти. На шее у вождя висел большой кусок синей материи. На чёрной шее ткань производила странное впечатление. Она была привезена из страны, лежащей за морями. Нет, Ганнон готов был поклясться, что этот кусок из запасов «Сына бури».

Сделав страшную гримасу, вождь показал движением руки, что настало время выйти. Ганнон поднялся первым. За ним остальные. В мутном утреннем свете, казавшемся нестерпимо ярким, глазам пленников предстало странное зрелище.

Чернокожие раскачивались и изгибались в причудливой пляске, образуя круг. Круг этот медленно сужался. Земля гудела под чёрными ногами. Сверкали белки глаз. Хлопали в ладоши чёрные руки. Прыгали размалёванные маски. Несмотря на весь ужас перед этой устрашающей пляской, Мидаклит был немало удивлён и искусству плясунов и замечательному мастерству, с каким были сделаны маски. Некоторые из них изображали головы животных — быков, антилоп, крокодилов. Другие, таких было большинство, человеческие лица с разинутыми ртами и выпученными глазами, обведёнными белыми линиями. Что должна была обозначать эта пляска? Может быть, она имеет тот же смысл, что и театральные представления эллинов?

Двое чернокожих, торжественно ступая босыми ногами, вынесли деревянного истукана. Туловище было чёрным, а голова цвета жгучего перца с глазами и ртом, обведёнными белым. Теперь никто из карфагенян уже не сомневался в смысле всей этой церемонии: их хотят принести в жертву этому Молоху чернокожих.

Двое схватили Бокха за плечи и подтолкнули к истукану. Вперёд вышел чернокожий гигант. В руках он держал дубину.

— Прощай, Ганнон! Прощайте, друзья! — закричал маврузий.

И как бы в ответ на его слова, раздался протяжный львиный рёв. Среди чернокожих поднялось смятение. Видимо, царь зверей никогда ещё не приближался днём к их жилью. Прошло ещё несколько томительных мгновений. Львиный рёв послышался совсем близко.

Люди не успели опомниться, как огромный огненный шар метнулся через частокол. С диким воплем чернокожие бросились врассыпную.

Площадь опустела. На земле валялись маски, они уже не внушали страха. Рядом с поверженным в пыль истуканом лежала дубина — орудие казни, так и не пригодившееся палачу. Несколько поодаль распластался кусок синей материи: вождь бежал первым.

Маврузий опустился на колени.

— Гуда! Брат мой! Ты жив.

— Бежим! — крикнул Ганнон. — А то они опомнятся!

Сердце бешено колотится от быстрого бега. Одежда взмокла от пота. Колючая трава хлещет по лицу.

Первым остановился Бокх. Обернувшись к селению, он трижды плюнул в его сторону, и проклятия посыпались на головы туземцев. Когда иссяк запас всех проклятий, Бокх в изнеможении упал на траву. Гуда подошёл к своему повелителю и лизнул его руку шершавым языком. Маврузий поднялся и помог карфагенянам освободиться от пут.

— Не чудо ли это? — воскликнул Мидаклит. — Откуда здесь лев? Ведь он оставался на палубе.

— Оттуда же, откуда кусок материи на шее вождя, — сказал Ганнон. — В Керне мы торговали красной материей. Те тюки, что у нас отняли, тоже были красными, а синяя оставалась на «Сыне бури».

— Ты хочешь сказать, — молвил Мидаклит, — что пираты после захвата корабля высаживались на берег где-то поблизости?

— Да. И, наверное, они обидели чернокожих. Помнишь костры — язык тревоги, непонятную злость этих чернокожих к нам? Может быть, пираты натравили на чернокожих Гуду или он сам бежал с корабля.

Ганнон пристально всматривался в жёлтые зрачки зверя, словно они могли запечатлеть то, что произошло на палубе, то, чего Ганнон, может быть, никогда не узнает.

Мидаклит понял Ганнона. «Как ему сейчас тяжело!»

— Я не удивлюсь, если этот лев когда-нибудь заговорит! — сказал Мидаклит.

— В Египте, — вспомнил Малх, — я наблюдал, как люди поклоняются чёрному быку с белым пятном на лбу. Я не мог удержаться от смеха, видя, как взрослые люди оплакивают дохлую кошку и воздают ей божеские почести. Теперь же я сам готов приносить жертвы нашему спасителю.

— А кто не хотел брать его на корабль? — напомнил маврузий.

Все рассмеялись. Старый моряк только махнул рукой.

У фарузиев

Море высоких трав. Люди идут, поднимая руки, чтобы защитить лицо от острых стеблей. Солнце жжёт голову, а мокрые обувь и одежда не просыхают. Сандалии пришлось перевязать тряпками, оторванными от одежды. Ноги покрылись ссадинами и распухли, но люди идут и идут, а за ними царственной походкой шагает лев.

Только однажды на пути встретилось одинокое дерево. Ганнон залез на него, чтобы осмотреться. С высоты ему был виден темнеющий на горизонте край леса, небольшие озёра и висящие над ними тучи птиц. А это что такое? Шатры с коническими крышами.

— Там посёлок чернокожих, — сказал Ганнон, слезая с дерева. — Надо его обойти.

Бокх с ловкостью дикой кошки взобрался на верхушку дерева, и оттуда вдруг раздался его смех. Так весело он смеялся лишь тогда, когда Малх принял светляков за глаза леопарда.

— Над чем ты потешаешься? — удивился Ганнон.

— Ты принял жилища белых муравьёв[73] за хижины чернокожих!

— Наверное, ты хочешь сказать, что муравьи поселились в брошенных человеком жилищах? — заметил Мидаклит.

— Нет, — возразил маврузий, — это жилища самих белых муравьёв.

Путники остановились шагах в ста от конических строений.

— Никогда не поверю, что муравьи могут соорудить нечто подобное! — Малх недоверчиво покачал головой. — Чего доброго, ты ещё скажешь, что они могут строить корабли и управлять, ими, как люди!

— Или добывать золото, — вмешался Мидаклит. — Если верить басням, именно эти насекомые наполняют драгоценным металлом сокровищницы индийских царей.

— Подойдём ближе! — невозмутимо сказал маврузий. — В споре глаза и руки — лучшие судьи.

И вот карфагеняне стоят перед пологой стеной из красноватой глины, сглаженной так хорошо, словно над ней трудились лучшие каменщики.

— Совсем как здание Совета в Карфагене, — воскликнул поражённый Мидаклит.

вернуться

73

Белые муравьи — термиты.

— Только без окон и дверей, — заметил Ганнон.

— Дверь есть, — коротко сказал маврузий.

Он обошёл муравьиный дом и показал на круглое отверстие, чуть возвышающееся над землёй.

Старый моряк просунул туда руку, нащупал ячейки и даже вытащил мёртвую личинку.

— Да, ты прав, — обратился он к маврузию. — Но кто поверит мне в Карфагене, если я расскажу об этих муравейниках! Легче поверить басне о людях с языками до земли или глазами на груди.

Мидаклит пытался отколупнуть кусок глины от муравейника, чтобы унести его с собой, но это ему не удалось сделать.

— Прочен, как камень! — удивился он. — А где же сами строители? Я хочу на них взглянуть.

Бокх улыбнулся:

— Вряд ли бы ты обрадовался встрече с ними. Белые муравьи передвигаются полчищами, уничтожая всё на своём пути. Лучше встретить взбесившегося слона, чем этих муравьёв.

В этот же день у небольшого озерца путники разглядели несколько человеческих фигурок.

— Это женщины! — шепнул Бокх. — Оставайтесь здесь, чтобы их не напугать. Гуда! Лежать! — приказал он льву.

Лев неохотно опустился на землю, протянув вперёд лапы.

Занятые сбором моллюсков, женщины не сразу заметили Бокха. Маврузий вышел на открытое место, присел на корточки в знак мирных намерений и что-то крикнул. Увидев его, женщины испуганно отшатнулись, но одна из них, в переднике из листьев, смело вышла навстречу Бокху.

Карфагеняне с замиранием сердца ожидали, поймёт ли женщина Бокха. От этого зависела их судьба.

Бокх и женщина дружелюбно потёрлись носами и стали о чём-то говорить, размахивая руками.

— Понимает! Понимает! — радостно зашептал Мидаклит.

Бокх возвратился. Он рассказал, что они находятся неподалёку от одного из селений фарузиев и что женщина, с которой он только что говорил, — жена погибшего на охоте вождя.

— Мы были с ним дружны, как два ствола на одном корне, — сказал Бокх. — Но его возлюбили боги и взяли к себе.

Посоветовавшись, путники решили идти к фарузиям, чтобы запастись всем необходимым для дальнейшего пути.

Солнце висело прямо над головой, когда карфагеняне подошли к маленьким домикам, сплетённым из прутьев, с конусообразными крышами.

Домики стояли кругом. В середине площади, образованной этими домиками, росло высокое дерево с густой ярко-зелёной кроной. Около него толпились мужчины в коротких передниках, видимо, сплетённых из травы. Чем-то занятые, они даже не заметили приближения чужеземцев.

Подойдя ближе, карфагеняне увидели, что пять здоровенных фарузиев сосредоточенно бьют палками распростёртого на земле человека. Они делали это без злости, словно молотили на току колосья. Человек корчился под ударами. Из уст его вырывался хриплый стон.

Вдруг раздался предупреждающий крик. Кто-то из фарузиев заметил чужеземцев. Мужчины опустили палки и повернулись. Женщина, шедшая рядом с Бокхом, сделала успокаивающий жест. Бокх присел на корточки и сказал несколько фраз. Его выслушали с большим вниманием. Человек, которого били палками, поднял голову. На вид ему было лет тридцать пять. Волосы на голове у него выбриты, как у карфагенского жреца. На нижней губе, свисавшей чуть ли не до самого подбородка, болталась металлическая палочка. Уши украшены блестящими раковинами.

— Наверное, что-нибудь украл, — предположил вслух Малх. — Однажды в базарный день в Карфагене вора вот так забили насмерть палками.

Бокх добродушно рассмеялся.

— Здесь и не подозревают о воровстве, — сказал он. — Просто этот человек захотел заменить моего друга вождя, погибшего на охоте. У фарузиев обычай: каждый желающий стать вождём должен выдержать палочные удары.

Малх захохотал. Но Мидаклит, подняв указательный палец кверху, сказал серьёзно:

— Мудрый обычай! Не мешало бы ввести его в Элладе. Никто не пожелал бы стать тираном, похитителем свободы… А впрочем, — добавил он, указывая на лежащего туземца, — власть, видно, очень соблазнительная вещь: тех, кто её добивается, не пугают палочные удары, не страшит смерть…

— Как бы там ни было, этот чернокожий должен быть нам признателен, — перебил Мидаклита Ганнон. — Наш приход избавил его от палок, а, может быть, спас жизнь.

— Смотрите, он поднимается! — воскликнул Малх.

Двое из тех, кто били палками, бросились на помощь избитому и, поддерживая его за локти, осторожно повели.

Пройдя несколько шагов, избитый остановился и, обернувшись, выкрикнул несколько слов.

— Он приглашает нас к себе! — сказал Бокх.

— Клянусь морем, мы отпразднуем его избрание. Я согласен. — Малх радостно потирал руки.

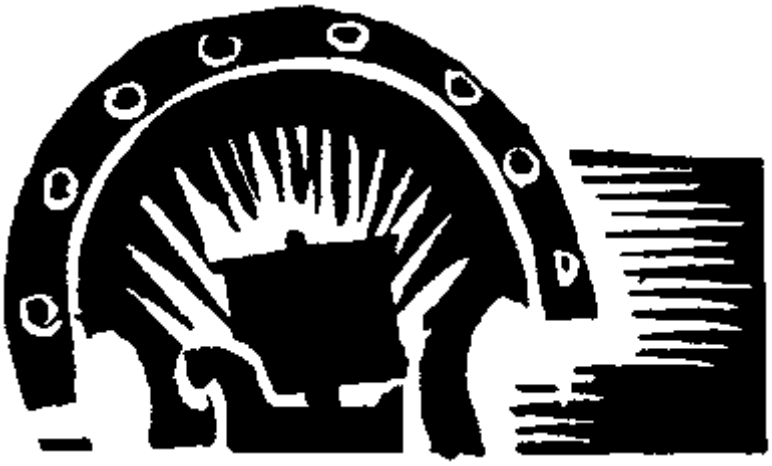
И вот они уже в хижине. Нагие женщины ставят на покрытый шкурами пол какие-то горшки с едой и питьём, корзины с плодами и орехами.

Путники блаженно растянулись у стены. Впервые за много дней над головами их кровля. Им не угрожало ни неожиданное нападение, ни голодная смерть.

Взяв что-то из горшка, Бокх на четвереньках выполз из хижины. И через несколько мгновений послышалось урчанье и треск размалываемой кости.

— Хороший зверь! — сказал Малх, протягивая руку к корзине с орехами.

Цези



Ганнон проснулся от шума. Гремел барабан, раздавались воинственные крики. Площадь между хижинами была полна людей. Мужчины в плащах из леопардовых шкур, с короткими, но широкими копьями и с кусками какой-то толстой кожи вместо щитов направлялись к большому дереву. За людьми послушно, как собаки, брели маленькие лошадки. У дерева, которое, по-видимому, почиталось священным, на корточках сидел совсем голый человек. По металлической палочке в его нижней губе и кровоподтёкам на спине карфагеняне признали в нём того самого фарузия, которого лишь два дня назад у этого же дерева били палками. На его голове была небольшая шапочка из львиной шкуры, которую мог носить только вождь.

— Смотри, что он делает! — воскликнул эллин.

Вождь разгладил ладонью насыпанный у корней песок и указательным пальцем начертил какую-то фигуру.

— Клянусь Гераклом, это слон! — произнёс Мидаклит, подавшись вперёд, чтобы лучше разглядеть рисунок.

Вождь вскочил на ноги, словно подброшенный тетивой. Он то подходил к рисунку, то отступал от него. Он подпрыгивал, смешно перебирая пятками, бил себя в грудь. Кто-то из толпы протянул ему копьё, и он с размаху вонзил его в песок, в то самое место, где был рисунок. Раздался ликующий вопль.

Ганнон недоуменно пожал плечами.

— Ты что-нибудь понимаешь? — обратился он к Мидаклиту.

— Мне кажется, — сказал эллин, — они собираются охотиться на слонов. Они верят, что пляска вождя принесёт им удачу… Как бы мне хотелось увидеть эту охоту! — добавил он после недолгой паузы.

— Ты прав, это должно быть очень интересно. Пойду отыщу Бокха!

И вот карфагеняне шагают вместе с охотниками к тянущемуся на горизонте лесу. Узнав о желании чужеземцев увидеть охоту на слонов, вождь сначала заколебался, но когда Бокх поклялся, что его друзья не выдадут охотничьих секретов племени, согласился их взять.

Дорога шла между небольшими лощинами, поросшими кустарником. Изредка в одиночку возвышались узловатые деревья, похожие на яблони, но на них не было листьев. На голых ветвях виднелись небольшие розоватые цветки.

К полудню охотники вступили в густой лес. Земля под ногами стала мягче. Она была усеяна багровыми мясистыми ягодами и не менее яркими грибами. Чувствовалось, что неподалёку река или озеро.

Охотники, шедшие впереди, остановились. Заблестели острия поднятых вверх копий.

— Здесь! — сказал Бокх, садясь на корточки.

И тогда карфагеняне увидели глубоко вдавленные в землю следы. Мидаклит наклонился. Через центр следа прошло почти два локтя.

— Да, — промолвил эллин, выпрямляясь, — слон, оставивший этот след, настоящий великан. Он ростом в одиннадцать локтей.

— Как ты это узнал? — поинтересовался Ганнон.

— Очень просто! Помножил разрез следа на шесть. Я слышал, что так делают индийцы.

— Тебе, наверное, известно всё на свете, Мидаклит! — воскликнул Ганнон, с уважением глядя на учителя.

— Нет! Каждый раз я узнаю что-нибудь новое. Сегодня я увидел дерево, которое сначала цветёт, а потом покрывается листьями. Вчера узнал о мудром обычае выбора вождей. Часто я говорю себе: «Как ты мало видел, Мидаклит! Какой ты невежда, Мидаклит!»

— Смотри! Что они делают? — закричал Малх, показывая на туземцев.

Фарузии брали что-то горстями и натирали себе лицо и руки.

— Слоновий навоз, — пояснил Бокх. — Он приносит счастье в охоте на слонов.

Ганнон подошёл к огромной лепёшке:

— Я бы не сказал, что это дурно пахнет!

— Конечно! — согласился Мидаклит. — Ведь слоны кормятся листьями и ароматными травами.

По знаку вождя охотники побежали к краю леса. На большой поляне, спускающейся к озеру, виднелись брошенные жилища белых муравьёв. Бокх повёл к ним карфагенян.

Ждать пришлось довольно долго. В полдень, объяснил Бокх, слоны стоят у воды или в тени деревьев и покидают их лишь тогда, когда спадает жара.

Уже смеркалось, когда один из охотников подал с дерева знак.

— Цези![74] — раздался приглушённый шёпот Бокха.

Ганнон приподнялся на локтях. Издалека послышался шум, похожий на грохот перекатывающихся по трюму глиняных сосудов. Шум шёл со стороны чащи. И вот показался первый слон. Гигант шагал величавой, уверенной поступью. Иногда он глубоко втягивал воздух, выпрямлял хобот, и тогда можно было увидеть огромную пасть с отвислой нижней губой и два длинных бивня, казавшихся розовыми в свете вечернего солнца. Это был вожак. За вожаком шла слониха со слонёнком. Слонёнок был ростом с лошадь, но резвился, как щенок, тёрся о ноги матери, прыгал, смешно крутя своим коротким хвостом. Когда он попытался отбежать в сторону, слониха слегка шлёпнула его хоботом. Издав звук, напоминающий хрюканье, слонёнок послушно подбежал к матери и чинно зашагал с нею рядом. За слонихой шли гуськом ещё пять слонов.

Из лесу на конях выскочило двое охотников. Они неслись на вожака, издавая воинственные крики и потрясая копьями. Вожак остановился, коротко и тревожно прогудел. Остановились и другие слоны.

Один из охотников приблизился к животному. Карфагеняне поняли: он должен отвлечь его внимание. Казалось, слон вот-вот обрушит на смельчака свой хобот. Но другой охотник с удивительной ловкостью спешился, подскочил к слону и обеими руками вонзил в живот великана длинное копьё. Слон поднял кверху хобот, и из его пасти вырвался глубокий, яростный стон, перешедший в рёв. Казалось, этот звук издавало не животное, а отставший воин, застигнутый врасплох врагами. Прижав к губам свой рог, он трубит и зовёт на помощь. Вдруг раненое животное бросилось бежать. Древко копья задевало землю, кусты. Его остриё ещё глубже впивалось в рану.

В это время к бегущему слону приблизился первый охотник. Но конь его споткнулся, и всадник вместе с ним оказался на земле. С поразительной быстротой разъярённый слон схватил охотника хоботом за туловище и со страшной силой ударил о землю.

Крик ужаса вырвался из уст фарузиев.

Гигант, расправившись с охотником, стал топтать коня, но вдруг пошатнулся, повалился на колени и рухнул на бок. Хобот его колотил землю. Но, когда подбежали охотники, животное уже затихло. В его маленьких чёрных глазах, казалось, светился укор.

Взявшись за руки, фарузии плясали вокруг слоновьей туши. Потом по одному они подходили к ней и, наклонившись, целовали слона в лоб, чтобы испросить у его могущественного духа прощение.

Ганнон оглянулся. Он отыскал глазами останки охотника и его коня. Бокх перехватил взгляд Ганнона:

— У нас говорят: «Кто идёт с копьём на слона, не знает, умрёт он или слон».

Охотники внезапно замолкли и остановились как вкопанные. В тишине прозвучал голос вождя.

— Делят мясо! — пояснил Бокх. — Голова и правая задняя нога достанутся тому, кто нанёс слону первую рану. Остальное мясо поделят поровну.

— А бивни? — заинтересовался Ганнон.

Маврузий не успел ответить. Вождь взмахнул рукой, и охотники со сверкающими в руках ножами ринулись к туше. Каждый заранее облюбовал себе кусок.

Уже стемнело. Было решено заночевать здесь. Вскоре загорелись костры. В их свете блестели обнажённые смуглые спины охотников. Карфагеняне расположились у одного из костров. Ганнон задумчиво глядел на прыгающие языки пламени.

Послышались шаги. Бокх принёс кусок хобота. Переворачивая мясо над огнём, он что-то шептал и покачивал головой. «Благодарит богов за удачную охоту», — подумал Ганнон.

Жареный хобот оказался превосходным угощением. Даже Мидаклит, обычно равнодушный к еде, без конца хвалил блюдо, а Малх клялся, что слоновий хобот вкуснее тунца.

Завернувшись в плащи, карфагеняне легли прямо на землю. Сон быстро взял их в свои объятья. Они не слышали ни воя шакалов, привлечённых запахом крови и мяса, ни заунывного пения фарузиев, охранявших спящих и добычу.

Когда Ганнон проснулся, охотники уже накалывали на палки куски слоновьего мяса. К удивлению Ганнона, знавшего, что слоновая кость ценится наравне с золотом, никто не дотронулся до бивней. Они валялись на измятой и окровавленной траве. Карфагенян поразили их чудовищные размеры. Правый слоновий зуб имел в длину почти шесть локтей и был так тяжёл, что одному человеку поднять его было не под силу. Левый бивень был короче и легче. Конец его казался стёртым.

Фарузии даже не представляли, сколько изящных украшений и ценных вещей можно было вырезать из этих бивней. По словам Бокха, они делали из них подпорки для хижин, когда поблизости не было леса.

К полудню охотники возвратились в селение. Они несли на палках огромные куски мяса. Старики и женщины, выйдя из своих хижин, встретили победителей торжественным гимном.

— О чём они поют? — спросил Ганнон у Бокха.

— Воистину доблестен тот, кто вступает в борьбу со слонами. Ибо сильнее слона в мире нет никого. — переводил маврузий. — В памяти нашей всегда пребудут отважные люди. Песня о трусе молчит. Трус и при жизни мертвец.

Золотая дорога

Ещё три дня оставались путники у фарузиев. Они побывали во многих хижинах.

Узнав от Бокха, что дурные люди похитили у карфагенян большую лодку, фарузии удивлённо покачивали головами. Им трудно было понять, как пришельцы, которым было оказано гостеприимство, могли причинить хозяевам зло.

Ганнон удивился, каким вниманием пользуются в племени старики. Им уступали дорогу, давали лучшие куски пищи, усаживали на почётные места. Вождь не принимал ни одного решения, не посоветовавшись со старцами, и их совет являлся для него законом.

Фарузии были довольны своей жизнью. Каждый род получал равную долю добычи, которая затем справедливо делилась.

Фарузии не имели откупщиков, от которых так страдали бедняки Карфагена. У них не было наёмников, так дорого обходившихся республике. Оружие носили все мужчины с шестнадцати лет. Перед тем как дать юноше оружие, его подвергали суровым испытаниям: заставляли бежать до изнеможения, прыгать через огонь с завязанными глазами, костяной иглой на его спине и груди выкалывали узоры. И когда

они убеждались, что юноша ловок и смел, что он умеет переносить боль, ему вручали копьё с железным наконечником, лук и стрелы, подводили ему коня.

У женщин было пять занятий: они готовили пищу, кормили детей, лепили посуду, плели циновки, шили одежду. Но это не делало их рабынями отца или мужа. Отец не мог продать свою дочь, муж — поднять руку на жену.

Фарузии обходились без рабов. И это больше всего поражало карфагенян, привыкших на каждом шагу пользоваться услугами невольников. И, может быть, поэтому фарузии были так честны и трудолюбивы.

Из беседы с вождём Ганнон узнал, что до Керны всего лишь одиннадцать дней пути, из них семь дней придётся на пустыню. Надо только выйти на Золотую дорогу. Она ведёт с гор Хреты к Керне. До этой дороги вождь обещал дать Ганнону проводников.

вернуться

74

Це́зи — на языке маврузиев «слоны».

Ганнон жадно слушал вождя. Особенно его заинтересовал рассказ о Великой дороге, пересекающей всю Ливийскую пустыню[75] с юга на север. Эта дорога вела через страну, которой владели люди с колесницами, и оканчивалась близ Большой воды.

— Да это же гараманты! — воскликнул Мидаклит, когда Ганнон передал ему рассказ вождя. — Ни одно из племён степной Ливии, кроме гарамантов, не владеет, колесницами.

— А зачем им колесницы?

— Они пользуются ими в войнах с обитателями пещер, быстроногими троглодитами. Поразительнее другое, откуда у гарамантов колесницы. Чтобы решить эту загадку, я в Карфагене перевернул сотни свитков. Однажды мне посчастливилось напасть на свиток, в котором рассказывалось о войнах фараонов Египта с воинственными народами Моря. Эти войны велись примерно в то же время, когда эллины осаждали Трою. Первый натиск народов Моря на Египет был неудачным.

Египтяне разбили пришельцев и сожгли их корабли. Оставшиеся в живых на своих колесницах отступили в пустыню и заняли один из оазисов к западу от Нила. Я не сомневаюсь, что гараманты — потомки народов Моря, недаром они светловолосы и голубоглазы, как эллины.

— А как ты думаешь, — спросил Ганнон, — Большая вода — это Внутреннее море?

— Конечно! — воскликнул Мидаклит. — Как мы наивны, когда считаем только себя открывателями неведомых стран. Фарузии побывали у берегов Внутреннего моря прежде, чем люди Внутреннего моря побывали на земле фарузиев. В Керне я слышал удивительный рассказ о пяти юношах из племени насамонов, питающихся сушёной саранчой. Эти насамоны, которым эллины отказывают в разуме и считают их наравне с животными, прошли через пустыню и достигли области, покрытой болотами и поросшей деревьями. Там они видели большую реку, текущую с запада на восток и изобилующую крокодилами. Теперь я не сомневаюсь, что это река Хрета.

— Злосчастная Хрета! — сказал со вздохом Ганнон.

— Я понимаю твои чувства, — продолжал эллин. — Ты потерял у Хреты больше нас, но пусть послужит утешением то, что тебе первому удалось не только увидеть с палубы неведомый берег, но и стать свидетелем жизни племён, отдалённых от моря на много дней пути.

Ганнону и раньше приходилось слышать о торговле, которую вели карфагенские купцы с обитателями глубин Ливии.

Эта торговля была, конечно, менее выгодной, чем морская торговля, но всё же доставляла немалый доход. Главным её преимуществом была безопасность. Не надо рисковать ни людьми, ни кораблями. Номады[76] сами доставляли товары в Карфаген. Покупая золото и драгоценные камни, купцы мало интересовались людьми, проделавшими огромный путь через пустыню. Они ничего не знали об их странах, об их обычаях.

«Возможно, — думал Ганнон, — среди людей в странных одеяниях, которых я сам видел на карфагенском базаре, были и фарузии. Нет, мы напрасно пренебрегаем этими людьми. Может быть, с их помощью Карфаген найдёт путь к сокровищам Ливии более короткий и верный, чем через Мелькартовы Столбы».

Вождь дал карфагенянам четыре вместительных бурдюка для воды, мешок вяленого слоновьего мяса, двух лошадей и оружие. Карфагеняне вооружились копьями с широкими железными наконечниками.

— Как будто мы отправляемся в плавание! — шутил Малх, глядя, как к брюху лошадей привязывают бурдюки. — Воду берём с собой.

Фарузии провожали карфагенян далеко за селение.

Прощаясь с ними, Ганнон машинально нащупал под плащом мешочек с деньгами. Но намерение одарить гостеприимных хозяев кусочками кожи показалось ему самому смешным. Что они будут делать с этими кожаными кружочками?

Карфагеняне уходили, унося с собой воспоминание об отваге и благородстве этих людей.

Звенели погремушки на шеях лошадей. Животные, напуганные близостью Гуды, бежали, и это было поводом для шуток.

— С твоим другом, Бокх, — смеялся Ганнон, — можно обойтись без палки.

Мидаклит рассказывал о виденных им у себя на родине удивительно уродливых, но в то же время на редкость выносливых животных — верблюдах, могущих почти неделю обходиться без воды.

— Я их тоже видел, — заметил Малх. — Египтяне называют их кораблями пустыни. И, клянусь морем, лучшего прозвища для них не придумать. Раскачиваясь, как гаулы, они бредут через пески. Будь у нас верблюды, путь до Керны показался бы нам прогулкой.[77]

Дорога шла местностью, покрытой кустарником и маленькими колючими деревцами, похожими на акации. Её сменила степь. То там, то здесь виднелись пучки травы, а в промежутке между ними — голая земля. Ветер катал сухие клубки репейника. «Не так ли нас гонит по свету судьба?» — думал Ганнон.

К вечеру путники вышли к красноватым скалам, напоминавшим задранные к луне собачьи головы. Песчаные дюны чередовались с каменистыми осыпями, преграждавшими путь лошадям и людям. Этот тоскливый ландшафт оживлялся лишь несколькими деревьями с широкой, густой пирамидальной кроной. Деревья выстроились вдоль русла высохшей реки. Здесь был сделан привал.

Бокх развьючил коней, привязал их к дереву, подбросив им по пуку травы.

— Что же ты так далеко положил траву? — удивлялся Мидаклит. — Они же её не достанут.

Маврузий рассмеялся.

— Сразу видно, седая борода, что у тебя не было коней. Мы, маврузий, заставляем наших коней тянуться за кормом. Оттого у них такие длинные и гибкие шеи.

Вскоре запылал костёр. Поблизости было много высохших деревьев и сучьев, видимо, сбитых бурей. Брошенные в огонь, они источали благоухание. Это был грустный аромат факельных шествий и погребальных церемоний, запах утрат. Эти деревья — кипарисы, испокон веков украшающие ложе смерти. Они растут и здесь, в безлюдной степи, словно для того, чтобы напоминать о скорбной участи человека.

Наутро маленький караван снова тронулся в путь. Дорога шла по засохшему извилистому руслу реки, как бы текущему песчаному потоку, отклоняясь от него то в одну, то в другую сторону.

Копыта коней увязали в сыпучем песке. Солнце жгло немилосердно. От его лучей негде было укрыться. Путь становился всё труднее и труднее.

Лишь изредка встречались кусты тамариска и какие-то светло-голубые растения. Маврузий уверял, что от их сока на коже открываются язвы. Но только с вершины холма пустыня могла показаться мёртвой. То и дело на глаза попадались ящерицы тёмно-жёлтого цвета и небольшие зверьки с крысиным хвостом и длинными задними ногами. Бокх поймал одного из них, и, ободрав, съел. Карфагеняне с отвращением отказались от этой пищи.

Локтях в ста от дороги путники увидели какое-то странное двуногое животное с длинной тощей шеей. У животного была птичья голова и тело с чёрными, как уголь, перьями. Другое такое животное, покрытое коричневатыми перьями, сидело на песке.

— Так это ведь страус! — воскликнул Мидаклит.

Карфагеняне много слышали об этой гигантской птице.

На памяти их отцов страус жил в степи к югу от Карфагена. Но богатые карфагенянки питали неумеренную страсть к страусовым перьям и раскрашенной скорлупе страусовых яиц. И вот уже в окрестностях Карфагена не увидишь страуса.

— Гекатей, — захлёбываясь, продолжал Мидаклит, — утверждает, что самка страуса, если она сидит на яйцах, не убегает при опасности.

Но, видимо, в этом Гекатей ошибался. Когда путники приблизились, обе птицы побежали, распустив крылья, как парус.

— Удивительная страна! — Малх поглядел им вслед. — Здесь птицы не летают, а бегают, как лошади.

— Быстрее! — возразил Бокх. — Самая резвая лошадь не обгонит страуса.

Путники подошли к тому месту, где сидели птицы. На песке, почти сливаясь с его желтизной, лежало яйцо величиной с голову младенца.

Мидаклит поднял его и внимательно осмотрел:

— Интересно, каково оно на вкус? — сказал он, передавая яйцо Ганнону.

Ганнон отбил мечом верхнюю часть скорлупы и заглянул внутрь. Там плавал огромный желток. Каждый из путников отведал его.

вернуться

75

Ливийская пустыня — теперь пустыня Сахара.

вернуться

76

Нома́ды — кочевники.

вернуться

77

Лошадь в Африке стала вытесняться верблюдом с III в. н. э.

— Как куриное! — Мидаклит вытер губы.

— Его пекут в горячей золе, — заметил Бокх, — а из скорлупы делают чаши.

— Как бы эта птица не лишила Мисдесса работы, — пошутил Ганнон.

— Не лишит! — со смехом возразил Малх. — Это очень неудобная чаша. На стол её не поставишь. Держи в руках или вкапывай в землю. Моряку она непригодна.

Наступил вечер. Мелькарт медленно опускался в пески, освещая их своими последними разноцветными лучами. Путники расположились на ночлег. Все чувствовали себя утомлёнными и валились с ног. Маврузий хотел развести костёр, но Ганнон остановил его:

— Песок и так горяч!

Бокх в ответ на это лишь молча покачал головой.

Положив голову на вьюк, Ганнон быстро уснул. Ему приснилась Синта в одеянии жрицы. В руке её был факел. Пламя его колебалось на ветру, словно выписывая на чёрной доске замысловатые письмена. Ганнон протянул руки, чтобы обнять любимую, огонь обжёг их.

Ганнон проснулся от нестерпимого холода. Вскочив, он начал бегать, чтобы согреться. Пробудился и Малх. Зубы его стучали:

— Ну и холод, укачай тебя волны! — бормотал старый моряк. — И укрыться негде. Ни кустика, ни камня.

Кто мог предположить, что в пустыне такие холодные ночи?

Песня песков

Уже несколько дней длился путь через пустыню. Люди постепенно привыкли к дневным переходам. Казалось, что цель близка. На шестой день после полудня ясный горизонт пустыни омрачился, словно на него опустилась пелена тумана. Бокх с тревогой и беспокойством смотрел вдаль.

Хотя было ещё светло, пришлось остановиться. Кони легли на песок. Люди сели спинами к ветру, но всё равно мелкая песчаная пыль набивалась в глаза, нос и рот.

Слышался лишь шелест песчинок и завывание ветра. Но вот раздались ещё какие-то звуки, тоскливые, пугающие, похожие на вздохи какого-то огромного животного. Кони зафыркали и заколотили копытами. Люди вскочили. Только Гуда царственно лежал на песке и невозмутимо облизывал огромным розовым языком лапу.

Сколько ни вглядывался Ганнон, ничего не было видно, кроме известковых скал вдали и песчаного вихря. Вихрь приближался.

Звуки усилились. Они стали тоньше и выше. И здруг внезапно оборвались.

Малх закрыл голову руками и застонал:

— Духи пустыни пришли за нами! О горе!

Маврузий несколько мгновений молча смотрел вдаль. Потянув носом воздух, он промолвил:

— Поют пески, зовут красный ветер, вместе с ним придёт Мут!

Вершина огромной дюны, возвышавшейся над путниками, ожила. Лёгким жёлтым облачком закурился песок. Бурая мгла закрыла солнце, и оно куда-то покатилось огненным шаром. Послышался нарастающий глухой шум. Словно что-то огромное падало с неба. Всё поплыло и закружилось перед глазами. Бокх закрыл голову плащом и лёг ничком на песок. Карфагеняне последовали его примеру. Ветер неистово выл. Не хватало воздуха. Ганнон захотел отбросить свой плащ, но не смог. Ему показалось, что он сделан из камня.

Сколько прошло после этого времени, день или неделя, никто не мог сказать. Бокх первым почувствовал прикосновение к своему лицу чего-то горячего и шершавого. Это был язык его друга Гуды.

Маврузий выплюнул набившийся в рот песок и огляделся. Была ясная лунная ночь. В холодном свете вырисовывались огромные ущелья. На небе сияли звёзды.

Карфагеняне были покрыты песком, как саваном. Бокх принялся их откапывать. Песок сыпался между пальцами. Ноги подкашивались и скользили.

Сначала Мидаклит, а потом Ганнон открыли глаза. Они увидели Бокха, стоящего на коленях возле распростёртого тела Малха. Маврузий тёр ему лицо, дул в ноздри, но всё было напрасно. Старый моряк, перенёсший на море десятки штормов, не вынес одной песчаной бури.

Горе как бы придавило Ганнона к земле. У него не было сил говорить и двигаться. Какие-то бессвязные слова приходили на ум: пустыня, пустота.

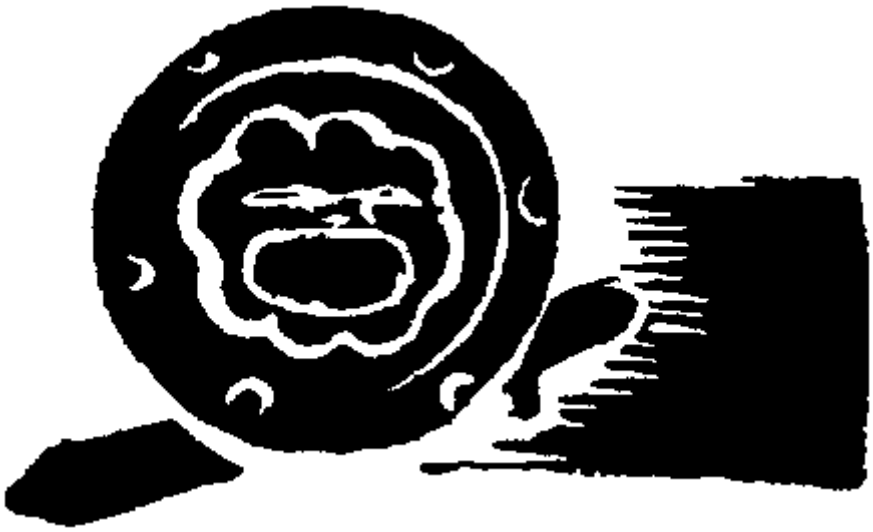
Солнечный шар поднялся из-за холмов, окрасив в розовый свет бескрайние пески. Только он, всевидящий бог Мелькарт, был свидетелем горя людей, потерявших друга. Только он видел их слёзы, слышал их рыдания. Трое окружили невысокий песчаный холмик.

— Сердце твоё было открыто людям, как корни для воды, — глухо сказал маврузий.

Он положил свой кривой нож на песок. Бокх не сомневался, что в царстве мёртвых есть пустыни и леса, заселённые душами хищных зверей, реки и моря, полные чудовищ. Охотник и там не должен быть безоружен.

Ганнон начал читать молитву. Слёзы подступали к горлу. Не закончив молитвы, он бросился на песчаный холмик, скрывавший тело Малха. «Нет, Малх, тебе уже не придётся рассказывать об удивительных чудесах этой страны. Но что все эти чудеса перед человеческой привязанностью и дружбой!»

Последний переход



И вот они снова идут, преследуемые горем, мучимые жаждой. Песчаная буря разлила и высушила всю их воду. Лишь на дне одного бурдюка чудом сохранилось несколько глотков воды. Её разделили поровну. И Гуда получил свою долю.

Голова невыносимо болела. Глаза слезились. Сухие губы потрескались. Язык распух и, казалось, прилип к нёбу. Скоро он не сможет поместиться во рту. Кожа лица воспалилась. Даже Гуда, животное пустыни, страдал от жажды. Он плёлся рядом с маврузием, тяжело дыша, Бокх разговаривал со львом, как с человеком:

— Терпи, Гуда! Мы скоро отыщем колодец. Там будет много воды. Ты наклонишься и увидишь льва, своего брата. Ты будешь пить из его уст.

Какие-то странные видения отягощали мозг Ганнона. Он видел скалы с раскачивающимися пальмами, строения, напоминавшие ему храм Тиннит, откуда он похитил Синту. Он протягивал руки, и пальмы и строения исчезали, как письмена, смытые влажной губкой. То ему казалось, что он на корабле. Волны бьют в борта, и солёные брызги обдают лицо Ганнона. «Поднять паруса!» — кричит он. Но нет, это не палуба корабля, а колеблющийся под ногами песок, не брызги, а сухие, колкие песчинки. Ганнон еле передвигал ноги. Смерть казалась ему желанной.

Но вот песчаные дюны остались позади. Люди медленно поднимались по склону. Оголённые разломы почвы напоминали трещины на корке засохшей лепёшки. Белая едкая пыль при малейшем порыве ветра била им в лицо. Ноги скользили. Мидаклит падал. И каждый раз ему помогал подняться Бокх. Наконец Ганнон и его спутники поднялись на холм. Их глазам предстала голубая волнистая полоса. Они шли к ней, а она не исчезала, не таяла в раскалённом воздухе.

— Море! — крикнул Ганнон, но вместо крика из его воспалённой гортани вырвались какие-то хриплые звуки.

Издали море казалось неподвижным, волны блестели, как чешуйки слюды на изломе камня.

Мидаклит простирал вперёд руки, что-то беззвучно шептал.

— Деревья! — Маврузий показал рукой вправо.

Да, там был лес, а где лес, там вода. Мысли о смерти, только что одолевавшие каждого из путников, мгновенно исчезли.

Вскоре они пили холодную, прозрачную воду из впадавшего в море ручья. Бокх, сбросив одежду, лёг в ручей, чтобы иссушенная солнцем кожа впитала влагу. Карфагеняне прислушивались к журчанию воды, внимали её вечной, прекрасной песне.

Вода! Нет слов, чтобы тебя описать и прославить. Ты самое большое богатство на земле, ты счастье, ты сама жизнь!

— Только в пустыне, — говорил Мидаклит слабым голосом, — я понял правоту мудреца Фалеса. А он говорил, что в основе жизни лежит вода.

Весь этот день путники провели у ручья, дав себе отдых. С горечью вспоминали они о Малхе, взятом пустыней. Как бы радовался он морю!

Ещё два дня пути, и карфагеняне стояли на берегу залива. На этой поляне совсем лишь недавно они раскладывали товары для немого торга. Вон там стояла их лодка. Ещё не развеялся пепел их костра! Но сколько бед обрушилось на их головы. Как на ладони была видна Керна.

Лес не давал возможности увидеть дома колонистов и крохотную бухточку, в которой стоял тогда «Сын бури». Надо держаться правее.

— Что это там? Корабль со спущенными парусами?

— «Сын бури»! — воскликнул Мидаклит.

— «Око Мелькарта», — произнёс Ганнон с дрожью в голосе.

Нельзя было понять, радуется ли он тому, что Адгарбал выполнил его приказ и благополучно привёл гаулу, или скорбит, что не произошло чуда и у Керны нет «Сына бури».

Утром колонисты Керны и моряки с «Ока Мелькарта» увидели на берегу залива дымок. Решив, что чернокожие привезли золото для обмена, карфагеняне быстро снарядили лодку с товарами.

Появление Ганнона и его друзей было настолько неожиданным, что у Адгарбала захватило дух, и мгновение он смотрел на них с ужасом и недоверием, словно увидел призраки. Они и в самом деле были похожи на духов — бледные, измученные голодом, жаждой, горем. Казалось, вот-вот они растворятся в воздухе, как голубоватый дымок костра. Как они здесь оказались? Где их корабль?

Ганнон начал свой рассказ. Видно было, что воспоминания причиняют ему боль. Он часто останавливался, закусывая обветренные губы, опуская глаза. Дойдя до гибели Малха, он повернулся лицом в ту сторону, где погиб старый моряк, и из уст его вырвались бессильные проклятья.

— Как же двум пиратам удалось увести корабль? — недоуменно воскликнул Адгарбал, когда Ганнон закончил свою грустную повесть.

Ганнон закрыл глаза и провёл пальцами по лбу, словно стирая ими что-то.

— Все дни я думаю об этом, — ответил он после долгой паузы. — Многое мне непонятно. Но в одном я не сомневаюсь: Мастарне помогли гребцы. Ключи от оков у него. Да и рабов легко соблазнить обещанием

свободы. Нападение было неожиданным, и схватка на корабле должна была длиться недолго.

— Не горюй, Ганнон, — ободрял его Адгарбал. — Теперь у тебя есть гаула. Мы поплывём, куда ты прикажешь. Мастарне от нас не уйти. У него нет матросов, а если он дал свободу гребцам, они не сядут за вёсла. К тому же у Столбов Мелькарта — наши корабли.

— Но пират поплыл на юг, — перебил Адгарбала Мидаклит. — Мы сами видели корабль, плывущий к югу. И если ты не был южнее Керны, то это мог быть только «Сын бури».

— Мы найдём этого Мастарну хоть в царстве теней! — воскликнул Адгарбал.

Ганнон с благодарностью взглянул на ныряльщика. «Нет, я не ошибся в этом человеке», — думал он.

Этот день принёс ещё одну неожиданность. Лев не захотел садиться в лодку. Гуда впервые вышел из повиновения. Он мотал головой, рычал и колотил себя по бокам кисточкой хвоста.

Маврузий подошёл к Ганнону:

— Прощай! Мой брат, — он показал на Гуду, не спускавшего с хозяина глаз, — не хочет больше плыть по Большой воде. Он создан для лесов и пустыни, а не для волн и бурь.

Ганнон понял: маврузий не покинет своего четвероногого друга, море им обоим так же чуждо и враждебно, как ему самому чужда пустыня. Подойдя к маврузию, он крепко обнял его.

Бокх проводил карфагенян до самой лодки и помог столкнуть её в воду. Ещё мгновение, и лодка уже качалась на волнах. Адгарбал грёб плавными, однообразными движениями, а Ганнон и Мидаклит не отрываясь смотрели на уходящий берег. Там остались их друзья, которым они были обязаны жизнью. Долго виднелся неподвижный силуэт Бокха и стоящего рядом с ним льва. В косых лучах заходящего

солнца Гуда виделся не песчано-жёлтым, как прежде, а огненно-красным. Было что-то грозное в его позе, в широко расставленных лапах, в гордо закинутой голове. Казалось, зверь учуял запах невидимого противника где-то во вздыбленных волнах и бросал ему молчаливый вызов.

Затерянный остров

ЗАТЕРЯННЫЙ ОСТРОВ

Буря

Сильный ветер надувал паруса и гнал судно вперёд. Две его заострённые мачты покачивались, точно две пальмы на равнине. За кормой крутилась белая лента кипящей пены.

Как приятно ощущать себя частицей этого огромного, вечно колеблющегося мира, знать, что никто до тебя не разрезал килем эту волну, не дышал этим влажным воздухом.

Ганнон пробыл в Керне ровно столько, сколько было необходимо для снаряжения гаулы. Сочувствие, встреченное им среди матросов, вдохнуло надежду. Он мог рассчитывать на их помощь. Конечно, он понимал, что найти след «Сына бури» в океане труднее, чем отыскать бусинку в песчаном холме. Но он сделает всё для спасения Синты, он отомстит вероломным пиратам и вернёт республике корабль.

Вслушиваясь, как поёт ветер в снастях, как дрожит под ногами палуба, Ганнон вспоминал удивительно верные слова Малха: «У каждого корабля своя душа!» «Око Мелькарта» был устойчив и послушен воле кормчего. Но ему не хватало той лёгкости и изящества в движениях, которыми отличался «Сын бури». «Око Мелькарта» был тружеником, а «Сын бури» — беспечным баловнем судьбы. И хотя он изменил своему господину и ходит сейчас под чужим флагом, Ганнон сохранил к нему чувство нежности, как к блудному сыну.

С утра океан был спокойным, но к полудню подкрались тучи, чёрные, как кровь каракатицы. С берега подул резкий восточный ветер. Он то

стихал, то с ещё большей силой свистел в снастях. Океан стал белым от пенных гребней волн. Туго натянутые канаты тревожно звенели, как струны, по которым ударяют пальцы чьей-то огромной невидимой руки.

— Когда стихнет этот проклятый ветер! — простонал один из матросов.

— Ты хочешь навлечь на нас беду! — набросился на него Адгарбал. — У ветра есть уши!

Моряки бросали за борт испечённые ещё в Карфагене ячменные лепёшки. Они срывали со своих ушей серьги, снимали ожерелья, всё, что им было дорого и напоминало о доме, и кидали на палубу. Волны слизывали эти дары своими языками. Море и ветер казались людям ненасытными чудовищами, не знающими иной власти, кроме своей собственной. Их нельзя было смягчить слезами или мольбами. Их ярость можно утолить только жертвами. Но как часто они, обуреваемые жаждой разрушения и смерти, отвергают бескровные жертвы!

Ветер всё усиливался. Холодные брызги били в лицо. Страшно было разомкнуть губы. Казалось, вихрь ворвётся внутрь и разорвёт тебя на куски. Застонала мачта. Короткий и жалобный звук казался криком боли. Высоко над головой, как крылья огромной птицы, бешено захлопали паруса. Знаками Ганнон показал, что пора их снимать. Матросы подтянули паруса к реям, вынули мачту из гнезда и укрепили её и реи на палубе дубовыми брусьями. На нижней палубе они привязали вёсла, сняли уключины. Отвели гребцов в трюм.

Волны поднимались всё выше и с грохотом обрушивались на палубу. Грохот был оглушительным, и его уже не вмещало человеческое ухо. От него мутился разум, и Г аннону стало казаться, что небо сливается с морем, а корабль разваливается, как глиняный горшок. Привязав себя к мачте, люди работали по колено в воде. И, хотя из-за брызг нельзя было ничего различить, Ганнон чувствовал на себе взгляды моряков, полные мольбы и укора.

Ночь прошла в борьбе с волнами. Было так темно, будто чёрная смола растеклась и залила луну и звёзды. Одного матроса смыло волной за

борт. Ганнону в рёве волн всё время чудились крики о помощи. «Ещё одна жертва! — думал он. — Океан берёт себе сам, кого захочет и когда захочет».

К утру ветер стал слабеть и волны утихли. Корабль, истерзанный бурей, крутился, как пёс с перешибленным позвоночником. По небу быстро неслись тучи, но сквозь них кое-где уже пробивались блестящие мечи Мелькарта. Люди в мокрой, прилипшей к плечам одежде поднялись на верхнюю палубу. С надеждой следили они за этой схваткой света и мрака, жизни и смерти. Силясь перекричать волны, они взывали к солнечному божеству, молили его о помощи.

Вскоре уже можно было ходить по палубе без опасения быть смытым в море. Матросы молча принялись вычерпывать воду из трюма, убирать обломки вёсел. Они были слишком измучены, чтобы разговаривать. Время от времени люди поднимали глаза, охватывая взглядом вздыбленный волнами океан. Где они сейчас? Куда их угнала буря?

Солнце вышло из-за туч. Ганнон провёл рукой по щеке и ощутил кристаллики соли. Знаком он показал Адгарбалу, чтобы на корме разложили паруса для просушки. «Буря пощадила нас, может быть, для более тяжёлой смерти от голода и жажды, — думал Ганнон, сжимая зубы. — Но надо бороться. Бороться до конца».

И в это мгновение раздался крик:

— Земля! Земля!

Ганнон подбежал к Адгарбалу. Это он разглядел узкую полоску в океане. Земля! И она в той стороне, куда заходит солнце! Значит, это не покинутая ими Ливия. Не родной их материк!..

Вся команда высыпала на палубу. Люди ринулись к бортам и в жадном нетерпении вглядывались в лежащий по ветру берег. И сразу вспыхнули споры. Одни уверяли, что впереди остров, другие по каким-то им лишь известным признакам, утверждали, что гаула приближается к неведомому материку.

— Что вы спорите о тени осла! — улыбнулся Ганнон. — Даже сам Малх на таком расстоянии не смог бы ничего сказать об этом береге.

Матросы замолкли. Авторитет Малха был среди них велик.

«Остров это или материк, — подумал Ганнон, — но он появился вовремя. Без парусов и без пресной воды до Ливии нам не дойти».

Земля росла. Казалось, она шла навстречу гауле. Яснее становились очертания берегов.

— Смотрите, гора! — крикнул один из матросов.

— Белая, а над нею дымок, — заметил другой.

Солнце уже наполовину погрузилось в океан, когда корабль подошёл к незнакомому берегу. Трепет, всегда испытываемый в новых местах, овладел Ганноном. Он потянулся вперёд. Словно его притягивали к себе эти выступающие из, волн утёсы, напоминающие башни огромной крепостной стены.

Ночь прошла в борьбе с течением, сносившим корабль в открытое море. Люди устали. Их мучила жажда. Подкрепить силы было нечем. Все припасы испортила просочившаяся в трюм вода.

Снова из волн поднялось солнце. Его лучи осветили крутой берег, кое-где голый, а местами покрытый кустами и редкими деревьями. С унынием смотрели на него моряки. Неужели они найдут гибель в этих скалах? Как подвести корабль к берегу?

— Бухта! — вдруг закричал Адгарбал, вглядываясь в прибрежные кусты.

— Где? Где?

— Там! Правее сломанного дерева.

Действительно, слева по борту был узкий вход в бухту. Но войдёт ли в него гаула?

— Надо послать вперёд лодку, — решил Ганнон.

В лодку сели трое матросов во главе с Адгарбалом.

Вооружившись шестами, они обследовали горловину бухты. Известие было обнадёживающим: в бухту можно пройти!

«Око Мелькарта» медленно входил в бухту. Она имела форму амфоры. Берега её были гористы. Отмель, расположенная против горловины, была песчаная и низкая.

— Клянусь ветром, — воскликнул один из матросов, — там люди!

— Белолицые! — протянул другой. — Вот чудо!

— И они нас не боятся! — радостно воскликнул Мидаклит. — Смотрите, они нам машут руками!

— Словно они ничего не знают о пиратах и работорговцах, — заметил со вздохом Ганнон.

— А может быть, и не знают! — промолвил эллин. — Ведь мы уже побывали в стране непуганых зверей, а теперь, может быть, попали в край доверчивых людей.

Защищая глаза от солнца, Ганнон долго всматривался в берег. Он искал лодку, какой-нибудь челнок, которым должны были пользоваться эти прибрежные жители. Но берег был пустынен. И это удивляло Ганнона. На берегу не заметно было и сетей, которые обычно сушат рыбаки, развешивая их на кольях. «А почему эти люди не подходят к воде? — удивлялся Ганнон. — Боятся замочить ноги?»

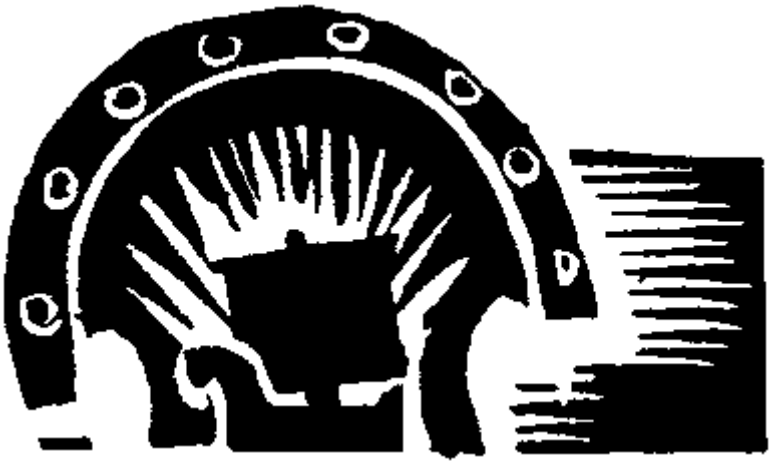
Песчаная отмель позволяла посадить корабль кормой на берег, но из предосторожности Ганнон приказал бросить якорь локтях в сорока от берега.

Послышался плеск, и якорь исчез под водой. Спустили лодку. Ганнон первым сошёл в неё по лестнице, сплетённой из кожаных ремней. Вместе с ним в лодку сели Мидаклит и трое матросов, вооружённых

одними ножами. Остальным Ганнон приказал оставаться на борту и быть наготове.

Вскоре чёлн уткнулся носом в берег. Заскрипел по песку киль. Ударили по борту мокрые вёсла. Медленно и нерешительно вышли моряки на сушу. Люди на берегу кричали, но к воде по-прежнему не подходили.

Потомки атлантов



Ганнон и Мидаклит медленно шли по берегу. Его устилало множество каменных обломков и раковин невиданных форм и цветов. Ганнон также заметил огромные черепашьи щиты, разложенные в каком-то определённом порядке, один против другого.

От толпы отделился человек в ярко-красном плаще. «И здесь добывают пурпур», — подумал Ганнон, но сразу же отбросил эту мысль: ведь на берегу не было ни одной лодки. В нескольких шагах от карфагенян человек остановился и скрестил руки на груди. Догадавшись, что их приветствуют, Ганнон и Мидаклит повторили жест незнакомца.

Перед ними стоял пожилой человек с седеющими редкими волосами. На лбу его теснились морщины. Тонкие, крепко сжатые губы придавали лицу несколько суровое выражение. Серые, глубоко запавшие глаза пристально следили за Ганноном и Мидаклитом, но в них можно было уловить лишь любопытство, а не непризнь.

— Хайре! — услышал вдруг Ганнон и вздрогнул от неожиданности.

Эллинское приветствие — здесь, на земле, затерянной в океане!

Эллин еле сдерживался, чтобы не броситься к своему соотечественнику, волею судеб оторванному от матери Эллады.

— Приветствую вас, о ахейцы! — продолжал незнакомец, как-то странно выговаривая слова. — Мой народ ожидал вас семьсот пятьдесят лет.

Обращение «ахейцы», странное произношение эллинских слов, самый их смысл — всё это насторожило карфагенян.

Старец указал на черепашьи щиты, приглашая расположиться на них.

И вот они сидят друг против друга, как подобает хозяину и гостям.

— Откуда вы? — спросил старец, высоко взметнув брови.

— Из Карфагена! — отвечал Ганнон по-эллински, стараясь как можно отчётливее произносить слова.

Но так как его речь не произвела на старика никакого впечатления, он счёл нужным разъяснить:

— Карфаген — мать городов, рассыпанных от Сицилии до океана. Корабли Карфагена бороздят все моря, разнося о нём славу.

На тонких губах незнакомца появилось какое-то подобие снисходительной улыбки.

— Что вы, молодые народы, знаете о городах земли? Вы, как козы, бездумно пасётесь на пажитях истории. Что твой Карфаген перед великим городом атлантов?

Сердце Мидаклита бешено забилось.

— Где же они? Где этот город? — нетерпеливо прервал он незнакомца.

Тот медленно повернул к нему своё лицо. Эллин прочёл на нём выражение какой-то отрешённости.

— Рождение и смерть — таков закон, которому подвластно всё, что есть на земле и на небе… — начал старец торжественно.

Ганнон и Мидаклит не заметили, как их окружила молчаливая толпа, с интересом рассматривавшая пришельцев. Внимая словам старца, люди поднимали вверх руки, словно молились.

— Рождаются и умирают люди, — продолжал старец, — погружаются на дно океана материки и всплывают новые. Звёзды сгорают, как факелы. Вон там, — и он протянул руку к морю, — простиралась когда-то земля моих предков — великая Атлантида. Ею управляли могущественные правители. Им платили дань народы всех четырёх стран света. Слава о могуществе атлантов заполнила весь мир. Атланты открыли целебные свойства растений, им удалось проникнуть в тайны неба. Понятен был им и язык грома, и язык молнии. Они поднимались к облакам на крыльях, опускались на дно океана. Не было предела их желаниям, дерзким мечтам. Но морской владыка Посейдон жестоко их покарал. Он внезапно погрузил страну моих предков под воду вместе со всеми её городами и храмами. Когда моряки, посланные к далёким восточным островам, вернулись на родину, они увидели вместо огромной родной земли один лишь остров. Это были горы погрузившейся на дно Атлантиды. Из всех атлантов уцелело небольшое племя горцев, они-то и поведали морякам о страшной катастрофе. Вот эти горы. А самая высочайшая из них, — старик показал на гору со снежной вершиной, — зовётся у нас Колесницей богов. Мы живём у её подножия, мы в её власти. Мы потомки тех моряков. У нас всё в прошлом. Мы пасём коз, собираем дикие яблоки и другие дары земли.

Ганнон и Мидаклит переглянулись. То, о чём говорит этот старец, так удивительно, что легче поверить сказкам о Сцилле и Харибде,[78] чем его рассказу.

вернуться

78

Сци́лла и **Хари́бда** — два чудовища, которые, согласно верованиям древних греков, жили по обе стороны узкого пролива и губили всех проплывавших мимо мореплавателей.

— Но почему твой народ говорит на языке ахейцев? — спросил после долгой паузы Ганнон.

— Мой народ говорит на своём языке, — отвечал старик, — на том наречии, на котором я разговариваю с вами, мы обращаемся с молитвами к Зевсу, Посейдону и другим бессмертным богам.

— Но откуда вы знаете это наречие? — нетерпеливо воскликнул Мидаклит.

— Очень много лет прошло после гибели Атлантиды, — продолжал старец, — и вот однажды с той стороны, где рождается солнце, пришёл белокрылый корабль. На берег нашего острова высадились люди с палками из красной меди. Это были очень сильные и очень жестокие люди. В своей ярости они не щадили ни детей, ни женщин. Но моих предков было больше. Они победили этих людей и разломали их палки. Пришельцы поселились вместе с ними в пещерах. Они перенесли на берег сокровища, добытые где-то в далёких странах. Они вытащили на песок свой корабль. Пришельцы научили атлантов своему языку и искусству письма. И тогда они записали на свитках предания об Атлантиде. Они стали приносить жертвы их богам, Зевсу и Посейдону, и с тех пор все жрецы наши носят имя Радаманта. Так звали чужеземца, бывшего нашим первым жрецом. Так зовут и меня.

Из груди Мидаклита вырвался крик радости. Обнимая Ганнона, он воскликнул:

— Мы счастливейшие из смертных — мы на Елисейских полях![79]

— Откуда же прибыли эти люди? — спросил Ганнон.

— С острова, которым управлял могущественный Минос.

— Так это же Крит! — закричал эллин, и из уст его сами полились волшебные строки Гомера:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный,
Тучный, отовсюду объятый волнами, людьми изобильный…

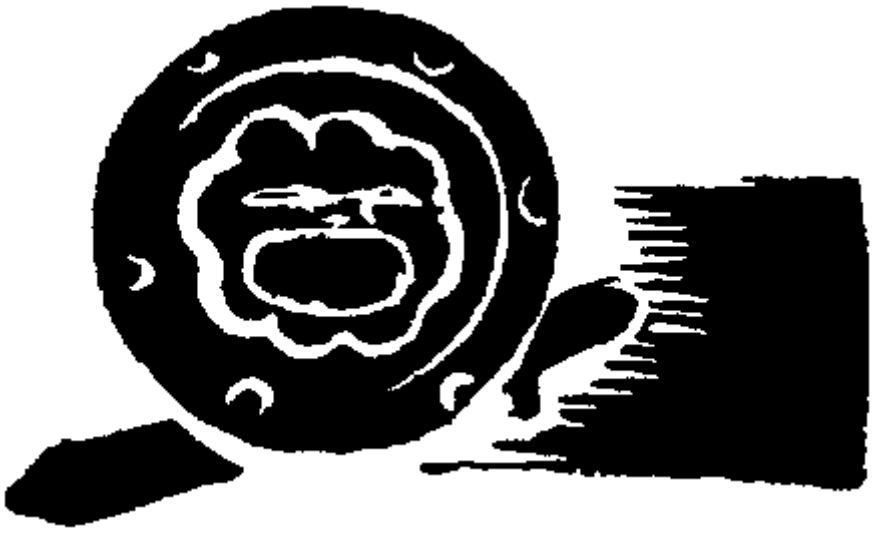
— Что же стало с чужеземцами? — спросил Ганнон, перебивая эллина.

— Они прожили у нас двадцать лет и ещё два года, — продолжал старец. — Об этом мы знаем из наших свитков. Пришельцы говорили, что хотя наша земля богаче их далёкого острова, сердце их не может выдержать разлуки с трижды желанной родиной. Их корабль вскоре сгнил, и они соорудили из его остатков большую лодку. Сокровища свои они оставили на нашем острове, пообещав, что вернутся за ними, если на то будет воля богов. Мои предки вручили им костяную табличку и завещали нам отдать сокровища тем, кто покажет эту табличку. С тех пор никто не появлялся у наших берегов.

Мидаклит, казалось, потерявший дар речи, вытащил из хламиды костяную табличку и протянул её Радаманту. Тот взял табличку из его рук, поднёс к глазам и поднял высоко над головой. Потом он что-то крикнул на непонятном языке.

Толпа подхватила карфагенян и с ликующим рёвом понесла их на руках в глубь острова.

Дочь Радаманта



И вот они на поляне, освещённой ярким полуденным солнцем. Впереди виднеется невысокая скала. Её вершина поросла лесом, отвесный склон покрыт зеленью вьющихся растений. Подойдя ближе, карфагеняне разглядели наполовину скрытые свисающими ветвями круглые и продолговатые отверстия. Это были жилища их гостеприимных хозяев.

Из одной пещеры наружу выпорхнула стайка девушек. Передники и накидки оставляли открытой грудь. Руки девушек не были украшены золотыми или медными кольцами, без которых не покажется людям ни одна карфагенянка. На ногах у них не было сандалий. Но здесь это, видимо, не являлось признаком бедности или траура, как в Карфагене. Одна девушка была выше и стройнее других. Волосы её отливали золотом.

При виде чужеземцев девушки остановились и потупились. Замер их звонкий смех. Но золотоволосая, гордо запрокинув голову, направилась к ним. Подойдя к Радаманту, она коснулась его одежды своими лёгкими пальцами и с любопытством и вызовом взглянула на Ганнона. Глаза у девушки были ясные, как утреннее море.

Жрец нахмурился. Он сказал девушке что-то на незнакомом карфагенянам языке, отчего она съёжилась и поникла, как роза под палящими солнечными лучами.

Взяв Ганнона за руку, Радамант повёл его к пещерам. Казалось, он хотел увести гостей от юной красавицы.

У пещеры стояла большая тростниковая корзина. Из неё высовывалась кудлатая собачья голова. Собака даже не залаяла, увидев незнакомцев, только зевнула, обнажив белые клыки и розовое небо. В глубине корзины Ганнон разглядел нескольких щенков, тыкавшихся своими мордочками в брюхо матери. Эта картина напомнила Ганнону далёкое детство. Вот таких же щенят принесли в подарок его матери. Повар на кухне уже точил ножи, но Ганнон и Синта унесли щенков и спрятали их в старом, высохшем колодце. Они таскали своим пленникам еду. Ласкали и утешали их. Когда же взрослые раскрыли их тайну, уже было поздно.

Наступило время летнего поста. А после поста щенята превратились в собак.

Первая детская тайна сблизила Ганнона и Синту, а потом пришла любовь. Её тоже нужно было скрывать от взрослых: ведь они принадлежали к враждующим родам. Но вскоре тайное стало явным. Миркан, отец Синты, казался благосклонным. И, может быть, их жизнь сложилась бы иначе, если бы не Гимера. Миркан воспользовался тем, что Ганнон отправился в Сицилию. Он отдал свою дочь в храм. А разве он не мог поступить, как все отцы города — заменить сына на жертвенном ложе каким-нибудь юным рабом?..

Вслед за жрецом карфагеняне вошли в пещеру. Факелы освещали закопчённый потолок и стены, украшенные изображениями каких-то фантастических животных, грубо сколоченные столы и низкие скамьи. В углу трещало пламя очага, наполняя пещеру ароматом смол.

Усадив гостей, Радамант оставил их одних. Ганнон успел переброситься с Мидаклитом несколькими фразами.

— Вот мы и на пороге тайны.

— Мне кажется, я вижу чудесный сон, — отозвался восторженно эллин.

Вошли двое юношей с тонкими, как у девушек, талиями. Каждый из них нёс плетёную корзину. На столе появились фрукты и деревянные чаши с вином.

Гостям поднесли воду и золу для умывания.

— Как у нас в Карфагене, — шепнул Ганнон.

Вошёл Радамант и сел рядом с Мидаклитом.

— Так и живём, — сказал он, обводя пещеру грустным взглядом. — Только по свиткам из козьей шкуры мы знаем о равнинах, изрезанных каналами, о людных городах, о мудрых правителях и вдохновенных певцах Атлантиды.

— Откуда же эти свитки? — поинтересовался Мидаклит.

— Я уже говорил, что в те давние времена, когда на наш остров высадились люди с палками из красной меди, память об Атлантиде была ещё жива. О ней пели старцы на пирах, матери рассказывали о ней своим детям. Радамант Первый приказал записать эти предания на твоём языке.

Жрец подошёл к нише в стене и достал оттуда высокую амфору. Он вынул из неё свиток и протянул Мидаклиту.

Эллин дрожащими руками развернул свиток и впился в него глазами.

— Ничего не понимаю! — шепнул Мидаклит. — Жрец говорит, что их предания записаны на моём языке, но это же не эллинские письмена!

Лицо его разочарованно вытягивалось. Радамант молча следил за Мидаклитом. Внезапно он выхватил свиток из его рук и, перевернув, снова ему подал.

— Не подавай виду, — прошептал Ганнон. — Нас могут принять за самозванцев.

— Скорее за невежд, — грустно сказал Мидаклит. — Я держал свиток вверх ногами.

— Скажи, Радамант, — обратился Ганнон к жрецу. — Мы приплыли к тебе с востока, а что лежит к западу от твоей земли?

— Море и ещё раз море, — отвечал Радамант, — а в море острова, а за ними — материк. Так говорится в свитке, который держит твой друг. Атланты не раз бывали на этом материке. После катастрофы мои предки вздумали туда переселиться. Но их постигла неудача. Они наткнулись на густые водоросли, опутавшие вёсла. Они поняли: боги хотят, чтобы они остались на родине. Вернувшись на остров, моряки сожгли свои корабли и дали обет никогда не выходить в море. Этой клятве верны и мы, их потомки.

Пора было возвращаться на корабль. После происшествия с «Сыном бури» беспокойство за корабль никогда не покидало Ганнона.

вернуться

79

Елисе́йские поля — в греческой мифологии место, где обитают души блаженных.

Суффет поднялся и, по обычаю своей родины, низким поклоном поблагодарил хозяина за гостеприимство. Мидаклит передал жрецу свиток и в знак благодарности приложил правую руку к сердцу.

— У меня не выходит из головы, — обратился эллин к Ганнону, когда они остались одни, — слова жреца о непроходимом море к западу от острова. Ведь об этом же море писал Солон со слов саисских жрецов. Только это море, оказывается, было непроходимо из-за водорослей, а не из-за окаменелой грязи, как написано у Солона.

— Да, это удивительно! — согласился Ганнон. — Предание атлантов стало известно эллинам.

— А разве менее удивительно, что старинный критский щкт попал в Карфаген? Если бы не это и не случайно выпавшая табличка, ты бы не посетил мой дом, и я остался бы в Карфагене.

Тропинка спускалась к ручью. Увлечённые разговором, спутники не заметили, как оказались рядом с золотоволосой девушкой. Она стояла с амфорой на плече. Так носят воду и на их родине.

Увидев Ганнона, девушка поставила амфору на траву и медленными неверными шагами приблизилась к юноше. Сняв со своей головы венок, она возложила его на голову карфагенянина.

— Я Томис, дочь Радаманта, — сказала она тихо.

Ганнон остановился в смущении. Он не знал, как ему поступить. Решив, что так принято знакомиться на острове, он взял маленькую ладонь Томис и молвил:

— Я Ганнон, сын Гамилькара.

Закрыв лицо руками, девушка пятилась к ручью. Наткнувшись на амфору, она опрокинула её. Вода полилась на землю.

Девушка скрылась. Всё это произошло в одно мгновение.

— Какие странные обычаи у этих людей! — удивился Ганнон. — Я подал ей руку, а она отшатнулась от меня, словно я её оскорбил.

— Когда я впервые прибыл в Карфаген, — сказал эллин, — для меня было не менее странным видеть, как вы вызываете дождь, размахивая ивовыми прутьями. Я был поражён, когда узнал, что египтяне месят тесто ногами, а глину — руками. В Гадесе мы с тобой видели людей, проклинающих солнце. У каждого народа свои обычаи. То, что для одного хорошо, у другого вызывает отвращение.

На берегу карфагеняне лишний раз убедились в справедливости этих слов. Один из матросов, охранявших лодку, вздумал искупаться. Он сбросил с себя плащ и ринулся в волны. Это вызвало ужас у стоявших на берегу островитян. Они бросились без оглядки бежать к своим пещерам.

— Боятся моря! — сказал Мидаклит. — Помнишь, что рассказал жрец о клятве уцелевших атлантов? Море поглотило Атлантиду, уничтожило всё, что они имели. Отсюда ненависть к морю и страх перед ним.

На гауле Ганнон снял с головы венок и положил его перед собой. Запахло весенней свежестью. Как хорошо остаться одному со своими мыслями! Увидеть прошлое, которое несёшь в себе и которое не нужно никому, кроме тебя. Услышать голоса, которые, может быть, никогда больше не прозвучат. Синта! Где ты? Повесть нашей любви так же грустна, как песня, которую ты так любила:

И плакал он горько о Лине, о сыне,
И песня владыки душу прожгла.

Колесница богов

Прошёл месяц с той поры, как «Око Мелькарта» бросил якоря в бухте Амфоры. Матросы готовили гаулу к плаванию. Они поставили новую мачту и реи, смазкой из толчёных раковин и оливкового масла заделали щели борта, пришили киль к днищу канатами, как это принято делать в Египте. Радамант прислал Ганнону три кожаных мешка с красной краской. Эту краску добывали из сока исполинских деревьев, растущих на склонах высокой горы, вершина которой была покрыта снегом. Ганнон приказал выкрасить этой краской паруса. Это привело моряков в восторг. Пурпур так дорог, что только цари могут себе позволить носить багряную одежду и жить в шатрах, окрашенных им.

— Чтобы добыть несколько багрянок, — вспоминал Адгарбал, — нас заставляли спускаться на глубину в тридцать, а то и сорок локтей. Вынырнешь и ухватишься за край лодки. Дышишь, как рыба. Силы покидают тебя, надсмотрщик бьёт плетью по рукам. Ныряй! На берегу ещё секут, если мало выловил. Смотришь на яркие ткани и думаешь: нет, не пурпуром, а кровью они окрашены.

Краски было так много, что матросы выкрасили ею борта гаулы и вёсла. Некоторые окрасили и свою одежду и стали весьма живописно выглядеть в своих лохмотьях. Не успел Ганнон опомниться, как в мешках не осталось уже ни капли драгоценной краски, которую он решил

привезти в Карфаген. Конечно, он мог бы попросить у Радаманта ещё пару кожаных мешков с краской, и жрец, наверное, ему бы не отказал, но ему хотелось посмотреть на само дерево, источающее пурпур. Если привезти его семена и высадить где-нибудь близ Карфагена, его родина обогатится. Не надо будет платить серебром и золотом иноземным купцам за пурпурные ткани. Их можно будет выделывать в самом Карфагене для себя и на продажу. Вот почему, выбрав погожий день, Ганнон решил отправиться за краской и семенами исполинских деревьев. Он взял с собой Мидаклита. Оба несли по кожаному мешку.

— Основать бы здесь колонию! — Ганнон задумчиво глядел на берег, на гору со снеговой шапкой. — Я не знаю лучшего места на земле. Мягкий климат, тучная земля. Здесь можно будет посадить пальмы, по склонам горы разбить виноградники, у пещер построить город.

Мидаклит неодобрительно покачал головой:

— Ты не подумал о том, что вместе с колонистами прибудут сюда и алчные купцы или наглые пираты вроде Мастарны. Они сделают доверчивых островитян своими рабами.

— Да, ты прав, — согласился Ганнон. — Я об этом не подумал. Сюда надо пустить только избранных, благородных людей.

Эллин, видимо, хотел что-то возразить, но возглас Ганнона отвлёк его:

— Смотри, как странно ведёт себя эта собака!

Мидаклит обернулся.

За время пребывания на острове карфагеняне успели приглядеться к огромным четвероногим, напоминающим молосских псов ростом и длинной желтоватой шерстью, только эти псы были совершенно беззлобны. Эти животные почитались здесь священными существами, подобно быкам у ливийцев и крокодилам у египтян.

У собаки, попавшейся им на глаза, был какой-то жалкий и растерянный вид. В зубах она тащила щенка. Тревога животного никак не гармонировала со спокойствием, разлитым вокруг.

Путники вышли на луг, пестревший яркими, невиданными цветами. Среди них выделялись оранжевые колокольчики и папоротник с вейями, отливающими золотом.

— Если бы эти цветы росли в Элладе, кто бы стал украшать себе голову лавром, а вазы и амфоры плющом? — С этими словами эллин сорвал несколько растений и бережно, чтобы не смять, положил их за край своего плаща.

Луг манил к себе.

— Отдохнём, — предложил Ганнон. — Полдень ещё не скоро.

Друзья растянулись на траве. Вдыхая утреннюю свежесть и аромат цветов, Ганнон задумчиво глядел на плывущие по небу причудливые облака. Счастье уплыло от него, рассеялось, как призрачное видение в пустыне. Остаться бы здесь, на этом чудесном острове с Синтой, и ему не нужны ни власть, ни богатство, ни слава.

К шелесту трав прибавился какой-то новый звук. Приподнявшись на локтях, Ганнон увидел, что со скал, огибающих луг большим полукружием, опускались козы.

Они так ловко прыгали, что их можно было принять за диких. Но вот из-за поворота показался пастух. Он играл на свирели.

Стадо приближалось. Козы шли прямо на людей, нисколько не пугаясь их.

— И козы здесь так же доверчивы, как и люди, — вздохнул Мидаклит. — Звуки свирели заменяют свист бича.

Когда пастух и стадо скрылись из виду, путники встали и двинулись тропой, извивающейся между скалами. Лёгкий ветер ласкал лицо, трепал волосы Ганнона.

— Ты смеёшься над своим учителем за его любовь к Гомеру, — молвил Мидаклит, — но не Гомер ли описал этот чудесный остров, не он ли поведал нам о златовласом Радаманте:

Ты за пределы земли на поля Елисейские будешь
Послан богами, туда, где живёт Радамант златовласый.
Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни холода люди не знают,
Где сладкошумно летающий веет Зефир океаном,
С лёгкой прохладой туда посылаемый людям блаженным.

Ганнон уже не раз слышал эти строки, но лишь теперь он осознал их пророческую силу. Как мог поэт, никогда не бывавший здесь, дать такое проникновенное описание природы острова атлантов? Откуда он слышал о Радаманте?

К полудню путники вступили в сосновый лес. Пахло хвоей и смолой.

— Смотри, какие длинные иглы у этих сосен! — восторгался эллин. — Здесь всё не так, как у нас в Элладе. А птички с красной спинкой и жёлтым брюшком! Видел ли ты нечто подобное?

Солнце уже клонилось к западу, когда путники остановились у огромного дерева. Толщиной своего ствола оно не уступало исполинскому дереву Страны Высоких Трав, но было выше его. Ствол его был совершенно гладкий, без всяких ветвей, и только на самой его макушке ветви образовали густой пучок наподобие вычурной причёски карфагенской модницы или букета цветов. В сероватой коре дерева были пробуравлены отверстия, из которых вытекали алые капли. Трава у подножия дерева была красной.

— Пурпурное дерево! — воскликнул грек.

Мидаклит вытащил нож и стал ковырять им кору.

— Не хочешь ли ты и здесь начертать моё имя? — пошутил Ганнон. Но сразу по его лицу пробежала тень. Ведь в Стране Высоких Трав их было четверо. Нет Малха и Бокха…

Эллин не успел ответить. Послышался какой-то гул, переходящий в грохот. Казалось, дребезжа, катились с горы колесницы. Ведь Радамант назвал гору со снежной вершиной Колесницей богов. Раньше это название казалось Мидаклиту странным, а теперь… Мидаклит ещё в детстве испытал землетрясение в своём родном Милете. Ему вспомнились развороченные мостовые, развалины, мечущиеся люди…

— Бежим! — крикнул эллин. — Здесь оставаться опасно!

Что было сил они побежали к морю. Сзади гремело, с треском валились деревья. Катились обломки скал. И вдруг всё стихло. Только волны поднимались так высоко, что, казалось, вот-вот они поглотят остров.

— Вот чего боялась собака! — промолвил Ганнон, опускаясь на траву. — Природа наделила это животное удивительным чутьём!

Эллин тяжело дышал. Приложив ухо к земле, он прислушивался к доносившимся из земных глубин ударам. Казалось, там, внизу, кузнецы бьют молотами по наковальням.

На лице Мидаклита появилось выражение тревоги.

— Эта гора, — сказал он, — напоминает мне сицилийскую Этну.[80] На голове её снег, а в груди огонь.

Пещера сокровищ

Прошла ещё неделя. Матросы были заняты тем, что ловили рыбу и сушили её на солнце. Сушёная рыба должна была в пути заменить морякам мясо.

С ужасом смотрели потомки атлантов, как матросы вытаскивали на берег тяжёлые сети и потрошили рыбу, перед тем как её разложить для сушки. Ганнона это уже перестало удивлять, но Адгарбал возмущённо размахивал руками:

— Я могу понять египтян и иудеев, готовых лучше умереть, чем съесть кусочек свинины. Но что может быть чище рыбы!

Мидаклит совсем редко появлялся на гауле. Он проводил все дни у Радаманта, слушая предания о древних городах Атлантиды, о её поэтах и мудрецах. Рассказы Радаманта во многом совпадали с тем, что Мидаклит уже знал из свитка Солона, но то, что там ему казалось красивой сказкой, здесь выступало во всём могуществе достоверности.

На этот раз Мидаклит был особенно возбуждён. Усадив Ганнона на чистый прибрежный песок, он стал чертить пальцем какие-то знаки.

— На каком языке я пишу? — спрашивал он, загадочно улыбаясь.

Ганнон пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Я пишу по-эллински! — воскликнул Мидаклит. — По-эллински, — повторил он, быстро начертив ещё какой-то значок. — Пятьдесят лет я прожил на свете, прочёл тысячи свитков, беседовал с ученнейшими людьми, но даже не слышал, что у эллинов до Гомера было своё письмо. И где я узнал об этом? На острове, затерянном в океане!

— Тебе это сказал Радамант?

— Да. Сегодня он был как-то особенно печален. Когда мы с ним остались одни, он достал ту костяную табличку, которая была в щите, и протянул её мне обратно, горько усмехнувшись: «Блаженные острова». Так я узнал, что написано на табличке. Жрец очень удивился, что эти

письмена мне непонятны. Откуда ему было знать, что теперь у нас другая грамота, заимствованная у твоих предков. «Всё равно, — молвил он, — каким путём вам досталась эта табличка. Сокровища будут принадлежать вам».

— Сокровища? О чём ты говоришь, учитель?

— Ты разве забыл, как он нам рассказывал о моряках, оставивших на острове свои сокровища?

— Так это правда?

— Истинная правда, как и то, что у ахейцев была своя грамота. А ведь это ценнее всех сокровищ!

— А не видел ли ты Томис? — спросил Ганнон.

— Видел! Но она меня избегает. Не пойму, чем мы обидели эту девушку.

— Смотри, — воскликнул Ганнон, — идёт Радамант!

— Ты хочешь сказать — бежит.

Действительно, жрец бежал. И это было совсем на него не похоже.

Встревоженно переглянувшись, Ганнон и Мидаклит двинулись навстречу жрецу.

— Я вас искал повсюду! — Радамант был очень взволнован. — Вы должны немедленно покинуть нашу землю! — И он показал на гору.

Над вершиной её клубилось белое облако, и гора удивительно напоминала голову жителя пустыни в белом капюшоне.

— Беда идёт оттуда! Страшная беда! С вершины вот-вот польётся огонь. Скоро займутся леса и остров наполнится едким дымом. Вам здесь оставаться нельзя.

— А ты и твоя дочь? — в тревоге спросил Мидаклит. — На корабле и для вас найдётся место!

— Мой народ не уместится на твоём корабле! — отвечал Радамант. — А я не оставлю мой народ в беде!

Жрец сделал карфагенянам знак, чтобы они следовали за ним.

Одно из круглых отверстий в скале было расположена выше, чем другие. К нему вела лестница со стёршимися от времени ступенями. Мидаклит бывал здесь уже не раз. Но Ганнона, не знавшего, куда его ведут, не покидало чувство беспокойства.

На верхней ступени Радамант снял плетёные сандалии. Ганнон и Мидаклит последовали его примеру и, нагнувшись, чтобы не задеть головой нависший камень, шагнули вслед за жрецом. Они очутились в храме.

Пещеру освещали прикреплённые к стене бронзовые светильники. Стены её были гладкие, а пол неровный, с протоптанными на нём дорожками. Одна из них вела к мраморному жертвеннику, сделанному в виде огромной чаши с высокими загнутыми краями. В нише, вырубленной у подножия жертвенника, лежали докрасна раскалённые угли, мерцавшие, как глаза каких-то сказочных чудовищ.

Радамант зажёг факел и высоко поднял его. Красное пламя закачалось над головой жреца. Отблески этого пламени пробежали по белому мрамору жертвенника. Ганнон не удержался и заглянул через край чаши внутрь алтаря. На его дне копошились, сцепившись в клубок, змеи. Свет факела отражался на их чешуе и неподвижных жёлтых глазах. Встревоженные светом, они раскрывали свои рты и высовывали длинные языки.

Ганнон содрогнулся. «Змеи в храме! Это для них пылает священное пламя. Для них совершаются жертвоприношения. Но что это за жертвы? У алтаря не белеют кости животных».

Радамант приблизился к двери, обитой позеленевшими бронзовыми листами. «Откуда здесь металл?» — подумал Ганнон.

Жрец нажал на какой-то рычаг, и дверь медленно открылась. Ганнона обдало затхлостью.

Они оказались в небольшом помещении. Его можно было принять за кладовую храма. На полу свалены в кучи какие-то предметы.

— Вот они, сокровища людей с палками из красной меди! — прозвучал голос Радаманта. — Теперь эти сокровища принадлежат вам!

Издав радостное восклицание, Мидаклит бросился в угол пещеры. И вот он держит в руках продолговатый щит. На нём изображён корабль с распущенными парусами. На палубе — фигурки людей в высоких головных уборах, на носу — богиня со змеями в руках.

Ганнон смотрел на Радаманта. Жрец стоял, опустив голову и закрыв лицо руками. Во всём его облике были скорбь и отчаяние. Внезапно он протянул руку к щиту и взял его у Мидаклита. Затем он перевернул щит. Видимо, что-то в рисунке на щите было ему неприятно.

вернуться

80

Этна — вулкан на острове Сицилия. Извержения Этны известны человечеству на протяжении многих тысячелетий.

Подняв над головой факелы, Ганнон и Мидаклит наклонились над грудой сокровищ. Сверкали золотые и серебряные кубки, украшенные узорами. Они изображали мужчин с двойными топорами в руках, быков, опустивших рога, дельфинов, извивающихся осьминогов, птиц, парящих в воздухе и сидящих на деревьях. Под кубками лежали слитки золота, драгоценные камни. Одни из них были светлы и прозрачны, как вода, другие искрились, как вино.

Вот хорошо знакомые Ганнону бериллы и калхедоны. Их привозят в Карфаген из пустынной страны Гарамантов.[81] Этими драгоценными

камнями украшают свои пальцы богатые купцы Карфагена. А это, наверное, бриллианты, которыми славится сказочная Индия. А этот молочно-белый камень, кажется, нефрит, столь ценимый египтянами. А вот кроваво-красный рубин. А этот зелёный камень — изумруд. Его доставляют из далёкой Скифии.

Мидаклит и Ганнон стояли как зачарованные, не в силах оторваться от этого зрелища. Они думали о людях, когда-то, в давние времена, бороздивших моря в погоне за этими бесценными богатствами. Жажда добычи гнала их в океан. На что не шли эти люди, лишь бы только заполучить эти яркие камешки! Но их сокровища остались на затерянном в океане острове, не нужные никому.

Голос жреца заставил карфагенян вздрогнуть:

— Торопитесь! Вас ждёт море!

С этими словами жрец покинул храм.

Карфагеняне решили: одному идти к лодке за матросами, другому остаться в пещере, чтобы отобрать наиболее ценные сокровища.

В пещере остался Ганнон. Укрепив на полу факел, он стал откладывать золотые и серебряные кубки, драгоценные камни. Камни он решил сложить на щит. Ганнон ещё раз взглянул на него. Как две капли воды, он был похож на щит, купленный им в Карфагене.

Шорох заставил его обернуться. В нескольких шагах от него стояла Томис. Она была в длинной белой тунике. Сейчас Томис ничем не напоминала ту девушку, которую Ганнон встретил у ручья. Всем своим гордым обликом она походила на богиню. Несколько мгновений Ганнон удивлённо смотрел на дочь Радаманта.

Потом приблизился к ней. Но Томис жестом остановила его.

— Ты мой суженый! — сказала она, с трудом подбирая слова. — Я подарила тебе венок. Почему ты оскорбил меня рукопожатием?

Теперь Ганнон понял всё. Венок — это не просто дар, это признание в любви.

— Ты должен был вернуть венок, если не любишь меня, — продолжала Томис.

И вдруг какой-то порыв охватил Ганнона. Сердце его затрепетало, как парус во время внезапно налетевшей бури. «Вот оно, сокровище, которое мне посылает Тиннит!»

Ганнон снял со своего пальца серебряное кольцо с квадратной печаткой и надел его на палец девушки. Её руки были холодны, как мрамор.

— Уже поздно! — произнесла Томис. — Поздно!

Снаружи послышался шум голосов. Томис вздрогнула всем телом и отступила к двери. Ещё мгновение, и она исчезла во мраке.

— Томис! Томис! — звал Ганнон, и его голос гулко разносился под сводами.

Ганнон выбежал из пещеры.

Всё пространство перед скалой было заполнено людьми. Мужчины, женщины и дети выходили из пещер и шли к морю. На Ганнона никто не обращал внимания. Он бросился в толпу, но сколько ни искал Томис, её нигде не было видно, не было и Радаманта.

Небо покрылось тучами. С моря подул сильный ветер. Со свистом он проникал в расщелины скал, шумел в кронах деревьев, клокотал в ручье.

— Томис! Томис! — звал Ганнон.

И, словно дразня его, откликалось эхо: «Томис! Томис!»

И тогда Ганнон увидел Мидаклита. Волосы его развевались по ветру.

— Скорее! Скорее! — кричал эллин. — Сокровища уже на корабле! Сейчас за нами придёт лодка!

Мидаклит бросился к берегу. И в этот миг Ганнон увидел Радаманта. Высокий и безмолвный, он стоял, окружённый несколькими островитянами. В руках у жреца была амфора.

Ганнон рванулся к Радаманту:

— Где Томис?

Лицо жреца потемнело. Он отвёл взгляд от Ганнона.

— Передай это другу, — произнёс Радамант, протягивая Ганнону амфору. — Здесь самое дорогое, что у меня есть, — свитки.

— Где твоя дочь? — настаивал Ганнон.

Жрец молчал и медленно удалялся, окружённый безмолвными островитянами. На их лицах не было тревоги, скорее светилась покорность судьбе.

Адгарбал и Мидаклит подхватили Ганнона под руки и силой усадили его в лодку. Вёсла ударили по воде, и вот уже Ганнон на палубе гаулы. Загремела, заскребла по сердцу якорная цепь. Забился, затрепетал на рее парус. Зашумели под килем волны.

И тогда Ганнон увидел на утёсе одинокую женскую фигурку. Хотя до утёса было никак не меньше двухсот локтей, Ганнон сразу узнал Томис. Девушка стояла лицом к морю. В руках её извивались змеи.

— Ифигения[82] из Атлантиды! — воскликнул Мидаклит.

Ганнон молча взглянул на учителя. «Ифигения? Что ты этим хочешь сказать?» — говорил его взгляд.

— Когда ты был в храме, — промолвил эллин, — я узнал о страшном обычае островитян. Здесь девушки приносят себя в жертву подземным богам, чтобы отвести их гнев.

— Подземным богам?

— Да, подземные боги у них почитаются в образе змей.

Ганнон не отрываясь смотрел на утёс. Ему показалось, что одна змея, как чёрная плеть, скользнула по груди Томис. Мучительно жаль было эту девушку, её отца, весь этот народ, обречённый на гибель. Образ Томис слился с образом Синты, как в тигле сплавляются два драгоценных металла. Ганнон протянул вперёд руки, но на утёсе уже никого не было. Словно всё, что он видел мгновение назад, было сном.

Гаула выходила в открытое море. Его поверхность то светлела, как озарённый солнцем медный щит, то тускнела и покрывалась тенями от бегущих по небу туч.

В заливе Южного Рога

Снова в море

Каюта была полна кубками, амфорами с драгоценными камнями и другими сокровищами из храма Радаманта.

Мидаклит сидел рядом со спящим Ганноном. В руках его шелестел свиток. Врывавшийся сквозь щели ветер колебал пламя светильника. Мидаклиту казалось, что между строчками древней рукописи он видит солнечный свет и сияние моря, корабли входят в канал, огибающий город атлантов. В стене, отделанной серебристым металлом, огромные квадратные ниши. В них машины, напоминающие присевших на задние лапы собак с вытянутыми шеями. Эти медные чудища мечут огонь на сотни и тысячи стадий, но сейчас они молчат, и корабли сворачивают в канал под арку. Поднимается цепь. Зажигается ослепительный свет, озаряя высокие своды из плотно пригнанных камней. Плеск вёсел усиливается стенами, и, кажется, тысячи ладоней рукоплещут отважным мореходам. Впереди пятно дневного света. Оно растёт. И вот корабли у причалов. Их встречают статуи из красного металла и люди в белых одеждах.

Страшный грохот заставил Ганнона вскочить на ноги. Выбежав на палубу, он увидел огненный сноп, поднимавшийся из глубин тёмного моря. Багровым пламенем он осветил всё вокруг. Его отблеск лёг на волны, пронизал паруса. «Горит Колесница богов», — подумал Ганнон.

Огромный столб дыма взметнулся над морем, слившись с багровыми облаками. Временами ветер менял направление, и тогда можно было увидеть огненный поток лавы, растекающийся среди пламени.

«Рождение и смерть — таков закон, которому подвластно всё, что есть на земле и на небе. Рождаются и умирают люди, погружаются на дно материки и всплывают новые!» — звучали в голове Ганнона слова сурового и благородного Радаманта. Только теперь он осознал беспощадную мудрость этих слов. Настанет время, когда люди уже ничего не будут знать ни о великом городе Карфагене, ни об этой маленькой гауле, блуждающей сейчас в океане. Забудутся имена отважных. Перед лицом времени и человек и даже город из вечного камня — как мотылёк, живущий один день.

вернуться

81

Гарама́нты — кочевое племя, жившее в пустынной части Африки, к югу от Карфагена.

вернуться

82

Ифиге́ния — в греческой мифологии дочь царя Аргоса Агаме́мнона. Согласно легенде, она была обречена отцом в жертву богине Артемиде, чтобы с её помощью продолжить поход греческого флота в Трою.

Сгустился мрак. Словно наступила последняя, вечная ночь. С трудом пробрался Ганнон к кормовому веслу и сменил Адгарбала. Вдруг на палубу что-то посыпалось частым тяжёлым дождём. Это был пепел. Под Гимерой он сам видел огнедышащую Этну и слышал о том, что эта гора извергает пепел. Случалось, что целые города были погребены под ним. Но города ведь не имели парусов, как «Око Мелькарта». Пусть яростно грохочет Колесница богов, пусть она кидает им вслед камни. Гаула уйдёт! Ветер, дуй во все щёки! Гони гаулу куда хочешь, только подальше от этого гибнущего острова.

Ночь казалась бесконечно долгой. Наконец мрак стал рассеиваться, превращаясь в туман. Блеснуло солнце, тусклое, как истёршаяся бронзовая монета. Глазам Ганнона предстала палуба, покрытая пеплом.

Отдав кормовое весло Адгарбалу, совершенно обессиленный, Ганнон спустился в каюту. Светильник, подвешенный к потолку, раскачивался во все стороны, то тускнея, то вспыхивая. Мидаклит не спал. Положив свои таблички на колени, он что-то царапал по ним палочкой. Увидев Ганнона, эллин радостно вскочил. Он указал на горлышко высокого серебряного сосуда, стоявшего рядом, и воскликнул:

— Видишь, Ганнон, что здесь есть!

На горлышке сосуда были начертаны такие же значки, какие были нацарапаны на костяной табличке из щита. Но эти значки были мертвы для суффета.

— «Тартесс», — прочёл вслух Мидаклит. — Теперь мне ясен путь критских пиратов, которым мы обязаны этими сокровищами. Они достигли Тартесса и разграбили его. На обратном пути, очевидно, буря вынесла их корабль в открытое море и забросила на остров атлантов. Там они прожили более двадцати лет. Там они вынуждены были оставить часть своей добычи. Наверное, лишь немногим из критян суждено было вернуться на родину.

— Но почему же они не вернулись за своими сокровищами? Почему это не сделали их дети и внуки? — возразил Ганнон.

— А потому, что вскоре Крит был завоёван воинственными дорийцами,[83] предками нынешних спартанцев. Эти пастухи и воины разрушили города Крита, опустошили его дворцы и храмы. Много сокровищ досталось дорийцам, но кладезь знаний древних критян так и остался для них закрытым. Таблички с письменами, которые они могли обнаружить в развалинах дворцов, были им так же непонятны, как и мне, пока Радамант не раскрыл их тайну. Но даже если бы они могли прочесть о далёких плаваниях моряков царя Миноса, могли ли они их повторить? Вся жизнь их проходит в горах и долинах Крита или

Пелопоннеса. Море вызывает у них ужас… Но всё же, — продолжал эллин после короткой паузы, — открытия древних критян не были вовсе забыты. На пирах слепые певцы, и Гомер среди них, вспоминали о Тартессе, об океане. И последние капли истины потонули в волнах поэтического вымысла. Тартесс, лежавший за вратами лучезарного бога солнца, за Столбами Мелькарта, превратился у Гомера в царство мрака и смерти Тартар. Море с приливами и отливами, столь удивительными для каждого, кто их видит впервые, превратилось в реку-океан. Остров в океане, заселённый потомками атлантов, сделался полями Блаженных…

Сквозь дрёму Ганнон слышал, как эллин что-то говорил о Радаманте. Потом Ганнон забылся.

Южный Рог

Целую неделю гаулу носило по бурному морю. Временами волны с такой силой обрушивались на борта «Ока Мелькарта», что доски трещали. Гаулу метало из стороны в сторону, и, казалось, вот-вот она станет поперёк волн.

Огромные вздыбленные валы пугали даже такого бывалого моряка, как Адгарбал. Мореходы напряжённо всматривались в горизонт, и каждое облако превращалось в их воображении в спасительную землю.

Ветер дул в южном направлении, и сколько ни прилагали люди усилий, им никак не удавалось повернуть корабль на восток, где, как они предполагали, находился ливийский берег.

Мощное течение всё дальше уносило гаулу.

Только на восьмой день блужданий в океане волны уже не были так яростны. Влажный туман рассеялся. Показались стаи птиц.

— Смотри! — радостно воскликнул Ганнон. — Птицы кружатся над водой. Значит, близко их гнёзда. Птицы ведь не улетают далеко от своих птенцов.

— Ветки! — сказал Адгарбал, перевешиваясь над перилами. — Там на весле!

Это был тоже верный признак близости берега. И берег не заставил себя долго ждать. Показался узкий мыс, имеющий форму рога. За ним берег уходил к востоку. Может быть, это южная оконечность Ливии?

Обогнув мыс, гаула повернула на восток. После нескольких часов плавания с правого борта из синих вод океана, как зелёный цветок, выплыл остров. Какими огромными деревьями он покрыт! Высочайшие пальмы, какие когда-либо приходилось видеть Ганнону, много ниже этих исполинов.

«Око Мелькарта» стал на два якоря в спокойной бухте на северном берегу острова. Вода была тёмно-зелёной, и каждый понимал, что здесь судну не угрожают ни мели, ни подводные камни.

Ночь прошла спокойно. Утром Ганнон решил высадиться на берег. Но к утру чёрный, как смола, мрак окутал всё вокруг. Тучи, казалось, задевали верхушки мачт. Вскоре хлынул неудержимый дождь. Он низвергался тесными вертикальными струями, бил по палубе, как дротики атакующего войска, обливал мачту и паруса, булькал, журчал. Под громовые раскаты невообразимой силы сверкали молнии, озаряя корабль и оставляя на чёрной воде светящиеся следы.

Забившись в трюм, люди дрожали от страха. Никому из них не приходилось видеть такого дождя. Наверное, так начинался потоп, о котором говорилось в древних преданиях.

— Боги хотели нас сжечь небесным огнём, а теперь решили утопить! — шутил Мидаклит.

Но Ганнона это тревожило не на шутку. Он опасался, что деревянные части гаулы могут прогнить. Матросы накрыли просмолённой материей все отверстия на палубе. Дождь лил четверо суток, не утихая.

— Подумай, — возбуждённо говорил Мидаклит, — у нас считают, что на юге Ливии совсем нет жизни, что под знойным солнцем сгорает земля и вскипает море, а оказывается, чем дальше к югу, тем больше влаги, тем пышнее растительность.

— А помнишь, — заметил Ганнон, — как мы мучились от жажды в пустыне, как пересыхала гортань, как в мозгу вставали призрачные видения? Почему так несправедлива природа?

— Природа безразлична ко всему живущему. Она не знает, что такое добро, что такое зло. Несправедливость природы должен устранить человек.

Ганнон с любовью посмотрел на учителя. С каждым днём он всё больше уважал его. Для других людей море, ветер, пустыня были капризными или жестокими, тщеславными или великодушными существами, имевшими свои слабости, любившими лесть и щедрые дары. Для эллина море, ветер, пустыня были безличными стихиями, управляемыми вечными, железными законами, доступными человеческому уму.

И уверенность в незыблемости этих законов сочеталась в Мидаклите с наивным пристрастием к красивым и нелепым сказкам его родины.

Битва при Гимере перевернула всю жизнь Ганнона. Если бы не гибель отца, его судьба сложилась бы иначе. Ему бы надо было ненавидеть каждого эллина, видеть в каждом из них смертельного врага.

Не раз ловил суффет неприязненные взгляды матросов, обращённые к Мидаклиту. Казалось, в их душах поднималось что-то грязное и чёрное,

как осадок со дна амфоры. Глаза их мутнели. Лица искажались злобой. Но в душе Ганнона не было этой ненависти.

— Как мы назовём этот мыс? — вслух рассуждал Мидаклит. — Мысом Дождей или мысом Надежды?

— Южным Рогом, — предложил Ганнон.

Учитель обрадованно закивал головой.

вернуться

83

Дорúйцы — одно из греческих племён.

Лесные чудовища

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Палуба стала просыхать. К небу поднимались струйки пара. Ветерок доносил с острова приторный и густой аромат, который испускали, по-видимому, исполинские деревья. Людьми овладевало ощущение какой-то новизны и свежести, словно ливень смыл без остатка всё, что их связывало с прошлым.

Надо было подумать о дальнейшем пути. Если Мидаклит прав и корабль находится у южной оконечности Ливии, то какой смысл возвращаться старой дорогой, через Мелькартовы Столбы? Не проще ли

обогнуть Ливию, как это сделали финикийцы по повелению египетского фараона Нехо?[84] Можно будет высадиться в Аравии, а оттуда сушей достигнуть Тира.

Но, чтобы продолжать плавание, надо пополнить запасы провизии, тщательно подготовить гаулу и, главное, дать отдохнуть людям.

В этот же день моряки сошли на берег. Ганнон приказал захватить топоры. Они могли понадобиться, если придётся прорубать чащу. Гаула прочно стояла на якорях, поэтому Ганнон оставил на борту только пятерых матросов во главе с Адгарбалом. Все остальные были переправлены на остров. Лодку вытащили на сушу и перевернули килем вверх. Теперь в путь!

Ганнон энергично шагал по мокрому песку. Взморье было покрыто огромными лужами желтоватой воды. Из размытой земли поднимались густые горячие испарения, наполняя воздух гнилой сыростью.

В нескольких шагах от себя Ганнон увидел огромную черепаху, её панцирь отливал зеленью. Заметив людей, черепаха втянула в него лапы и голову. «Вот и мясо, — подумал Ганнон. — Остаётся только отыскать деревья, чтобы починить гаулу, и источник с хорошей водой».

Прошлой ночью карфагеняне не слышали хорошо знакомых им звуков — рыка льва и воя гиены, звуков, без которых не обходится ни одна ливийская ночь. Но, если на острове нет львов и гиен, здесь могут водиться другие хищные звери.

Лес, мрачный и густой, начинался почти у самого берега. Мощные, гладко отполированные стволы гигантских деревьев, словно мачты, поднимались к небу. Внизу деревья были почти лишены ветвей, зато верхушки их были похожи на огромные шатры. Ветви и листья так сплелись и перепутались, что неба почти не было видно. Вокруг стволов вились растения, их стебли, устремляясь вверх, подобно змеям, охватывали деревья.

Земля была покрыта прелой листвой и множеством полусгнивших стволов. На них росли уродливые грибы и жёлто-коричневые цветы,

напоминавшие орхидеи. Мидаклит попытался сорвать один такой цветок, но тотчас же отдёрнул руку. Стебли цветка были покрыты острыми, как медные иглы, шипами.

Но что это? Перед Ганноном был след, чётко выделявшийся во влажной почве. След зверя? Нет, это скорее отпечаток босой человеческой ноги…

— Посмотри, Мидаклит, — позвал Ганнон учителя, — какой странный след.

Эллин покачал головой:

— Я бы сказал, что он принадлежит обезьяне, если бы он не был так велик.

— А не след ли это какого-нибудь дикаря? — предположил Ганнон.

— У человека не может быть так оттопырен большой палец! — возразил Мидаклит. — А впрочем, — добавил он после короткой паузы, — что мы будем гадать? Вот если бы с нами был Бокх, он сразу разрешил бы наш спор.

Кроме странного следа, ничто не напоминало об обитателях этого девственного леса. Но даже самый малейший звук или шорох отдавался под огромными кронами деревьев, словно под сводами храма. Это вызывало страх и уныние у людей, привыкших к открытым просторам, к бесконечному шёпоту волн. Они старались держаться поближе друг к другу. Лишь Мидаклит изредка отходил в сторону, чтобы рассмотреть какое-нибудь диковинное растение.

— Взгляни, — обратился он к Ганнону. — Я сорву и засушу этот цветок, я покажу его тем, кто утверждает, будто жизнь на юге Ливии невозможна.

Вдруг раздался странный звук. Вначале он имел отдалённое сходство с прерывистым собачьим лаем, а потом перешёл в глухое рокотание, напоминающее раскат грома.

Путники остановились. Кровь застыла в их жилах. Ганнон судорожно стиснул рукоятку меча.

Всё смолкло. Выждав некоторое время, люди снова двинулись вперёд.

Неожиданно кусты расступились, и оттуда показалось какое-то огромное существо, поросшее короткой чёрной шерстью. Нос у него был приплюснут. Из-под скошенного лба смотрели маленькие свирепые глазки.

Прежде чем люди успели опомниться, существо это поднялось во весь свой огромный рост. У него была широкая грудь, курчавившаяся шерстью, длинные мускулистые руки.

— Хозяин леса! — в ужасе крикнул кто-то из матросов.

В чудовище полетели дротики. Но лишь один из них задел плечо лесного великана. Он яростно заревел, колотя себя в грудь огромными кулаками. Волосатая грудь его гудела, напоминая эфиопский барабан. Короткая щетина на голове шевелилась.

Ганнон бросился к лесному чудовищу и мечом наотмашь ударил его по голове. Великан опрокинулся на землю. Подбежавший на помощь Ганнону матрос вонзил нож в спину чудовища.

В это время из-за кустов выскочило ещё трое лесных великанов. Ганнон не успел оглянуться, как один из матросов уже лежал на земле с раздробленным черепом, а кости другого хрустели в объятиях чудовища. Матросы поспешили на помощь своему товарищу, и вот другой великан свалился под ударами их мечей и дротиков.

— Бежим отсюда! — крикнул Ганнон.

Двое матросов подхватили убитого товарища, ещё двое помогли подняться раненому. Но Мидаклит словно прирос к месту. Не отрываясь смотрел он на лесных чудовищ. Наконец-то он своими глазами видит этих удивительных длинношёрстных животных из Страны Высоких Трав! Неужели и сейчас, когда они на корабле, он не сможет захватить с собой

шкуры этих чудовищ?! Ганнон понял мысли учителя. Он приказал двум матросам дотащить до берега одного из убитых великанов. Но это им оказалось не под силу. Пришлось срубить змеевидные растения и обвязать ими туловище зверя.

Обратный путь показался Ганнону короче. Вскоре сквозь зелень сверкнул яркий солнечный луч. Впереди открылась небольшая поляна, а за нею море. Наконец можно было выпрямить согнутую, ноющую спину! Больше не надо сражаться с ползучими растениями, перелезать через полусгнившие стволы, скользить по влажной земле.

У лодки карфагеняне внимательнее осмотрели свою добычу. Плечи лесного чудовища имели необычайную ширину — полтора локтя. Толстые, как брёвна, лапы были покрыты тёмно-бурой шерстью. Шерсть на груди и спине отливала серебром. Чудовище имело четыре с половиной локтя в высоту. Оно было на целую голову выше самого рослого матроса на корабле. Несомненно, это была обезьяна, но подобных обезьян не видел ещё ни один смертный. Мёртвая, она обнаруживала ещё более разительное сходство с человеком. У неё была ладонь с крупным большим пальцем, а не коротышкой, как у обезьянок из Гадеса. Уши имели небольшую мочку и очень напоминали человеческие. Мощные тяжёлые челюсти были снабжены крупными зубами, отличавшимися от человеческих лишь большей величиной.

Матросы рыли могилу для своего погибшего товарища. Молча окружили её люди. Тело, обёрнутое в белый холст, опустили в сырую землю. Ганнон на коленях прочёл короткую молитву. Каждый бросил в могилу ком земли, а когда яма сравнялась с землёй, сверху положили тяжёлый камень. И вот на берегу высится пирамидка. «Если когда-нибудь кто-то захочет определить путь, проделанный нами, — думал Ганнон, — его вехами будут могилы». Ганнону вспомнилась пустыня и песчаный холмик над могилой Малха. А где Синта и Гискон? Может быть, их уже нет в живых? И некому было их похоронить и оплакать по обычаям предков. А сколько ещё впереди невозвратимых потерь!

вернуться

84

По преданию, египетский фараон Нéхо (около 600 г. до н. э.) приказал финикийским морякам обогнуть Африку. Полагают, что им удалось это осуществить.

След корабля

Две недели прошли незаметно. Каждому нашлось дело. Многие были заняты рубкой леса и починкой корабля. Деревья, росшие на острове, были так тверды, что все топоры, имевшиеся на гауле, пришлось употребить на то, чтобы срубить лишь одно, самое тонкое. Оно пошло на переднюю мачту, давшую трещину во время последней бури. Матросы выкорчевали пенёк и притащили его на корабль. Он был так тяжёл, что мог вполне заменить железный якорь. Щели заделывали высушенными водорослями. Запасы смолы, к сожалению, иссякли. Мидаклит предложил заменить смолу клейким соком исполинского дерева, прозванного карфагенянами «плачущим». В этом соке вымочили и канаты, чтобы уберечь их от гниения. Корабль пропитался запахами девственного леса.

Часть матросов занялась сбором черепашьих яиц и ловлей черепах.

Черепахи лежали среди камней, огромные, зеленовато-чёрные. Медленно они вытягивали свои морщинистые шеи и слезящимися на солнце глазами следили за людьми. Черепах переворачивали на спину

и, взвалив на носилки из ветвей, перекладывали в лодку, а из лодки поднимали на гаулу. Ганнон приказал очистить для них место в трюме.

В поисках черепах матросы разошлись по всему взморью. Уже смеркалось, когда Адгарбал увидел предмет, торчащий из песка. Кусок ствола, сломанного бурей? Олений рог? Нет! Весло! У моряка захватило дух.

— Смотрите, что я нашёл, — закричал он, оборачиваясь. — Весло!

— Спокойно! Спокойно! — сказал Ганнон, хотя у него самого бешено колотилось сердце.

Да, в этом нет сомнения. В руках у Адгарбала обломок вёсла. Весло здесь, на необитаемом острове! Судя по размерам, им могли пользоваться только на большой гауле. Лет сто назад финикийцам удалось обогнуть Ливию. Но это весло не могло принадлежать им. За сто лет во влажном климате дерево должно было сгнить и превратиться в труху. А на весле виден свежий излом. Значит, здесь недавно побывал какой-то корабль. Но какое судно могло оказаться в этих водах, кроме «Сына бури»? Может быть, он потерпел здесь кораблекрушение?

— Идём, — торопливо бросил Ганнон Адгарбалу. — Ты мне покажешь, где его нашёл.

Ганнон с Адгарбалом стояли у большого остроконечного камня.

— Вот здесь, — указал Адгарбал.

Ганнон взглядом измерил расстояние до моря. «Будет не меньше ста локтей, — подумал он. — Сюда волны не могли забросить обломок весла. Значит, корабль причаливал к берегу. Но тогда должны быть и другие следы».

Весь следующий день Ганнон вместе с матросами искал, эти следы. Но больше ничего не было найдено. Видимо, всё смыл ливень.

Находка вызвала у Ганнона новый прилив энергии. Значит, «Сын бури» находится где-то поблизости. Синта и Гискон ждут его! Нельзя медлить!

— Поднять якоря! — приказал он.

Матросы забегали по палубе. Одни бросились к якорным канатам, другие принялись натягивать паруса. Подгоняемый попутным ветром, «Око Мелькарта» покинул остров. Ганнон решил обогнуть Южный Рог, держа курс на восток. «Если Мастарна достиг Южного Рога, — думал Ганнон, — то, разумеется, он хотел обогнуть Ливию. Может быть, он опасался встречи с военными судами Карфагена?»

С неохотой плыли матросы вдоль неведомого берега, густо заросшего лесом. Есть ли ему конец? Что влечёт Ганнона всё дальше и дальше? Будь проклят этот обломок весла, из-за него Ганнон решил не возвращаться к Мелькартовым Столбам! А может быть, во всём виноват этот эллин? Он околдовал суффета, вселил в него неутолимую жажду новых странствий.

Корабль-призрак

Безветрие.

Пышные пурпурные облака плывут над морем. Паруса безжизненно обвисли. Не слышно тихого журчания воды у носа. Деревья на пустынном берегу стоят неподвижно, как изрисованные. Солнце пылает, яростное и бледное. Казалось, корабль идёт через огонь. Металлические части раскалились. При желании на них можно печь лепёшки, как на сковороде. Даже дерево жжёт, как железо. Дышать нестерпимо тяжело. Слепит глаза.

Одуряющая жара выгнала команду на палубу. В трюме и каютах было ещё душнее. Двое матросов, сбросив одежду, окатывают друг друга водой из кожаных вёдер. Впервые за много дней на палубе слышится смех. Морские лисицы, привлечённые необычными звуками, высовывают из воды пасть. Дни сменялись ночами, а берег, вопреки предсказаниям эллина, всё не поворачивал на север. Он тянулся всё в том же направлении на восток. И это всё больше волновало Ганнона. Вода, запасённая на острове Лесных Чудовищ, протухла. Перед тем как её пить, нужно было затыкать пальцами нос. Но и эта вода была на исходе. Ганнон приказал развесить на рее овечьи шкуры. За ночь они покрывались росой, и утром, выжав их, можно было получить несколько глотков воды.

О высадке на сушу нечего было и думать. Белая линия пены обрисовывала цепь прибрежных камней, а прибой превосходил своей силой всё ранее виденное.[85]

Сегодняшний день тоже принёс разочарование. Линия берега повернула на юг. Значит, Южный Рог вовсе не крайняя оконечность Ливии, как полагал Мидаклит. Значит, гаула находится в огромном заливе. Команда встретила эту новость глухим ропотом. Матросов можно было понять. Бледные и исхудалые, они еле передвигались по палубе. У многих распухли дёсны, во рту появились нарывы.

Людей одолевали кошмары. Грезились города, колодцы, пальмы. Когда матросы приходили в сознание, они стонали и звали на помощь.

Ганнон приказал принести в жертву Эшнуну самую большую черепаху. Но жертва не помогла. Может быть, бог-врачеватель гнушается черепашьим мясом и ему по вкусу лишь бараны и свиньи?

Вечерело. Подул свежий ветерок. Но он был слишком слаб, чтобы надуть праздные паруса. И в это время все увидели стадиях в десяти гаулу. Да, это была гаула, а не военный корабль, как «Сын бури».

«Может быть, — думал Ганнон, — люди на гауле наведут его на след похищенного корабля?»

Ганнон бросился к кормовому веслу, но Адгарбал решительно преградил ему путь. Ганнон остановился в недоумении. Что это? Бунт?

— Не пущу, — резко сказал кормчий. — Это корабль Бальзанара.

— Бальзанар! Что за Бальзанар? — раздались крики.

— Как! Вы не знаете о Бальзанаре! — воскликнул Адгарбал. — Тогда слушайте!.. Бальзанар был мореходом, — начал Адгарбал. — Жил он двести лет назад. Он объездил все моря, побывал во всех гаванях. Всюду ему сопутствовало счастье. Его гаула благополучно избегала подводных камней, уходила от бурь и этрусских пиратов. Бальзанара называли счастливцем. Однажды корабль Бальзанара застигло бурей. Никогда ещё не было такой страшной бури. Гаулу швыряло, как щепку. Волнами сбило мачты и унесло вёсла. Тогда Бальзанар взмолился богу Дагону. Он обещал ему принести в жертву своего первенца, если спасётся. Буря стала утихать. Бальзанару удалось добраться до берега и вернуться в Карфаген. Его встретили жена и сын. Вспомнил Бальзанар о своём обете, но у него не хватило мужества сдержать слово. Когда он снова вышел в море, волны разверзлись, и показался великан с трезубцем в руках. «Ты меня обманул, Бальзанар!» — закричал великан громовым голосом и взмахнул трезубцем. И гаула Бальзанара исчезла, растворилась в тумане. Невидимая, она поныне странствует по морям. Бывает, матросы в тумане слышат стоны и крики. Это Бальзанар проклинает свою судьбу. Но иногда корабль Бальзанара становится зримым для смертных. Бог Дагон показывает гаулу Бальзанара тем, кто нарушил данную ему клятву, чтобы они видели, какая участь их ожидает.

С ужасом выслушали матросы рассказ Адгарбала. Гаула исчезла на горизонте. Взгляд Ганнона напрасно ловил её. Появление корабля в этих водах действительно казалось чудом. Не этот ли корабль они видели тогда на берегу? Не за ним ли они гнались, принимая его за «Сына бури»? Не его ли весло они нашли на острове Лесных Чудовищ?

вернуться

85

Морской берег в Гвинейском заливе усеян опасными подводными скалами. Прибой здесь отличается страшной силой.

Ночь чудес

В ночном море дрожал и переливался свет.[86] Среди волн то там, то здесь вспыхивало голубоватое пламя. Нос гаулы разбрасывал в стороны снопы искр. Казалось, из глубины всплыли мириады драгоценных камней, золотых и серебряных слитков. Какой же могущественный волшебник преобразил море и зачем он это сделал? Может быть, он хотел показать смертным, сколь суетна их погоня за золотом? Перед вечной красотой природы, перед величием её тайн все богатства — мгновенный и обманчивый блеск.

Выйдя на корму, Ганнон решил проверить курс корабля. Небо было усеяно яркими звёздами. Они опустились так низко, что, казалось, до них можно было дотянуться рукой. Вон там, на севере, должен быть Большой Ковш. В прошлый раз Ганнон видел его у самого горизонта. Теперь его не было.[87] Глаза болели от напряжения. Нет и других знакомых звёзд. Где же Скорпион, Ворон, Дева? Как будто это Весы? Но раньше они были на юге, а теперь оказались на западе. Кто же это, как игрок в кости, разбросал и перепутал звёзды? Чья это злая шутка? Кому захотелось сбить их с пути. А где же звезда Синты? Сердце Ганнона защемило. Пока он видел эту звезду, он верил, что встретится с любимой.

А что стало с луной? Она имела очень странный вид. Её рожки были повёрнуты вверх.

— Мидаклит! — крикнул суффет.

На палубу поднялся эллин. Молча посмотрел он на месяц и на мерцающие звёзды. Потом перевёл взгляд на искажённое ужасом лицо Ганнона.

— Этого следовало ожидать, — сказал эллин спокойно. — Мы спустились в другое полушарие.

— Ты хочешь сказать, что земля — шар?

— Да, это так! С тех пор как мы плывём на юг, известные нам звёзды меняли положение и наконец вовсе исчезли. Появились новые, незнакомые нам звёзды. Представь себе яблоко. Сейчас мы находимся в его нижней половинке. Отсюда открывается один вид на звёздный мир, но стоит…

Эллин не успел закончить фразу. Корабль содрогнулся от мачты до киля.

Первой мыслью Ганнона было: подводная скала!

— В трюм! В трюм! — закричал он. — Пробоина!

Но Мидаклит схватил его за руку.

— Смотри! — указал он на море.

С левого борта чернело что-то огромное, продолговатое. На палубе поднялся крик.

«Скала? — подумал Ганнон. — Но гаула цела и не идёт ко дну».

— Симплегады![88] — закричал эллин. — Скала движется.

Эллин был прав. Действительно, скала двигалась по направлению к гауле. И вдруг поднялся фонтан. Он был выше корабельной мачты и устремлён прямо вверх.

— Чудовище! Морское чудовище! — раздался отчаянный вопль матросов.

Ужас приковал Ганнона к месту. Гаула наскочила в темноте на морское чудовище, и теперь оно, разъярённое, набросится на них, чтобы отомстить дерзким людям.

— Все по местам! — приказал Ганнон.

Очнувшись от оцепенения, моряки схватились за вёсла. Но чудовище не отставало. Оно приближалось к гауле. Если перегнуться за борт, можно увидеть длинное, чёрное, движущееся тело и огромную, словно срезанную пасть. В неё войдёт лодка средних размеров. Гиганту ничего не стоит одним ударом хвоста вышибить корабельное днище.

Гребцы выбивались из сил, но чудовище надвигалось на гаулу. Оно всё ближе и ближе.

Один из матросов подбежал к Мидаклиту и упал перед ним на колени.

— Спаси меня! — кричал матрос. — Спаси! Я хочу вернуться домой. У меня дети.

— Почему ты обращаешься ко мне? Что я могу сделать? — сказал эллин, недоуменно пожимая плечами.

— Ты можешь всё!

— Всё! Всё! — поддержали голоса сбежавшихся матросов.

— Ты съел ветер и заставил светиться море! — продолжал крикун. — Ты опутал на небе звёзды. Прогони же чудовище!

— Прогони! Прогони! — вторил ему хор голосов.

У Ганнона, наблюдавшего за этой сценой, лицо стало белее паруса. Он понял, что учителя принимают за могущественного волшебника и ему грозит смертельная опасность, если он не спасёт корабль. Мидаклит, казалось, и сам это понимал.

Отменявшись с Ганноном многозначительными взглядами, он подошёл к мачте, где висел корабельный колокол. И раньше, чем Ганнон успел опомниться, эллин рванул верёвку. Раздался глухой удар.

— Что же вы молчите, трусы? — крикнул он матросам. — Вы сами съели свой голос!

— А-а! — раздался вопль.

Колокол гудел в яростном исступлении.

Напуганное шумом чудовище повернулось и поплыло прочь, показав покатую спину и гигантский хвост. Матросы с ужасом смотрели ему вслед. Но ещё больший ужас был в их глазах, когда они, обернувшись, взглянули на Мидаклита. Теперь никто на корабле, кроме Ганнона, не сомневался, что эллин могущественный волшебник. Недаром он выходит по ночам и колдует над звёздами, нашёптывая им какие-то таинственные слова. Это он вызвал с морского дна чудовище, он же и прогнал его, когда захотел.

Назад!

Ночь казалась бесконечно длинной. Наконец наступил рассвет. Угрюмые матросы занялись уборкой корабля, починкой одежды. Двое вытащили из трюма черепаху и, опрокинув её на спину, стали с помощью топоров отделять нижний панцирь. Другие наблюдали за ними. Это была последняя черепаха на гауле. С ней кончались запасы мяса.

Около полудня Ганнон вышел на палубу. Он застал Мидаклита за странным занятием. Эллин заглядывал себе через плечо.

— Что ты ищешь, учитель? — поинтересовался Ганнон.

— Собственную тень! — отвечал эллин.

Приглядевшись, Ганнон убедился, что ни мачта, ни какой-либо другой предмет не отбрасывает тени.

Ганнон только махнул рукой. Можно ли удивляться, что исчезла тень, если пропали звёзды, мерцавшие тысячелетиями.

Но матросам исчезновение тени показалось страшнее, чем любое из совершавшихся на их глазах чудес. Они ощупывали друг друга. «Живы ли мы или уже сами превратились в тени? Тени не имеет только тень. Или мы попали в царство мёртвых?»

И снова на Мидаклита устремлены взгляды, упорные, недоверчивые, мстительные. «Конечно, это его проделки!»

Тяжёлое раздумье овладело Ганноном. Бессонные ночи, полные тревожных мыслей, дни без питья под палящим солнцем или под потоками воды, гибель друзей — всё это оказалось напрасным. Ярость команды в любое мгновение может окончиться взрывом. Надо вернуть людям тень. Кажется, они не могут жить без тени, как не могут обходиться без этой детской веры в колдовство, без неприязни к чужеземцам, без всего этого древнего груза суеверий и обычаев, который завещан прошлым. Куда ни забросит человека судьба, он всюду будет искать свою привычную тень. Вернуть людям тень — проще, чем открыть новый мир. Для этого достаточно повернуть корабль. Вернуться назад, когда цель так близка! А будет ли путь назад более лёгким?

Страшно подумать, какое расстояние отделяет их теперь до Столбов и дружественного Гадеса! Сколько дней и ночей придётся плыть вдоль этого чужого негостеприимного берега! Сколько ещё ожидает препятствий и потерь? Какие чудовища ещё могут встретиться на пути! И

никто не поспешит на помощь. Никто! И всё же в ту ночь Ганнон приказал повернуть назад.

вернуться

86

Свечение моря объясняется огромным количеством мельчайших живых организмов, скопившихся на небольшом пространстве.

вернуться

87

В сентябре (когда карфагеняне перешли в Южное полушарие) Большая Медведица на небе не видна.

вернуться

88

Симплега́ды — в греческой мифологии плавающие скалы, сталкивающиеся, когда между ними проплывает корабль.

Против ветра

К вечеру забросили в море сеть. Не прошло и нескольких минут, как вся площадка кормы была заполнена трепещущей рыбой. Попалось и несколько морских раков, а также бесчисленное количество медуз.

— Я теперь понимаю этих атлантов, — говорил Адгарбал, с отвращением глядя, как один из моряков разжёвывал кусок сырой рыбы. — Что может быть отвратительнее этой еды!

— Была бы соль! — вздохнул моряк.

— Неподалёку от Утики, где я родился, — вспоминал кормчий, — добывают соль. Там вокруг нет леса, и люди живут в домиках из соляных глыб, белых и красных. Сюда бы такой домик!

На палубу вышел Мидаклит. Он следил, как по краю неба торжественно плыли семь ярких звёзд Большого Ковша. Кто-то тронул эллина за плечо.

— Ганнон, это ты! — радостно воскликнул эллин. — Видишь звёзды? Они вернулись на свои места. А помнишь затмение луны? Какую форму имела тогда тень?

— Она была круглая.

— Так вот… Тень, передвигающаяся по лунному диску, — это тень земли, ибо земля лежит между луной и солнцем. А скажи, какое тело имеет круглую тень?

— Шар, — произнёс в раздумье Ганнон. — Ты, учитель, совершил великое открытие, и имя твоё не будет забыто.

— Не преувеличивай моих заслуг, — скромно отозвался эллин. — Ещё двадцать лет назад Пифагор[89] утверждал, что Земля должна иметь самую совершенную, шарообразную форму.

— Твой Пифагор пустой болтун, — заметил Ганнон. — Легко ему было рассуждать о шарообразной форме, полёживая на боку с чашей разбавленного вина! Попробовал бы он проделать наш путь!

— Ты неправ, — возразил Мидаклит. — Пусть Пифагор и не плавал за Геракловы Столбы. Его мысль опередила наш корабль, и он заслуживает уважения не меньше, чем отважный мореход.

Гаула подошла к острову Лесных Чудовищ. Трюм снова наполнили черепахами. В шутку их стали называть корабельными баранами..

И снова в путь. Ветер изменился. Теперь он задул в нос. Пришлось идти на вёслах. Словно налитые свинцом, они скрипели в истёршихся петлях. Руки моряков покрылись волдырями. Несколько человек заболело. Несмотря на жару, они никак не могли согреться, и зубы у них стучали. Бледные, чудовищно худые, они казались духами, вышедшими из царства теней.

Через месяц корабль вошёл в большой залив. Перед людьми открылась широкая водная гладь со множеством островков. Залив замыкался далеко уходящим на запад мысом, покрытым высокими зелёными деревьями.[90]

— Назовём его Западным Рогом, — предложил Мидаклит. Очевидно, в залив впадала какая-то большая река, так как вода местами имела желтоватый оттенок. Но входить в устье этой реки за пресной водой — значило задержаться здесь лишний день. «А нет ли пресной воды на этом большом острове?» — подумал Ганнон и тотчас же приказал Адгарбалу править к острову.

Надвигались сумерки. Тени окутали берег. На небе показалась луна. Она осветила бухту, удобную для стоянки.

— Спустить якоря! — приказал Ганнон.

Люди рассыпались по берегу. После недолгих поисков им удалось обнаружить в глубине острова небольшое озеро. Адгарбал лёг на живот и зачерпнул ладонью воду, но тотчас же вскочил, отплёвываясь:

— Солёная!

— Поищем пресную, когда наступит рассвет, — предложил Ганнон.

Не успел он это проговорить, как послышались бой барабанов, то затихающий, то нарастающий, бряцание оружия, резкие крики. На противоположном берегу озера загорелись огни.

— Бежим к гауле! — крикнул Ганнон.

Подняв якоря, «Око Мелькарта» покинул негостеприимный остров. Люди настолько ослабели, что нечего было и думать о борьбе с неизвестными врагами. «Сколько ещё тайн скрывает этот материк!» — думал Ганнон, вглядываясь в берег.

— Придётся плыть в устье реки! — вздохнул Адгарбал. — Воды не осталось ни капли.

К вечеру гаула вошла в устье широкой реки,[91] медленно катившей свои воды в океан. Устье перегораживали жёлтые песчаные отмели. Пронзительные крики птиц наполняли воздух.

По отмели бродили ибисы. Ганнон слышал, что египтяне считают их священными. Смерть угрожала каждому, кто поднимал на них руку. У самой воды стояли какие-то большие белые птицы с кривыми чёрными клювами.

— А вот и журавли! — воскликнул Мидаклит. — Но ведут они себя совсем мирно.

— Разве журавль — воинственная птица? — удивился Ганнон.

Эллин улыбнулся:

— Гомер рассказывает, что каждое лето журавли летят на юг Ливии, где ведут войну с маленькими чёрными человечками.

— Вот видишь, какой выдумщик твой Гомер. Здесь нет никаких чёрных человечков.

— А может быть, это они нас так напугали три дня назад! — возразил эллин.

Вода здесь была ещё солоноватая. Пришлось дождаться прилива. Вместе с приливом гаула преодолела песчаные отмели. Берега стали выше и круче. Яркие зелёные кусты спускались к самой воде. Где-то в глубине их раздался рык льва. Ганнон обрадованно вздохнул. Что-то

родное послышалось ему в этом рыканье. Таинственная тишина острова Лесных Чудовищ была для него страшнее.

Подведя гаулу ближе к берегу, моряки набрали воды. Здесь же забросили сети. С первого же раза удалось вытащить десятка два больших рыб. На берегу весело запылал костёр. Вот уже в медном котле бурлит вода. Вкусно пахнет свежей рыбой. Но карфагенянам так и не пришлось полакомиться ухой.

— Змея! Змея! — раздался вопль.

В нескольких шагах от костра извивалась огромная змея. Зеленоватого цвета, она была почти незаметна в яркой траве. Встревоженное пламенем костра, чудовище длиною не меньше чем в шесть локтей ползло прямо на людей. Из его пасти высовывался длинный, тонкий язык.

Бросив котёл с ухой, карфагеняне поспешили на корабль.

Снова потянулся берег, окаймлённый, словно зелёная туника, белой полосой пены.

После нескольких недель пути корабль достиг устья Хреты. Молча смотрел Ганнон на берег. В памяти оживали картины прошлого. Отсюда они двинулись пешком к Керне. Тогда с ними был Малх, Ганнон ещё надеялся отыскать «Сына бури», спасти Синту и Гискона. Теперь же в его душе лишь тень былой надежды. Он мечтает лишь о том, чтобы добраться до ближайшего карфагенского поселения и дать людям отдых.

Встречный ветер становился всё сильнее и сильнее. Путь к Керне отнял целый месяц.

Вот он наконец, этот маленький островок. Он должен стать богатейшей колонией Карфагена, её золотым дном. Но что это? Почему нет никого на берегу? Почему никто не встречает гаулу?

Страшное предчувствие зашевелилось в душе Ганнона. Керна пуста. Всё это время люди жили надеждой добраться до этого островка. Неужели надежда обманет их?

Едва якорь коснулся дна, Ганнон приказал спустить лодку. Вот моряки уже на берегу, они идут, с трудом передвигая опухшие ноги. Но дома колонистов пусты. Что же с ними стало? Не чернокожие ли напали на них? Нет, дома не разрушены, и нет никаких следов насилия.

— Нашёл! Нашёл!

Ганнон поспешил навстречу Мидаклиту. Учитель потрясал над головой чем-то белым.

— Вот! — и эллин протянул Ганнону лист папируса. — Они покинули остров. Я подобрал это вон в том доме.

Ганнон схватил свиток. В нём говорилось, что целый год колонисты ждали Ганнона и, отчаявшись, построили корабль и отплыли на нём к мысу Солнца.

«Неужели прошло больше года, как мы оставили Керну? — думал Ганнон. — Колонисты уже потеряли надежду меня увидеть. А Синта? Бывают дни, когда я о тебе не думаю. Но чувствую, что ты всегда со мной. Ты слышишь меня, Синта?»

Подошли моряки.

— Друзья, не надо отчаиваться, — твёрдо сказал Ганнон. — Колонисты покинули Керну. Они отправились в Тимитерий. Поплывём туда и мы. Но не будем торопиться. Над нашими головами здесь кровля. Мы починим гаулу, отдохнём.

Иного выхода не было. «Око Мелькарта» вытащили на сушу. Бедная гаула, что с тобой стало! Днище твоё покрылось толстым слоем ракушек, доски бортов сгнили, паруса истрепались! Нет, нелёгкий ты проделала путь! А какое огромное расстояние ещё отделяет тебя от Карфагена!

вернуться

89

Пифаго́р (VI век до н. э.) — греческий мыслитель и учёный. Пифагор первый чисто умозрительным путём пришёл к выводу, что Земля шарообразна

вернуться

90

Моряки находились близ Зелёного Мыса.

вернуться

91

Это была река Га́мбия.

Целых две недели отняла починка гаулы. К счастью, на острове было много леса, а для людей — свежая вода и обилие пищи. Здесь люди отдохнули от душной и влажной жары, преследовавшей их начиная с острова Лесных Чудовищ. Когда «Око Мелькарта» был спущен на воду, моряки занялись заготовкой провизии: сушили рыбу, собирали моллюсков, охотились на черепах.

Один из матросов тяжело заболел. Он всё время бредил, выкрикивал какие-то имена. Адгарбал вылепил из глины человечка и принёс его в жертву Эшнуну. Но жертва не помогла. Моряк скончался, так и не придя в сознание. На берегу Керны появилась пирамидка из камня.

— Видимо, такова судьба каждого Одиссея — терять спутников! — глухо сказал Мидаклит.

И снова в путь. В ночном небе взошло созвездие Ориона. Во Внутреннем море восхождение этих звёзд предвещало бурю. Но здесь лишь переменился ветер. Он стал дуть в корму. Впервые за много месяцев гаула шла на парусах.

Вскоре показался мыс Солнца. Эта кровля под высокими деревьями — храм Дагона. Как он мал! А в воображении людей храм рисовался огромным, величественным.

Обогнув мыс Солнца, «Око Мелькарта» подошёл к Тимитерию.

На берегу много народа. Но люди настороженно выжидают.

— Их пугает наш парус! — воскликнул Адгарбал. Верно! Ведь ни один корабль карфагенского флота не имел алых парусов.

— Спустить паруса! — приказал Ганнон.

И, как только эта команда была выполнена, берег огласился приветственными криками.

К лодке, доставившей на берег моряков, бежит человек в широкополой шляпе. Конечно, это Мисдесс! Успокойся, Мисдесс, Ганнон посетит твой дом. Ты узнаешь о его странствиях, как узнают о них все карфагеняне. Но моряки сами засыпают колонистов вопросами.

— Где Стратон? — спрашивает Ганнон.

— Исчез!

— Исчез? Как может исчезнуть жрец? Как он может покинуть свой храм?

— Не проходил ли здесь «Сын бури»? — слышится другой вопрос.

— Нет. Его здесь не видели. Но у мыса Солнца останавливалась чья-то гаула. В ту ночь у храма горел костёр. Наверное, гаула захватила Стратона.

«Всё это было странно и непонятно. «Сын бури» затерялся в океане, а какая-то гаула всё время встречается мне на пути, — думал Ганнон. — Нет, это не корабль Бальзанара, не призрак, если он может плыть на костёр, зажжённый людьми. Тут какая-то тайна. И жрец никогда не решился бы покинуть храм, не будь на это воли Магарбала. Значит,

Стратону больше нечего было делать на берегу океана. И он знал о том, что Синта в руках пиратов. Может быть, сейчас Синта в подземельях храма Тиннит? Кто ей там поможет? Даже Миркан может не знать, что его дочь в Карфагене. Скорее в путь! Скорее!»

После короткого отдыха Ганнон решил осмотреть колонию. Дома колонистов уже не напоминали те убогие постройки, которые оставил здесь Ганнон. Это были прочные сооружения из камня и брёвен. Их покрывал камыш, имевшийся в изобилии поблизости. Вокруг домов зеленели молодые сады. Город был наполовину обнесён стеной и окружён рвом. Над стеной уже кое-где поднимались башни. Стена и ров отделяли город от равнины, превращённой в пастбище и пашню. На постройке стены работали смуглые, тощие люди. Звенели оковы на их ногах. Это были рабы, захваченные во время набегов на соседние поселения троглодитов и маврузиев.

Мисдесса Ганнон застал в мастерской. Он стоял у гончарной печи. Багровые отблески пламени ложились на его суровое лицо. Мисдесс бросил на гончарный круг липкий бесформенный кусок глины, и он замелькал в воздухе.

— Рад видеть тебя! — воскликнул горшечник, останавливая круг.

— И я тоже рад встретиться с тобой, Мисдесс. Я слышал, что боги милостивы к тебе.

— Боги нам дали руки, чтобы лепить горшки, — отвечал горшечник. — В этом их милость. Сколько требуется посуды такому маленькому городу, как наш? — продолжал он. — Я бы смог её вылепить за неделю. Но горшки нужны жителям других колоний. Они нужны нашим соседям, пастухам и охотникам. Люди несут мне сыр и шерсть, шкуры и мясо, а я для них выделываю горшки и глиняные светильники.

Послышалось шлёпанье подошв по глинобитному полу. Ганнон обернулся. Шимба! Но сколько на её руках и ногах серебряных колец! А в ноздрях блестит даже золотое! Можно подумать, что это жена какого-нибудь богатого карфагенского купца. Цепляясь за край туники, рядом с

нею стоял крохотный мальчуган. При виде незнакомого человека он поспешно спрятался за спину матери.

Поклонившись до пояса, Шимба пригласила гостя в дом.

За оградой дома бродило множество кур.

— С ними спокойнее, — сказал горшечник, показывая на птиц. — Они не пропустят во двор скорпионов. Мы так боимся за нашего маленького Мутумбала!

Внутри жилище горшечника имело богатый вид. Пол устилали сшитые львиные шкуры. Стол ломился от яств, немыслимых для карфагенского ремесленника. Тут были жареная утка с аппетитно подрумянившейся корочкой, лепёшки из белой муки, сушёные смоквы и плоды Владычицы.[92]

Лицо горшечника сияло. Как всякий человек, выбившийся из нужды, он любил похвастать, что живёт на широкую ногу. Теперь же он принимал у себя самого суффета. Пусть соседи лопнут от зависти!

Помолившись богам, хозяин и гость сели за стол. Шимба, по старинному обычаю, стояла возле гостя.

— Свои? — спросил Ганнон, указывая на гранаты.

— Из Ликса, — отвечал Мисдесс. — Свои деревья ещё не плодоносят. У меня пятнадцать яблонь, четыре груши и одно дерево Владычицы. Нужде не найти дверь в мой дом.

Как приятно было Ганнону слышать эти слова! Как отрадно видеть благополучие этой семьи! Нет, его труд не пропал даром. Если боги не дали ему своей семьи, то они принесли счастье сотням семей бедняков, переселившихся сюда, на край света.

Чаша гнева

Смерть Синты

В те дни, когда «Око Мелькарта» блуждал в южных водах, захваченный пиратами «Сын бури» подходил к Гадесу.

Мастарна стоял на носу. Его лицо с развевающейся на ветру бородой дышало властной силой. Глубоко спрятанные глаза смотрели вдаль не мигая — зоркие, хищные зрачки морской птицы.

Этруска пугала встреча с карфагенским или гадесским военным кораблём. Чтобы остаться незамеченным, Мастарна приказывал поднимать на ночь чёрные паруса. Да, встреча с военным кораблём могла бы окончиться для него плачевно. Что бы он делал со своей горе-командой? Ему нужно скорее попасть в Италию. Там он наберёт таких удальцов, что ему никто не будет страшен. Но до Италии без двух десятков свежих гребцов не дойти. И Мастарна решил направить корабль к берегам страны Запан. Там, в устье большой реки Бетис, он сумеет прикупить рабов и провизию, набрать свежей воды. Места эти ему хорошо знакомы. Однажды он напал на рудники Бетиса и увёз оттуда всё серебро. Правда, пришлось поделиться добычей с жадным Магарбалом. Но золота Керны жадный жрец не получит ни крупинки. И Синту он ему тоже не отдаст.

Гискон издали наблюдал за Мастарной. Всё чаще мальчик мысленно возвращался к тому страшному мгновению, когда корабль попал в руки пиратов. Покрытые багровыми рубцами спины матросов Мастарны объяснили ему секрет успеха этруска. Многие годы гребцы были прикованы к вёслам, по их спинам гулял узловатый конец плети. Только смерть могла их избавить от мук. Мастарна всё это понимал. Он бросил этим людям надежду, как собаке кидают кость. Они её схватили, не задумываясь, как сделал бы на их месте каждый.

В последнее время пираты часто ссорились. Гискону однажды удалось подслушать обрывок их разговора.

— Я её оставлю у себя или выброшу в море! — говорил Мастарна.

— Хе, хозяин, — прохрипел в ответ Саул, — зачем тебе эта дикая кошка? Старая лисица даст за неё столько серебра, что можно будет купить сто молодых и красивых рабынь…

вернуться

92

Гранаты. — Гранатовое дерево находилось под особым покровительством богини плодородия Тиннит, поэтому гранаты называли плодами Владычицы.

Вскоре после этого на корму, где Гискон обычно чистил рыбу, прибежала Синта. Она была взволнована. Лицо её горело.

Она положила белые руки с синими шрамами от верёвок на плечи Гискону и посмотрела на него долгим, внимательным взглядом.

— Прощай, Гискон! — сказала Синта, и на глазах её показались слёзы. — Тиннит зовёт меня в своё царство,[93] но ты увидишь Ганнона. Обязательно увидишь. Передай ему, что позор не коснулся его Синты…

— Что ты, Синта! — воскликнул с испугом мальчик. — И ты увидишь Ганнона!

Синта вскинула голову. Во всём её облике были спокойное достоинство и решимость.

— Мне не нужна жизнь такой ценой… Я беру этот нож… Ты когда-нибудь поймёшь меня, мальчик… Прощай!

Синта! Что же задумал жестокий этруск? Кто придёт здесь на помощь? Чем можно помочь Синте? И о каком позоре говорила она? Гискон долго переворачивался с боку на бок и наконец заснул тяжёлым, тревожным сном.

Его разбудили крики. Сначала ему показалось, что опять истязают чернокожих. Но потом послышался какой-то плеск. И сразу всё смолкло. Затем тишину вновь разорвало:

— Несите его на палубу!

— Дайте ему воды!

Гискон бросился наверх, на палубе он увидел бледного, окровавленного Мастарну. Пират дико поводил глазами, зажимая правой рукой рану в боку.

— Я же тебе говорил, — раздался голос Саула, — не связывайся с этой дикой кошкой!

Этруск тяжело дышал.

— Почему же ты её не схватил? — выговорил он наконец.

— Лопни мои глаза, она сразу же бросилась за борт!..

Гискон вскрикнул. Проклятие вырвалось из его уст. Он повернулся к изборождённому волнами морю. Это оно поглотило Синту.

— Синта! Вернись! Где ты, Синта? — кричал мальчик, простирая руки к морю.

Из морских глубин поднимался полный диск луны. Владычица неба Тиннит шествовала над миром, освещая море и качающегося на волнах «Сына бури».

Гискон не слышал, как Саул шепнул, указывая на него пальцем:

— Синта была у него! Мальчишка дал ей нож. Свяжите его!

Двое матросов бросились к Гискону, скрутили ему руки верёвкой и привязали к мачте.

Прошло немало времени, и Гискон погрузился в полуобморок. Странные видения отягощали его рассудок. Он в Карфагене у ограды храма Тиннит, только за оградой не сад с посыпанными песком дорожками, а костлявый и ребристый берег. Из-под груды камней поднимаются какие-то удивительные колючие растения. По берегу ходит Гуда. Лев бьёт себя хвостом по бокам и, открыв пасть, ревёт. В этом рёве грозный вызов и отчаяние. Но вдруг становится тихо, и уже не рёв слышится, а шёпот «Где Синта? Где Синта?» Ганнон. Сколько укора в его взгляде! Сколько боли и мольбы! Гискон не может этого выдержать.

Шёпот разрывает сердце, и каждое слово жжёт огнём: «Где Синта? Где Синта? Ты её не уберёг, Гискон. Ты мог пойти с нею вместе. У тебя сильнее руки и зорче глаз». Гискон чувствует, как жёсткие пальцы стискивают ему ухо. Он слышит шипение: «Щенок!» Это какое-то чудовище с лицом Мастарны. Вместо рук у него извивающиеся змеи, вместо ног — рыбий хвост. Гискон в море. Чудовище плывёт навстречу. Ганнон бросает с палубы нож. Нож не падает, а летит как рыба, описывая дугу, и Гискон успевает заметить, что это тот самый нож, который взяла Синта. Узкое изогнутое лезвие блестит на солнце, как чешуя. Но прежде чем Гискон успевает схватить нож, он слышит знакомый злобный голос:

— Свезите его на берег! Пусть он узнает цену серебра!

Гискон открывает глаза. Нет, это уже не бред. Мастарна наклонился над ним. У этруска и руки и ноги, только в неподвижном взгляде есть что-то от того отвратительного чудовища, которое снилось Гискону.

Корабль стоит на якоре неподалёку от высокого гористого берега. Волны потеряли свой зеленоватый оттенок и стали желтовато мутными.

«Мы в устье реки», — подумал Гискон.

Саул приказал матросам спустить на воду лодку.

И вот Гискон лежит на её дне. Высокие борта позволяют ему видеть только небо.

— Погоди! — донёсся приглушённый голос Мастарны. — Возьми и этого. Продашь обоих!

Послышался шум падающего тела и лёгкий стон. Потом Гискон ощутил прикосновение чьей-то руки. Чернокожий мальчик склонился над ним. Ударяя себя ладонью в грудь, он несколько раз повторил: «Дауд!» — и доверчиво прижался к Гискону.

До сих пор ему казалось, что все эти белые люди, которые заманили его братьев на корабль и привязали их гремящими верёвками к вёслам,

одинаково жестоки. Но этот белокожий мальчик так же страдает, как и он сам. Его тоже связали и куда-то везут. Как ему сказать, чтобы он понял слова: «Будь моим братом!» Он улыбнулся — он понял. Значит, белые люди умеют не только бить и кричать, но и улыбаться.

Лодка отчалила. Раздался какой-то стук, сменившийся ровным поскрипыванием вёсел, вдали замирала песня:

Ведь смерть нам родная сестра…
Родная сестра…

Гискон втянул ноздрями воздух. Кожа Дауда пахла чесноком. Это был запах дома и пылающего очага. Какое-то тёплое чувство шевельнулось в сердце Гискона. Ещё на родине он видел эфиопов и слышал, как о них говорили: «Чёрная кожа, чёрная душа». Нет! У этого чернокожего мальчика светлая душа! Он один пожалел его!

Лодка ткнулась носом в берег. Саул вытащил Гискона и Дауда и швырнул их на прибрежные камни. Тотчас же подбежали какие-то люди. Они перевернули Гискона, как мешок с песком, и стали ощупывать его мускулы. Они яростно торговались, размахивая руками, делали вид, что уходят, и вновь возвращались. Наконец они швырнули Саулу серебряный слиток, и тот, подхватив его, скрылся.

Потом карфагенянина и маленького эфиопа бросили в большую лодку. На дне её лежали, не шевелясь, двое белокурых людей со связанными руками и ногами. Они о чём-то говорили, странно выпячивая губы. Только одно слово в их речи понял Гискон: «Бетис».

Погасший фитиль

В нише чадила лампа. Гискон за полгода работы в рудниках знает, что эта лампа заменяет солнечные часы. Догорит масло, потухнет фитиль — и кончится смена. Утомлённые рабы смогут подняться наверх. Там их ждёт похлёбка из прогнившего ячменя и отдых на голой земле, а тех, у кого ящик не полон рудой, — плети из крокодиловой кожи.

Ящик был изобретением хозяина рудников, его гордостью. Он избавлял от необходимости держать внизу надсмотрщиков. Надсмотрщики были свободными людьми. Они дорого брали за то, что спускались под землю, где каждую минуту грозила опасность обвала или смерть от руки строптивого раба… Под землёй был лишь один надсмотрщик, а остальные находились наверху — у ящиков.

Ящиков было пятьдесят — столько же, сколько взрослых рабов. На каждого взрослого раба приходилось четверо подручных, мальчиков или девочек. Они пролезали на четвереньках там, где не пройти (взрослому, оттаскивали породу на волокушах, поднимали её наверх в корзинах и наполняли ею ящик. К концу работы главный надсмотрщик знал, кто плохо работал, а раб и его подручные понимали, что их ждёт, если ящик будет неполным.

Понимал это и сириец Силен, вместе с которым работали Гискон и Дауд. Гискон слышал, что Силен считался когда-то силачом. Но теперь этого не скажешь. Вот он опять закашлялся и никак не может остановиться. Он держится руками за впалую грудь. Оковы на его ногах звенят. Говорит он дрожащим голосом:

— Таким я стал после неудачного побега. Меня били пятеро надсмотрщиков, обливали водой и снова били…

Отдышавшись, он берётся за кирку. Но, видно, в руках его совсем нет сил. Кирка отбила лишь несколько небольших кусочков породы. Но всё же ящик Силена будет сегодня полным, потому что другие, более сильные рабы помогут ему.

Подтаскивая к выходу тяжёлые куски породы, которые ему украдкой подбрасывали невольники, Гискон думал, о том, как несправедливы те, кто не считает рабов за людей. Правда, ведь и он так думал, пока не стал рабом сам.

вернуться

93

Карфагеняне верили в загробное царство, где богиня Тиннит властвовала над душами умерших.

В забое тихо. Гискон подносит фонарь к лицу Силена. Глаза его закатились, но губы, покрытые пеной, что-то шепчут.

«Пить… пить», — услышал карфагенянин и, повернувшись, побежал к люку.

Воды в шахте не оказалось. Просунув голову в отверстие, откуда лился скупой свет, Гискон попросил, чтобы в шахту спустили воду.

Пока Гискон с амфорой бежал к забою, лампа-часы уже успела погаснуть, и надсмотрщик неторопливо колотил в железный щит, подвешенный к потолку. Удары глухо отдавались по подземным коридорам.

Гискон торопился. Споткнувшись о кусок породы, он упал и больно ушиб колено. У входа в забой он увидел распростёртое на земле тело Силена.

Гискон наклонился над сирийцем и приложил ухо к его груди. Сердце Силена уже не билось.

Справа и слева по подземным коридорам шли, согнувшись, люди. Маленький фонарь, прикреплённый ко лбу обручем, делал их похожими на одноглазых великанов. Об этих великанах рассказывал как-то Мидаклит. Где теперь этот учёный эллин? Что стало с суффетом? Удалось ли им добраться до Керны?

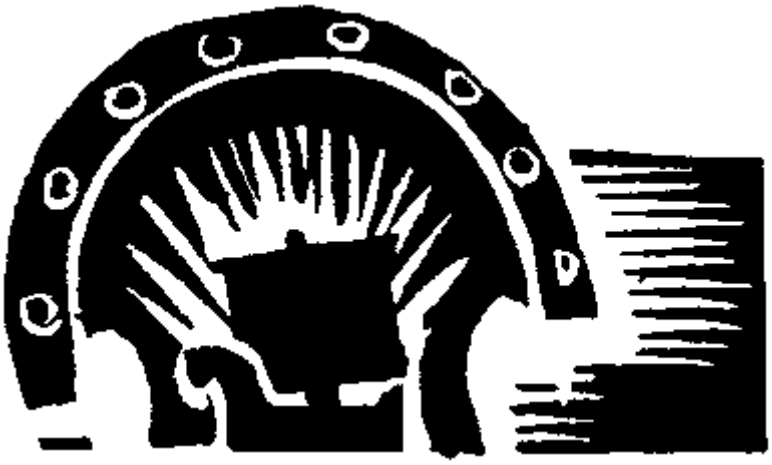
Наверх Гискон поднялся последним. Щуря глаза от яркого света, он смотрел на окруживших его надсмотрщиков.

— Силен умер! — сказал он им.

— Его счастье, — бросил равнодушно один из надсмотрщиков, — но ты получишь его долю.

Гискон вздрогнул. И вот жёсткие руки схватили его, и жгучие удары обрушились на плечи и голову мальчика.

Суффет Хирам



Гискон поправлялся. Силы его восстанавливались. Заботливые рабыни приносили ему лепёшки, испечённые из дубовых желудей. Дауд по вечерам растирал ему спину оливковым маслом и пел песни на своём языке. У этих песен была такая грустная, щемящая сердце мелодия! Она уводила в далёкие травянистые степи, где живут свободные, как ветер,

смелые охотники. Они ставят ловушки на зверей, делают засады на слонов, но никогда не поднимут руку на пришельца.

Всё чаще Гискон с тоской вглядывался в поднимающиеся за рудниками холмы. За этими холмами к востоку жили вольные племена. Рабы называли их кемпсами. Но как добраться до этих кемпсов, если на каждом шагу у тебя стража и огромные псы, обученные охоте за людьми!

Гискон вспомнил поразивший его в своё время рассказ суффета Гадеса о серебряных пифосах, из которых поят скот. Суффет не упомянул о колодках из серебра, в которые заковывают пойманных беглецов. Серебро! Раньше ему нравилось звонкое звучание этого слова, холодные переливы составляющих его звуков. А теперь он в нём слышит бряцание оков, грубую брань надсмотрщиков, надрывный кашель. Серебро! Вот твоя цена!

Грубый голос заставил Гискона вздрогнуть:

— Вставай, падаль!

Гискон с трудом поднялся и двинулся вслед за надсмотрщиком. Но куда его ведут? Неужели опять в рудники? Нет, дорога ведёт к реке. Несколько десятков рабов кирками и лопатами чинят дорогу. А вот и Дауд. Надсмотрщик молча показал Гискону на лежащую близ дороги лопату. Мальчик взял её. Лопата показалась ему очень тяжёлой, словно вся она сделана была из свинца. И только тут он понял, насколько ослабел за эти страшные месяцы неволи.

— Чего это им вдруг понадобилось исправлять дорогу? — ворчал один из рабов, настолько худой, что рёбра выпирали у него на груди.

— Наверное, кого-то ждут, — предположил другой.

И он оказался прав. В полдень со стороны реки показалась толпа. Побросав свои кирки и лопаты, рабы отошли в сторону. Четверо чернокожих несли открытые носилки. Их сопровождали стражники. Когда носилки проплывали мимо Гискона, тот бросил взгляд на возлежавшего в них человека. Гискон замер. Это был суффет Гадеса. Это ему тогда, в

Гадесе, Гискон вручал по приказу Ганнона грамоту. Это в его доме он присутствовал на приёме моряков-карфагенян. И вот Гискон — у носилок Хирама. Стражи преграждают дорогу рабу, но он с силой толкает одного из них и, упав на колени, кричит:

— Повелитель Хирам! Повелитель Хирам!

Суффет делает знак, чтобы спустили носилки, и, когда Гискон приближается к нему, спрашивает:

— Кто ты, раб, и откуда тебе известно моё имя?

— Я свободнорождённый карфагенянин, воспитанник суффета Карфагена Ганнона. Меня продали в рабство пираты.

При имени Ганнона в глазах Хирама блеснула заинтересованность.

— Ты назвал имя Ганнона? Кто ты?

И тогда, торопясь и волнуясь, Гискон рассказал о том, как он плыл вместе с Ганноном на одном корабле, как пираты захватили их корабль, а его и маленького чернокожего привезли сюда и продали на рудники.

— Так это ты тот самый мальчик, который был у меня вместе с Ганноном? — воскликнул суффет. — Как же! Я тебя помню. Но как ты вырос и похудел!

Суффет сделал знак стражнику и, когда тот приблизился, приказал:

— Отвести их обоих на корабль.

Так Гискон и Дауд оказались на гауле суффета Гадеса. Это была беспалубная гаула с резным изображением лошади на носу. Гискон знал, что такие суда называются «конями». В другое время он вспомнил бы уроки Малха и осмотрел бы судно и оснастку его, но теперь ему было не до того. Неожиданно пришла свобода — она потрясла и ошеломила его. Теперь, когда он свободен, он сделает всё, чтобы найти Ганнона. И тогда уж они сумеют отомстить Мастарне и Саулу!

К вечеру на гаулу вернулся Хирам. Вспомнив о Гисконе и Дауде, он позвал их к себе. Гискону он приказал рассказать всё, что ему было известно о судьбе Ганнона. Дауда он расспросил о его племени, о торговле золотом. Последнее, видимо, больше всего интересовало суффета.

Рано утром «конь» поднял якоря и двинулся вниз по течению реки. Река становилась всё шире. К полудню Гискон был уже в Гадесе. Он не узнал города. Гавань опустела. На причале покачивалось несколько «коней». На улицах не было ни души. Вместе с уходом карфагенского флота город покинуло оживление, владевшее жителями в те дни.

Персидский корабль

Уже два месяца Гискон и Дауд жили в доме суффета. Они ещё больше сдружились. Каждый день приносил чернокожему мальчику много нового. Он видел дома, в которых обитают белые люди, удивительные вещи, которыми они пользуются. А Гискон рассказывал ему о Карфагене, о его высоких каменных стенах, величественных храмах. Об огромном, сделанном руками людей озере, где теснятся корабли со всех частей света.

Часто Гискон и Дауд ходят в гавань расспрашивать моряков о Ганноне. Но никто ничего не знает о суффете. Зато о Мастарне говорит весь Гадес. Этруск снова появился во Внутреннем море. Говорят, он набрал самых смелых, самых отчаянных и искусных моряков. Он нападает на купеческие гаулы и пускает их ко дну. Как дух смерти, витает он над

волнами, и встреча с ним страшнее бури и подводных камней. Мачта его большого корабля несёт полотнище. На нём изображено какое-то чудовище с человеческим лицом, рогами на голове и змеёй вместо языка. Это Тухалка — дух разрушения. И корабль Мастарны называют теперь «Тухалкой».

Говорят, Мастарна собирает большой флот, чтобы отправить ко дну все корабли италийских и сицилийских эллинов, что он уже не помышляет о захвате Рима, а хочет обосноваться в эллинской колонии Кумах.

Гискон знает, что в этих рассказах немало вымысла. И часто трудно ему понять, почему эти купцы, плавающие во Внутреннем море, не объединятся и не уничтожат дерзких пиратов!

Однажды в гавань Гадеса зашёл большой корабль с косыми белыми парусами. На носу его, там, где у карфагенских кораблей рисунок глаза, был изображён солнечный диск с расходящимися во все стороны лучами. Любопытные горожане высыпали на набережную. И в первых рядах были Гискон и Дауд, не пропускавшие ни одного корабля.

Напрасно Гискон пытался прочитать название гаулы, выписанное чуть пониже отверстия для якорной цепи. Буквы были незнакомы Гискону. Но какой-то старый моряк пояснил:

— Это персидский корабль. Он, кажется, прибыл из Ликса.

Недолго думая, Гискон бросился к Хираму. Он умолял суффета разрешить ему побывать на судне. Может быть, его моряки слышали о Ганноне. Разделяя волнение и любопытство мальчика, Хирам сам собрался в гавань.

— Пойдёшь со мной, — сказал он Гискону, когда они подошли к сходням.

На борту суффета встретил человек с безволосым, сморщенным, как печёное яблоко, лицом. Он молча провёл Хирама и Гискона в каюту, увешанную яркими коврами. Там их ждал мужчина, одетый, сообразно

восточному обычаю, в лазоревую тунику и красные шаровары. Он приветствовал гостя низким поклоном:

— Привет тебе, о владыка Гадеса! Да ниспошлют милостивые боги счастье и богатство тебе и твоим жёнам!

После ответного приветствия суффета перс усадил его рядом с собой на ковёр.

— Я Сатасп, слуга царя царей Ксеркса, начальник над его кораблями. После битвы при Саламине,[94] где коварные эллины потопили наши лучшие корабли, гнев обуял моего владыку. Перед дворцом в Персеполе он приказал вбить сотни кольев. На них корчились в страшных муках мужчины и женщины, жертвы его гнева. Каждый в городе с ужасом ждал своего конца. Однажды ночью меня привели во дворец. Я уже заранее простился с жизнью. Но, когда я на животе подполз к трону, его величество милостиво разрешил мне облобызать его ногу. До сих пор моё сердце преисполнено гордости! Ведь никто из предков моих не удостаивался такой великой милости! «Послушай, Сатасп, — промолвил царь царей. — Все думают, что главный наш враг — это жалкие эллины. О нет! Стоит мне только захотеть, и я могу превратить их всех в пыль и развеять по ветру. Главный мой враг — море. Это оно уничтожило мост, который я перебросил из Азии в Европу. В гневе я приказал высечь его плетьми, а оно, как строптивый раб, отомстило мне Саламйном. Но я отплачу ему! Мой звездочёт, халдей, рассказал мне, что в старину финикийские мореходы обогнули Ливию; на это им потребовалось ровно три года. Я затмлю славу этих жалких торгашей. Я покажу морю, что мне не страшны его козни. Отправляйся в Египет, возьми там лучший корабль и плыви через Столбы вокруг Ливии, пока не войдёшь в Аравийский залив. Я буду ждать тебя в Вавилоне. И, если ты не прибудешь вовремя в Вавилон, помни: тебя ждёт смерть на колу».

Тяжело вздохнув, перс продолжал:

— Итак, я вышел в море. По милости Ахурамазды,[95] Столбы Мелькарта остались позади. Ветер погнал корабль на юг. Бури обходили нас стороной. Я плыл вдоль бесконечного берега, пока не кончилась

пресная вода. Я проник в устье какой-то большой реки. Там мои матросы заметили маленьких чёрных человечков в передниках из пальмовых листьев. Кормчий рассказал мне, что таких же точно человечков привозили в подарок египетским царям из болот, откуда вытекает Нил. И я приказал поймать маленького чернокожего, чтобы подарить его царю царей. Но как только матросы высадились на берег, человечки исчезли в высокой траве. Матросам удалось угнать лишь пару быков. Быки ничем не отличались от персидских, из чего я заключил, что в этой стране только люди маленького роста, а всё остальное обычных размеров. Потом мы вошли в страну безветрия. Там нет потоков воздуха, дующих с высот, чтобы гнать корабль вперёд. Никакое дыхание небес не помогало парусам, и я понял, что никто ещё не доходил до этих вод и не посылал туда кораблей. Я вынужден был вернуться. Обратный путь продолжался целый год. И вот уже приближается срок моей гибели. Может быть, ты, о мудрый владыка, утешишь душу мою советом?

Хирам задумался. Хитрая улыбка скользнула по его губам.

— Скажи, что для тебя будет легче: обогнуть Ливию или пройти каналом фараона Нехо в Красное, море? — спросил Харим.

— Сравнил муравья с верблюдом! — воскликнул перс. — Пройти в Красное море мне ничего не стоит! Только не на этой гауле.

— Так вот, подари свою гаулу гадесскому Мелькарту, а я тебе взамен дам своего «коня». Возьми преданных моряков и плыви в устье Нила под видом купца. А там по каналу, прорытому фараоном Нехо, сверни в Красное море. Оттуда тебе ничего не стоит добраться до Вавилона.

Перс смотрел на Хирама широко раскрытыми глазами. Мысль гадесца поразила его. Он скажет в Вавилоне, что буря разбила его корабль и он из его обломков построил себе другой, меньших размеров. Матросы подтвердят его слова. Царь будет доволен, а он вернётся к своим жёнам и сыновьям. Конечно, больше всех выгадает эта хитрая гадесская лиса, но другого выхода у него нет.

— Ахурамазда дал тебе частицу своего разума, — сказал перс. — Я принимаю твой совет к сердцу. Подготовь мне своего «коня» и одежду для моих людей. Пусть пока их принимают за карфагенян.

Хирам улыбнулся:

— К завтрашнему дню всё будет готово… Скажи, — добавил он, взглянув на стоящего у двери Гискона, — не встречал ли ты на своём пути какой-нибудь корабль или его обломки? Не слышал ли ты что-нибудь о Ганноне?

— Корабля не встречал, — ответил перс, рассматривая свои ярко окрашенные ногти, — а о Ганноне слышал от карфагенского мага. Я взял его на борт у мыса Солнца.

— Где же этот маг? — спросил Хирам.

— Он сошёл в Тингисе,[96] чтобы пересесть на карфагенскую гаулу.

Больше Хирам не стал ничего расспрашивать.

Хирам и Гискон покинули корабль.

— Отправь нас быстрее в Карфаген, — взмолился Гискон. — Может быть, там я узнаю о Ганноне.

— Тебе нужно плыть в Карфаген, — одобрил Хирам намерение юноши. — Ты должен будешь рассказать отцам города всё, что знаешь о Ганноне. Пусть они пошлют на его поиски гаулу.

Во власти волн

Ночи становились короче. Всё реже шли дожди. Месяц булькающих капель Бул[97] был на исходе. В свежей прозрачности воздуха уже ощущалось дыхание близкой весны. Из земли поднимались тоненькие изумрудные травинки. Волны, бушевавшие несколько месяцев подряд, стали спокойнее, словно их усмирили, заворожили своей лаской лучи Мелькарта.

Ганнон с грустью смотрел на удерживаемую якорями гаулу. Каждый легчайший порыв ветра приводил её в движение, заставлял дрожать от киля до верхушки мачты. Так человека, обращённого в рабство, волнует лишь одна мысль о свободе. Нетерпение корабля передавалось людям, утомлённым вынужденным бездельем. С нежностью вспоминали моряки о родном Внутреннем море, не знающем приливов и отливов,[98] об островах, ведущих корабль, как ребёнка, делающего первый шаг, от берега к берегу. Они забывали о гневной ярости этого моря, как муж, давно покинувший дом, не помнит о ссорах со своей строптивой женой.

О Внутреннем море мечтал и Ганнон. Там он надеялся отыскать след «Сына бури». Напрасно старейшина города советовал Ганнону подождать ещё несколько дней, Ганнон приказал поднимать паруса.

Явились жрецы Мелькарта. Стоя по колени в воде, они зарезали овцу, вынули её внутренности, сложили их в лодку и, по местному обычаю, трижды обогнули корабль. И теперь уже никакой смерч, что часто бушевал между Столбами Мелькарта, не будет им страшен. Так уверяли жрецы.

За один день гаула дошла до Столбов. Ганнон знал, что признаком смерча были густые, низкие облака. К счастью, небо было безоблачным. «Жертва в Ликсе спасла нас», — говорили моряки.

Чем больше Ганнон узнавал моряков, тем он больше удивлялся владевшими ими суевериями. Они скорее согласились бы лишиться правой руки, чем плюнуть в море. Чихнуть на правой стороне корабля они считали хорошим предзнаменованием, на левой же дурным. Никто бы не мог их заставить покинуть порт, если на палубу села ласточка. Они верили в златокудрых сирен, привлекающих людей своим пением. Будто

стоит моряку услышать таинственный и зовущий голос сирены, он забывает обо всём и бросается за борт. Безумца можно спасти, лишь привязав к мачте.

Столбы Мелькарта остались позади. После океанских валов волны Внутреннего моря казались маленькими, совсем игрушечными. Моряки предвкушали радость встречи с близкими им людьми. Но восточные ветры в это время года дуют с определённой направленностью. Поэтому Ганнон знал, что путь от Столбов до Карфагена потребует вдвое больше времени, чем путь от Карфагена до Столбов. Кто-то даже рассказывал, что в летнее время плыл от Гадеса до Сицилии более двух месяцев.

вернуться

94

В битве под Саламúном (480 год до н. э.), происшедшей по преданию в тот же день, что и сражение при Гимере, греки нанесли сокрушительный удар персидскому флоту.

вернуться

95

Ахурамазда — верховное божество древних персов.

вернуться

96

Тúнгис — финикийская колония в Северной Африке, близ Гибралтарского пролива.

вернуться

97

Бул — месяц дождей.

вернуться

98

Приливы и отливы есть и во Внутреннем море, но они почти незаметны.

На третий день после Столбов ветер переменился.

К полудню поднялся свежий ветер. Небо затянулось пятнистыми полосами и стало похоже на шкуру леопарда.

— Сегодня корабль попляшет! — молвил Адгарбал.

— Да, скоро налетит Гадесец! — согласился Ганнон и приказал спускать паруса.

Канат сдирал кожу с ладоней, ветер бил по лицу мокрым углом паруса. Наконец паруса были спущены. Но гаула не замедляла хода. Она неслась, как бешеный, непослушный узде конь. Стаи буревестников, этих зловещих птиц, с криком носились над морем. Стало совершенно темно. Небо было, как чёрный щит, а молнии сверкали и перекрещивались, словно мечи. Казалось, сказочные великаны вступили между собой в бой.

Ганнон приказал всем спуститься в трюм и плотно закрыть люки. Море кипело. Огромные волны приступом брали гаулу, а она, как ласточка, взмывала в высоту, чтобы затем погрузиться в чёрную пропасть. Ветер рвался вперёд, опережая звуки, им порождённые.

Второй день свирепствовала буря. С грохотом неслись по палубе волны, смывая всё, что встречалось им на пути. Люди выбивались из сил, они теряли надежду на спасение, каждый миг ожидая конца. Чрево корабля было наполнено воплями, стонами, плачем, заглушаемыми грохотом моря.

Может быть, впервые в жизни Ганнон чувствовал себя совершенно беспомощным перед разбушевавшейся стихией. Он вспомнил, что говорили старые моряки: «Бог Дагон мстителен». Не для того ли он пощадил нас в океане, чтобы погубить здесь, у берегов родины?»

Никто не знал, сколько дней они были в плену у волн и куда их занесла буря. Но вот она понемногу начала стихать. В сердцах людей загорелась искра надежды.

Открыли люк. Страшная картина предстала взору. Обломки рей, удерживаемые канатами, свисали с обоих бортов гаулы. Мачта была вырвана из гнезда и снесена в море. Море зловеще гудело.

Ганнон вылез на палубу, удерживаясь за кольцо люка. И в этот момент он ощутил страшный удар, а затем мгновенно погрузился в ледяную воду. Волна подхватила его и отбросила от гаулы, закружила и понесла к прибрежным скалам. Сквозь мглу Ганнон разглядел чёрную гряду. «Смерть, вот где ты!» — пронеслось в его мозгу.

Но море словно играло со своей жертвой. Оно подняло её на гребень волны и со страшной силой швырнуло между двумя скалами. Вот и земля. На миг Ганнон потерял сознание. Волна покрыла его с головой. Последним усилием воли Ганнон заставил себя приподняться и сделать несколько шагов. Если бы не это, новая волна смыла б его в море.

Когда он очнулся, на небе сияло солнце. Незнакомый берег имел форму огромного полукруга. В глубине его виднелась высокая зелёная гора с остроконечной вершиной.

Море успокоилось, но гребни волн ещё белели. Казалось, море скалит зубы, недовольное, что хоть одно живое существо ускользнуло от его ярости.

Ганнон долго всматривался вдаль, как будто хотел отыскать корабль, затерявшийся в беспредельных просторах. Но море было пустынно.

— О боги! — прошептал Ганнон. — Вы отняли у меня друзей! Нет, неужели вы так жестоки? Где Мидаклит? Верните мне учителя! Где все мои друзья?

Ганнон шагал по берегу в надежде найти кого-нибудь. Но берег был усеян лишь обломками досок. На одной из них Ганнон различил полустёршийся рисунок глаза. Там, на носу, этот глаз казался оком

всевидящего божества. Он прогонял страх и вселял надежду в сердца моряков. А теперь на исковерканном обломке доски этот глаз был так же жалок и беспомощен, как человек перед разбушевавшейся стихией. «Зачем мне боги сохранили жизнь! — думал Ганнон. — Чтобы она окончилась позором? Кто мне поверит, что я был в Стране Высоких Трав, что я видел широкие реки, втекающие в океан?

Кто подтвердит, что мы посетили те места, где ничто не имеет тени, где нет знакомых нам звёзд, где солнце идёт другой дорогой? Надо мной будут смеяться, когда я скажу, что видел потомков атлантов, и я не смогу бросить в лицо насмешникам кубок из Пещеры сокровищ. Враги будут показывать на меня пальцами: «Вот он, лгун! Вот он, растративший государственную казну! Он потерял два корабля и привёз вместо золота одни небылицы!»

Оглянувшись, Ганнон увидел рядом с собой среди обломков досок что-то коричневое. На первый взгляд ему показалось, что это пучки морской травы. Но приглядевшись внимательно, Ганнон убедился, что это шкура лесного человека. Ганнон подполз к ней и взял её в руки. Жалкий трофей! Прихотливое море с презрением выплюнуло его на берег, а золото, серебро и драгоценные камни взяло себе.

«Бедный Мидаклит! Ты погиб, прижимая к груди свой свиток. Ты унёс с собой тайну Атлантиды. Я должен исполнить свой последний долг — похоронить тебя по обычаям предков. Ведь эллины говорят, что душа покойного, оставшегося без погребения, мучается и блуждает по свету!»

Ганнон стоял, оглядывая разбросанные камни. Когда на глаза ему попадался ровный и плоский камень, он поднимал его и нёс туда, где лежала шкура лесного человека.

Ганнон хотел соорудить гробницу там, где море выбросило его самого, где песок ещё сохранил отпечаток его тела. Хотя бы этим он будет ближе к душе своего друга!

От слабости подкашивались ноги, но Ганнон, стиснув зубы, таскал и таскал камни.

Уже стемнело, когда на песке выросла большая куча камней. Но это была только половина работы. Острым камнем Ганнон нацарапал на песке прямую линию в четыре локтя длиной. Под прямым углом к ней он прочертил другую линию. Опустившись на колени, он стал по этим линиям укладывать камни, выбирая их из кучи. Когда были готовы две стенки высотой в локоть, он сел на шкуру и вытер тыльной частью ладони вспотевший лоб. Долго и мучительно он вспоминал, как эллины называют пустую гробницу, сооружаемую людям, погибшим в море. Так и не вспомнив, он принялся снова за работу. Наконец каменный прямоугольник был готов. Ганнон накрыл его сверху обломками досок. На одной из них он нацарапал: «Мидаклит».

В глаза Ганнону глянул бледный лик луны, взошедшей над волнами. Ему показалось, что богиня Тиннит всё видит. Это она отомстила ему за похищение Синты. Владычица наказала его одиночеством.

Превозмогая боль и усталость, Ганнон двинулся в путь. Ноги не слушались его, тело казалось каким-то чужим, словно сделанным из камней, как кенотаф (наконец он вспомнил, как называются эти пустые гробницы!).

Пройдя несколько шагов, Ганнон оглянулся и зашагал обратно. У шкуры лесного человека он остановился в раздумье. Потом взвалил её на спину. Шкура была мокрой и скользкой. Даже солёные волны не смыли одуряющего запаха, который она испускала. Ганнон брезгливо отвернул голову, но шкуры не бросил.

Всю ночь он шёл не останавливаясь, остерегаясь лишь встречи с людьми. Он не знал, куда его выбросило море и что его ждёт одного на этом чужом берегу.

Морской бой

Первые проблески зари легли на волны. Море уже успокоилось и тихо колыхалось между горизонтом и прибрежными скалами, как вино в поднятой чаше.

С мрачным упорством Ганнон брёл по пустынному берегу. Острые камни ранили его босые ноги. Вскоре он совсем выбился из сил и присел на обломок скалы. И вдруг он услышал тонкое блеяние. Оглянувшись, шагах в десяти от себя он увидел человека с большой суковатой палкой в руках. Поодаль щипали траву овцы.

Пастух стоял неподвижно, как статуя. В его голубых глазах застыл испуг: «Кто это? Человек моря! Тогда это враг. Ведь люди моря лживы, как само море, которому они продали свою душу. То оно кажется спокойным и ласковым, как весеннее утро, кротким, как ягнёнок, то вдруг по нему проносится буря, в порыве гнева разбивающая рыбачьи лодки, сокрушающая всё, что попадётся ей на пути. Так и люди моря. Порой они кажутся приветливыми и радушными, они могут угостить вас вином, веселящим сердце, одарить красивыми тканями, но вдруг в них просыпается безумие. С пылающими глазами, искажёнными от ярости лицами они бросаются на мирных поселян, скручивают своими плетёными ремнями их руки и ноги и тащат на корабли. И редко-редко возвращаются на родину те, кого они увели с собой, возвращаются с телом, покрытым рубцами, и душой, исковерканной рабством».

Эти мысли, казалось, отражались в испуганном взгляде пастуха.

«Но этот чужеземец не вооружён. На нём нет ничего, кроме шкуры, похожей на медвежью. Он не опасен».

— Где я? — спросил Ганнон на языке эллинов и тотчас же повторил свой вопрос на финикийском языке.

Пастух отрицательно покачал головой. Он не понял слов Ганнона. Но там, в Кумах, — пастух указал на глубоко вдающийся в море мыс, — ему смогут помочь.

Среди странно звучащих слов Ганнон уловил одно, показавшееся ему знакомым: «Кумы».

«Так вот куда меня забросила судьба! К Кумам! На берег Италии!»

И вот он снова бредёт, держась ближе к морю, где камни, казалось, были менее острыми. Солнце пригревало сильнее, и Ганнон уже не чувствовал холода. Но голод! Тошнота подступала к горлу. Кружилась голова. Присев на корточки, Ганнон подобрал моллюска и жадно проглотил. Но ощущение слабости не покидало его. Ганнон прилёг на песок и прикрыл глаза ладонью от солнца.

Затем он встал, задумчиво глядя на море. Казалось, оно что-то шептало, властно и нежно. Снова с необъяснимой силой оно звало его к себе.

«Море! — думал Ганнон. — Сколько ты дало мне радости! Каким могучим трепетом и страстным восторгом ты наполняло моё сердце! Какие красоты ты открыло моему взору! Но сколько горя ты мне принесло! Может быть, и правы те, что говорят, будто ты ревниво? Ты поглотило всех моих друзей, всех, кого я любил».

Взгляд Ганнона блуждал, но вдруг остановился на одной точке. На горизонте показались корабли.

— Один, два, три… — считал он вполголоса. — Десять кораблей.

Это были одномачтовые триеры.[99] Из воды, как хищные клювы, выдавались тараны. На носу первой триеры белела статуя. Да, это эллинские суда. Они направляются к берегу. Наверное, хотят высадиться. Нет, триеры повернули и пошли вдоль берега. Зачем же они это сделали?

Но вот из-за мыса, на который указал Ганнону пастух, показалась другая эскадра. Длинные суда с узкой и заострённой кормой. Треугольные паруса. «Что же это?» — подумал Ганнон. Эскадру замыкал большой корабль, очень вытянутый, с высоким носом и изогнутой, как гусиная шея, кормой. Квадратные паруса! Ганнон вздрогнул. Этот корабль он узнал бы из тысячи. Ведь это «Сын бури»! Правда, его борта выкрашены в голубой, излюбленный пиратами цвет и на носу укреплён шест с каким-то полотнищем, но всё равно это он, его корабль! Значит,

этруску удалось привести «Сына бури» к себе в Этрурию. Может быть, и сейчас этот вероломный пират ведёт его корабль и на борту «Сына бури» Синта и Гискон? Или он успел уже выдать их Магарбалу? Продать в рабство! Сердце Ганнона захлестнула острая боль.

«А другие корабли? Тоже этрусские? Целых двадцать кораблей. Плохо же придётся эллинам!»

Но вот по сигналу с «Сына бури» этруски повернули свои корабли к берегу. Да, они хотят перехватить эллинские суда! А на них — он это ясно видит — матросы убирают паруса, снимают мачты. Значит, они хотят принять бой. Но «Сын бури» идёт с гордо развевающимися парусами. Огромный, с высокими бортами, он кажется среди других кораблей целой крепостью.

Этруски уже почти настигли эллинов. Но что это? На горизонте новая флотилия. Корабли выстроены в две линии. Их не меньше сорока. Да, это эллинские суда.

И только тут Ганнон разгадал план эллинского наварха[100] — прижать этрусков к берегу, бросить их на прибрежные камни. Десять эллинских триер были только приманкой. Этруски бросились за нею, как лев за ягнёнком, а в это время вышли охотники.

С интересом ждал Ганнон, что предпримут этруски. Им ничего не оставалось делать, как выброситься на берег. Но нет! «Сын бури», развернувшись, двинулся на эллинскую триеру. Он ловко лавирует, меняя каждый раз направление, и за ним, как волчья стая за вожаком, следуют другие этрусские корабли.

Манёвр «Сына бури» застиг, видимо, эллинов врасплох. Они ещё не успели убрать паруса, и это было уже поздно делать. Фланги эллинских кораблей выдвинулись вперёд, и теперь они шли двумя полукружиями. На их палубах моряки размахивали мечами, топорами, крючьями, устрашающе кричали. Но этруски не думали отступать.

«Сын бури» приближался к эллинской триере. Казалось, сейчас они столкнутся носами, но в последнее мгновение этруски развернули

корабль, и он прошёл борт о борт с триерой. Раздался треск её вёсел. Теперь эллинское судно вышло из строя и не могло гнаться за «Сыном бури», который шёл на парусах и на вёслах. Это был хорошо известный Ганнону приём. Но этруски проделали его так ловко, что возглас восхищения невольно вырвался из уст Ганнона.

«Сын бури» прорвал первую линию вражеских кораблей, но за нею была вторая. На этот раз эллины решили не допустить прорыва. Они сгустили свой строй. «Сын бури» заметался, как волк среди стаи псов. Абордаж ему не страшен, так как у него высокие борта. Но, чтобы идти самому на абордаж, надо было спустить паруса. И этим занялись этруски.

Но паруса ещё не были спущены и наполовину, как одной из эллинских триер удалось подойти к корме этрусского корабля. С разгону она ударила тараном ниже кормового весла. Треск напомнил удар грома. «Сын бури» накренился. Мачта с полуспущенными парусами легла на воду. Киль задрался кверху.

«Сына бури» несло к берегу. И вот до Ганнона донеслась песня: её мелодия была хорошо ему знакома.

Трепещет лазоревый парус,
Гаула, как чайка, быстра.
Как буря, страшна наша ярость —
Ведь смерть нам родная сестра…
Родная сестра…

Ганнон стоял у самого берега. Ему нечего было прятаться! Пусть его видят! Пусть знают: это его корабль! Он отдал ему всё лучшее, что у него было. Он сам готовил его к плаванию, сам, своими руками, ощупывал на нём каждый медный гвоздь, каждую доску. Этот киль разрезал волны океана! Эти паруса окрашивал ветер пустыни. По этой палубе ходила Синта, его Синта! Может быть, она и сейчас на нём, а он, её супруг, ничем не может ей помочь!

— Проклятый этруск!..

Ганнон закричал, и крик его слился с плеском волн, с воплями тонущих, с ударами вёсел.

Корабль тонул. Нос его уже вошёл в воду, как меч в ножны. На корме ещё держалось несколько человек. Но вот и она с засасывающим звуком исчезла под волнами. Ганнон не отрывал взгляда от воды, забурлившей в том месте, где скрылся корабль. Эллины спустили лодки. Но победители не думали спасать вражеских моряков. Они подплывали к ним и вёслами отправляли ко дну.

Бой ещё продолжался, но взгляд Ганнона был прикован к нескольким доскам — это было всё, что осталось от «Сына бури». Ганнон упорно чего-то ждал от моря, а оно подбрасывало на своих волнах мертвецов.

«Вот и конец, — размышлял Ганнон. — Целых сто лет боролись этруски и эллины за эту приморскую плодородную долину, называемую Счастливой Кампанией! И исход борьбы решился на море. Этрусский флот разбит! Теперь эллины станут ещё сильнее. Нет, я был прав: не в Сицилии и не в Италии наше будущее, а на берегах океана, там, где так много богатств! Протяни руку и возьми их: и золото, и слоновую кость, и железное дерево, и чёрных невольников!»

Но что делают эллины? Вот они вылавливают крючьями обломки кораблей и свозят их на прибрежный скалистый островок. Там они сооружают из этих обломков пирамиду. Ганнон давно уже слышал об этом эллинском обычае. Это у них называется «водружать трофей». Эллины считают свою победу неполной, если в честь её не воздвигнут памятник из обломков вражеских кораблей или оружия — если бой происходил на суше.

Пропев хвалу богам, эллины возвратились на корабли, расцвеченные победными флагами. С поднятыми парусами триеры уходили в открытое море.

Долго стоял Ганнон на берегу. Затем он медленно двинулся в путь. Неподалёку он увидел бревно, выброшенное на берег волнами. На бревне сидел небольшой рыжий зверёк. Да, это был хорёк, купленный им

в Гадесе. При приближении человека хорёк спрыгнул на берег и скрылся в кустах.

вернуться

99

Трие́ра — древнегреческий боевой корабль с тремя рядами вёсел.

вернуться

100

Нава́рх — по-гречески начальник над кораблями, адмирал.

Ганнон смотрел ему вслед. Ему вспомнился тот жаркий день, когда он вместе с Мидаклитом, Малхом и Гисконом бродил по базару Гадеса. Тогда всё было у него впереди. «Гимера и Кумы, — думал Ганнон, — вас разделяет шесть лет.[101] Какие это годы! Неужели все жертвы оказались напрасными?»

Всё ближе и ближе были Кумы. Ганнон знал обычаи прибрежных жителей. Они считали всё, что выбросят волны на их берег, своей добычей. Они ожидали бури или морского сражения, как землепашцы ждут жатвы. Порой они во время бури разжигали костры, чтобы привлечь корабли на прибрежные скалы, а потом вылавливали баграми доски, кожи, парусину — всё, что оставалось от корабля. Если кому-нибудь из моряков удавалось избежать гибели, они продавали его на ближайшем невольничьем рынке. Люди суши, они мстили морю.

Единственным спасением Ганнона было найти в Кумах карфагенскую купеческую гаулу. Они, как ему было известно, нередко заходили сюда за хлебом, лесом или рабами. Но как ему незамеченным пробраться в гавань?

Уже вечерело, когда Ганнон увидел лепившиеся по холмам, точно улитки на скалах, белые домики эллинских колонистов. Сойдя с тропы, он укрылся в винограднике. Утоляя голод и жажду сочными ягодами, он

пристально вглядывался вдаль и прислушивался. Шумели морские волны. Откуда-то слышалось блеяние овец. Но почему не видно людей?

Но вот холмы озарились факелами. Послышались пение и радостные крики.

И тогда Ганнон понял всё. Люди возвращались из гавани. Там они приветствовали моряков, вернувшихся с победой над этрусками. Сейчас они ещё будут пить вино, петь, а потом свалятся в изнеможении. Тогда он выйдет из своего убежища и проникнет в гавань. Если там окажется купеческий карфагенский корабль — он спасён.

Снова в Карфагене

Весть о возвращении Ганнона облетела Карфаген. В первый же день на улице Сисситов собралась толпа. Родственники и друзья колонистов хотели знать об их судьбе. Людям просто хотелось увидеть человека, который, как говорили, побывал в Полях Мёртвых и вернулся живым и невредимым.

Один старый землепашец, недавно похоронивший своего единственного сына, хотел во что бы то ни стало увидеть Ганнона, чтобы узнать, как его сыну живётся в царстве теней. Больше всего слухов ходило о сокровищах, которые будто бы привёз Ганнон. Одни говорили, что корабли с сокровищами остановились у маяка, некоторые утверждали, что у Ганнона нет никаких кораблей, что сокровищ он не привёз, но зато научился в Полях Мёртвых превращать камни в серебро. Многие уже запаслись камнями потяжелее.

Десятки людей уже в первый день побывали в его доме, и Ганнон рассказал им всю правду. Но, когда эти люди выходили и пытались растолковать собравшимся, чтобы те расходились по домам, им никто не верил: выходящих подозревали, что они хотят лишить других их доли серебра.

На второй день Ганнон закрыл двери своего дома на все засовы. Надо было составить отчёт о плавании в Совет Тридцати.

Ганнон протянул руки к жаровне, прикрытой медной решёткой. Приятное тепло медленно растекалось по его телу, и меньше ощущалась тупая боль в голове.

Положив на колени дощечку, Ганнон расстелил на ней свиток папируса и взял двумя пальцами палочку из камыша. «Как начать? — размышлял Ганнон. — Поэты пишут стилом и камышовой палочкой. Их материал — воск, папирус и пергамен. Художники рисуют углём и красками. Строители творят резцом и молотом. Из бесформенных каменных глыб они создают дворцы и храмы. Стиль морехода — корабельный киль. Его восковая табличка — море. Но оно вздыблено волнами, оно в вечном движении и стирает всё, что на нём написано. Только берега остаются вехами в трудном и долгом пути. Гимилькон писал о своём плавании, и его отчёт сохранился в храме Тиннит. Но он столь же туманен, как открытые им северные острова. Надо быть точнее в словах и ярче в красках».

Написав первую фразу, Ганнон прочёл её вслух:

— «И решили карфагеняне послать меня в плавание за Столбы Мелькарта, чтобы основать поселения…»

Ему вспомнилась заполненная народом площадь Собраний, устремлённые на него глаза, протянутые руки, тысячеголосый крик, когда глашатай объявил результаты голосования. Даже его враги должны были считаться с единодушной волей народа.

Камышовая палочка скользила по папирусу:

«Отчалив и выехав за Столбы, мы плыли два дня и потом основали первый город, который назвали Темиатерием. При нём была большая равнина».

Ганнон вновь услышал вопль женщины, у которой отняли ребёнка, и взволнованный шёпот Гискона, рассказывающего о своём ночном видении. Где теперь мальчик? Ему так хотелось быть моряком. Кажется, его первое плавание оказалось последним. Пираты могли его убить или продать в рабство.

Камышовая палочка чертила одну букву за другой, слово за словом:

«Затем, направившись к западу, прибыли к Солоенту, ливийскому мысу, покрытому густым лесом. Здесь основали храм богу моря и снова двинулись на восток… Мы прибыли к большой реке Ликсу, текущей из Ливии».

Вот он, песчаный берег, заполненный моряками. В ушах его ещё звучит песня, которую пела его Синта:

И плакал он горько о Лине, о сыне,
И слёзы владыки землю прожгли.

Вытерев рукой глаза, он снова писал, и в памяти его вставали гигантские валы, обрушивающиеся на берег Ливии; высокие травы, колышущиеся под ветром; поющие пески, засыпавшие тело Малха; зовущий взор Томис и огненные потоки, выливающиеся в море; девственный лес и ни с чем не сравнимые крики лесных людей; свист ветра, несущего корабль на скалы.

Как найти слова, которые смогли бы передать чувства людей, впервые увидевших неведомые земли и острова, их восторг, их радость, их страх? А впрочем, зачем всё это знать раби, для которых он пишет свой отчёт? Их, наверное, интересует, много ли в этих местах золота и во сколько обойдётся снаряжение новой экспедиции за Столбы.

Взглянув на песочные часы, Ганнон понял, что ему пора уже идти. Его ожидает Совет. Ганнон свернул в трубку лист папируса и заткнул его за

край плаща. Потом взял что-то завёрнутое в полотно и быстро покинул дом.

Карфаген нисколько не изменился за время отсутствия Ганнона: та же толпа, в которой редко увидишь хорошо одетого человека. Больше всего людей в изорванной одежде, бледных, истощённых.

«И этот город считают самым богатым на берегах Внутреннего моря!» — с горечью подумал Ганнон.

Улица Сисситов вывела Ганнона на площадь, вымощенную квадратными плитами. Это была площадь Собраний. Когда-то её переполняли люди, с восторгом выкрикивавшие его имя. А теперь она пуста!

У Дома Совета появился новый памятник. Фигура из серого мрамора. Высокий лоб, широко расставленные глаза, что-то удивительно знакомое в лице!

Ганнон вздрогнул. Ведь это его отец! Гамилькар предстал перед Ганноном таким, каким он видел его в последний раз, под Гимерой, мужественным, сильным.

Что бы сказал его отец сейчас?

Дом Совета показался Ганнону особенно величественным в холодной роскоши своих колонн, в массивности своих стен. Каким далёким представилось то время, когда он входил сюда окрылённый надеждой!

Ганнон поднялся по лестнице, прошёл мимо безмолвных стражей, зорко охранявших эту крепость богачей, и медленно двинулся по длинному коридору, освещённому спрятанными в нишах светильниками. Свет их выхватывал из темноты то одну, то другую часть его лица — широко раскрытые, устремлённые вперёд глаза, крепко сжатые губы.

вернуться

101

Битва при Ку́мах произошла в 474 году до н. э.

Совет постановил…

Сегодня Совет Тридцати решает судьбу Ганнона. Впрочем, судьба его уже решена, но не здесь. Сразу же после прибытия Ганнона великий жрец Магарбал позвал к себе суффета Миркана. Кипя злобой, жрец требовал, чтобы мореход немедленно был заключён в Дом Стражи. Миркану стоило немалого труда уговорить Магарбала отказаться от этого замысла. «Так мы возбудим чернь против нас, — предостерегал Миркан. — Я потребую у нечестивца отчёта в Совете, и если он через месяц не вернёт сделанных республикой затрат, он всё равно окажется в Доме Стражи». Раскрылись двери. Шум умолк. Все взгляды обращены к Ганнону. Голова его высоко поднята. Нет, он не изменился, этот дерзкий и непокорный отпрыск Магонидов. Он держится так, словно не чувствует за собой никакой вины, словно пришёл сюда победителем.

Ганнон остановился против Миркана. В правой руке его свиток, в левой — какой-то свёрток.

Злобно взглянув на Ганнона, Миркан произнёс:

— Совет ждёт твоего отчёта!

Положив на пол свой свёрток, Ганнон развернул папирус и начал медленно его читать. Изредка он поднимал голову, чтобы увидеть, какое впечатление производят его слова. Раби слушали внимательно, но лица их были непроницаемы. Но вот Ганнон кончил читать и выпрямился, как воин перед лицом врага.

— Есть ли вопросы у раби? — раздался голос, напоминающий бой треснувшего колокола, то был голос Миркана.

— Есть! — послышалось откуда-то сзади.

Это Габибаал. Тогда он поддержал Ганнона, предлагая вычерпать чернь со дна города. Что же скажет он теперь?

— Да, у меня есть вопрос: много ли сицилийского вина сегодня выпил Ганнон? Или, может быть, он привёз вино с берегов океана, от которого он совсем обезумел?

В зале послышались выкрики:

— Молодец, Габибаал! Довольно нас обманывать! Пусть Магонид вернёт золото!

Ганнон стиснул зубы. Как ему хотелось плюнуть в лицо этим тупицам, думающим только о золоте!

Сдерживая себя, Ганнон отвечал:

— Вот уже год, как у меня во рту не было ни капли вина. А порой мне не хватало и воды. Да, я обещал вам золото. Я бы мог засыпать золотым песком весь пол этого зала, этот стол рухнул бы под тяжестью сокровищ Атлантиды, но мой корабль поглотило море.

— Мы уже сыты твоими баснями, Ганнон! — воскликнул Миркан. — Чем ты можешь подтвердить, что всё сказанное тобою правда?

Ганнон опустил голову.

— У меня нет корабля, нет моих друзей, вместе со мной побывавших там, где ещё не был никто из смертных. У меня осталось лишь вот это. — И Ганнон развернул свёрток. — Члены Совета, — продолжал он, — могут убедиться в существовании лесных людей.

Ганнон протянул шкуру Миркану, но тот брезгливо её оттолкнул.

— Это и есть сокровища, которые ты обещал Совету? — Лицо Миркана вспыхнуло от гнева. — Шкура какого-то мерзкого животного! Не ею ли ты хочешь расплатиться за потерю «Сына бури» и «Ока Мелькарта»?

Раздались выкрики: «Правильно!», «Пусть он расплатится!» И вдруг их заглушил звонкий голос:

— Стойте! Знаете ли вы, кого судите? — Это говорил совсем юный раби.

«Юноша здесь, в Совете? — Ганнон знал, что только большие заслуги отца могли позволить человеку такого возраста занимать почётное место в Совете. — К какому же роду принадлежит этот юноша? Почему лицо его кажется мне знакомым?»

— Знаете ли вы, кого судите? — повторил юноша. — Человека, чьим именем будет гордиться Карфаген, пока стоят его каменные стены, человека, который сделал большим мир. Что нам было известно о западном береге Ливии до Ганнона? Для нас он кончался Ликсом. Ганнон проник туда, куда не знают пути птицы. Он передвинул Столбы Мелькарта к мысу Солнца. Он видел ночи, полные неведомых звёзд, и светящееся море. Смерть преследовала его на воде и на суше. Никто не мог поспешить ему на помощь. Он основал новые колонии. Разве это не дороже золота, которого требует ваша жадность?..

Голос молодого раби потонул в гуле враждебных выкриков:

— Долой! Молчи, Шеломбал!

Ганнон вздрогнул. Так это Шеломбал! Брат Синты!

Особенно неистовствовал Миркан. Лицо его побагровело, как стручок перца под солнечными лучами. Он протягивал костлявые руки к сыну, как бы желая его задушить. А Шеломбал стоял, гордо выпрямившись, словно радуясь буре, которую он вызвал.

Ганнон с восхищением и благодарностью смотрел на него. Этот юноша вернул ему веру в людей. Даже здесь нашёлся человек, сердце которого

открыто для правды. И это сын Миркана! Какое бы решение ни принял Совет, всё равно справедливость пробьёт себе дорогу. Время отделит правду от лжи, как огонь отделяет серебро от олова, как ветер отделяет зерно от плевел.

Внезапно в зале наступила тишина. Взгляды всех устремились к Миркану.

— Велика вина Ганнона перед республикой, — начал Миркан. — За подобные преступления других мы сразу приговаривали к распятию на кресте. Но, чтя память Гамилькара, я лишь предлагаю, чтобы Ганнон в месячный срок вернул в казну взятые им деньги. В противном случае с ним поступят по законам республики…

Шумные возгласы одобрения покрыли последние слова суффета.

Медленно покинул Ганнон зал Совета. Площадь перед зданием Совета, лишь час назад пустовавшая, теперь была запружена народом. Бедняки Карфагена узнали, что люди, которых Ганнон повёз за Столбы, счастливы. Теперь они пришли просить Ганнона отвезти их туда же. Весть, что Совет Тридцати осудил их любимца, уже разнеслась по площади. В толпе поднялся ропот, перешедший в дикий гул. Тысячекратные крики подобно грому разносились по площади. Откуда-то появились стражи. Они шли на толпу, выставив острия копий.

Огромная толпа, как море в час отлива, медленно, с глухим шумом откатывалась на соседние улицы. На опустевшей площади остался лишь один пророк Эшмуин, которого стражники не решились тронуть. Простирая вперёд руку, сухую и узловатую, как ветвь смоковницы, пророк кричал:

— И свернутся небеса, как свиток папируса! Звёзды упадут, как увядший лист! Земля обветшает, как одежда! Переполнилась чаша гнева! Горе тебе, Карфаген!

Встреча в порту

В «Серебряном якоре», как и пять лет назад, было людно. Моряки сидели за амфорой вина и рассказывали друг другу о своих странствиях и приключениях. Каждый, кто вздумал бы пойти по стопам Гомера, мог записать здесь не одну Одиссею. Но все эти трогательные и жуткие истории, приправленные изрядной толикой вымысла, не могли отвлечь Ганнона от дум и воспоминаний. Пережитое им было страшнее всего, что может создать праздное воображение или разгорячённая вином память. Изредка Ганнон ловил взгляды незнакомых ему людей. В них не было недоброжелательства. С жалостью и сочувствием смотрели моряки на человека, сумевшего когда-то зажечь весь город огнём своей мечты и лишившегося теперь всех своих богатств и почестей. Другой на месте Ганнона мог удовлетвориться этим молчаливым одобрением и найти в нём успокоение. Но Ганнону, вопреки всему происшедшему, казалось, что главное плавание его жизни ещё впереди.

Через открытые двери таверны доносился плеск волн, крики, грохот сбрасываемых на землю ящиков. И вдруг эти звуки заглушил колокольный звон. Дозорные извещали о прибытии корабля.

Встречать входящие в гавань корабли с недавних пор стало привычкой Ганнона. Заслышав удары колокола, он шёл к причалам. Стоя в стороне, он молча смотрел, как корабль приставал к берегу, как спускали доски, как по ним сходили моряки. По запаху и другим знакомым ему приметам Ганнон определял, откуда пришёл корабль. Гаулы из Египта и страны Ханаан пахли нардом.[102] Триеры из Италии приносили в гавань

удушливую вонь овчинных шкур и запахи сосновой смолы. Сицилийские корабли пахли серой и рыбой. Кипрские суда источали аромат кипариса, которым стелют пол, и кедра, которым покрывают стены.

вернуться

102

Нард — растение, из которого на Востоке изготавливали ароматное масло.

Когда разгрузка заканчивалась и сходни поднимались на борт, Ганнон возвращался домой или шёл к своей амфоре в «Серебряный якорь». Что его заставляло встречать чужие корабли? Если бы его об этом спросили, Ганнон, наверное, не смог бы объяснить. «Сын бури» погиб у Кум на его глазах. Но была ли Синта на корабле во время сражения? Этого Ганнон не знал. В глубине души ещё теплилась надежда, что его любимая жива. И он жил этой надеждой.

Вот и теперь, оставив недопитым вино, Ганнон встал и пошёл навстречу кораблю, рассекающему чёрные воды Кофона своим крутым носом. Это была купеческая гаула, широкая, с глубокой осадкой. Такие корабли ходили по волнам Внутреннего моря от Тира до Массилии. Ганнон наблюдал, как матросы, ловко поймав канаты, заматывали их вокруг свай, как корабль подтянули к берегу и укрепили сходни. По одежде и говору моряков Ганнон догадался, что гаула прибыла из Гадеса. Ему вспомнилось то счастливое время, когда ликующий Гадес встречал его корабли.

Ганнон бросил взгляд на трап. По нему спускались чернокожий мальчик и худой, бледный юноша в просторном плаще с чужого плеча.

«Гискон!» Ганнон бросился навстречу другу. Они обнялись, оба плакали от счастья.

— А Синта? Где же Синта? — нетерпеливо спрашивал Ганнон. И вот он уже слышит о том, что произошло на палубе захваченного пиратами корабля.

— Она просила передать тебе, что позор не коснулся её! — Гискон едва сдерживался, чтобы не зарыдать.

Веки Ганнона опущены, губы плотно сжаты. Только по побелевшим кончикам пальцев, сжимавших край стола, можно догадаться об охвативших его чувствах.

— Итак, после Хреты Мастарна повёл корабль сразу на север? Но как этруск заставил своих гребцов снова сесть за вёсла?

Гискон рассказал о том, как Мастарна высадился на берег, как вероломно захватил чернокожих.

Ганнон взглянул на Дауда:

— И он был среди них?

Гискон кивнул:

— Да, и он. Мы вместе с ним переносили и голод и боль. Рабство сделало меня и Дауда братьями.

Чернокожий мальчик улыбнулся, показав белые, как морская пена, зубы.

— Дауд и Гискон — братья, — сказал он, медленно выговаривая слова.

— Я обещал Дауду помочь вернуться на родину…

— На родину… — в раздумье повторил Ганнон. — Помнишь, Мидаклит рассказывал о моряках, позабывших родину. Они выпили сок лотоса и опьянели. Какие только вина я ни пью, но не могу забыть мою родину! Но я не могу и забыть о том, как она ко мне несправедлива.

Ганнон тряхнул головой. Казалось, он хотел сбросить тяжёлые мысли, захлестнувшие его.

— А мы гнались за какой-то гаулой, приняв её за «Сына бури», — сказал он вдруг. — Вам она не встречалась?

— В море нет, — ответил Гискон, — но я видел её в Гадесе. Это персидский корабль.

— Удивительно! — промолвил Ганнон, после того как Гискон рассказал ему о Сатаспе. — Прихоть деспота погнала его гуда, где не бывал ещё ни один моряк. Судьба была благосклонна к этому персу. Его пощадила буря, а к нам боги были беспощадны. Мы с тобой остались одни. Одни!

Зов океана

В последний раз Ганнон оглянулся на город, на его кровли и купола, на протянувшуюся по откосу холмов ленту стен. Там прошли его детство и юность, там созрела его душа для подвигов и любви. Там он впервые встретил Синту и там же узнал о её гибели. А теперь… Никогда ещё ему Карфаген не казался таким чужим и далёким.

Вчера к нему пришёл Шеломбал. Ему удалось узнать о коварных замыслах Магарбала, в руках которого суффет Миркан был лишь игрушкой. Великий жрец обвинял Ганнона в кощунстве. В последние дни Стратон обходит советников, рассказывая каждому, что он видел на корабле Ганнона жрицу Тиннит — Синту, что Ганнон вопреки воле жреца основал храм в ночь после затмения. Магарбал рассчитывает, что Ганнон не сможет опровергнуть эти обвинения. Да и кто поверит человеку, уже однажды обличённому в обмане! Кто из знатных станет на его защиту? Разве они забыли, что отец Ганнона, Гамилькар, пользовался почти царской властью.

Шеломбал советовал Ганнону не дожидаться судилища, бежать в Утику, где он и его друзья смогут сесть на гаулу, отплывающую в Гадес.

Что ж, Ганнон выполнит совет Шеломбала. Океан… Он уже слышал грохот прибоя, видел ярких птиц, взлетающих с озёр в розовое небо. На берегах Внешнего моря его ждут колонисты. На губах Ганнона улыбка…

Эта улыбка напомнила Гискону прежнего суффета, сильного и отважного. Во взгляде его — блеск незнакомых звёзд, в руках — крепость ползучих растений, оплетавших огромные стволы. За таким человеком можно идти хоть в царство теней. Чувство любви к Ганнону переполнило всё существо Гискона. «Что я знал и видел до встречи с ним?» — думал юноша.

И вот они идут по дороге в Утику.

Дауд напевает песню на своём никому не понятном языке. Зубы его сверкают, как жемчужное ожерелье. Таких весёлых песен Дауд ещё не пел ни разу с тех пор, как белолицые люди увезли его на крылатой лодке. Он поёт об огромных хижинах, которые выше жилищ белых муравьёв, об удивительных вещах, которыми обладают обитатели этих хижин. Он поёт и радуется тому, что его руки свободны от гремящих верёвок, что над его головой нет каменной стены, а небо такое же светлое, как на его далёкой родине. Он поёт о матери и отце, братьях и сёстрах. Он скоро увидит их и расскажет обо всём, что узнал и пережил! Ганнон остановился:

— Ты знаешь, Гискон, Шеломбал вчера рассказал о судьбе этого перса Сатаспа. Евнух, что был с ним на корабле, выдал обман Сатаспа, и Ксеркс приказал казнить его.

— Значит, тебе ещё посчастливилось, — отозвался юноша. — Ведь и тебя отцы города объявили обманщиком. И тебя они не прочь казнить.

Ганнон махнул рукой. Этот жест означал и презрение к людям, захватившим в Карфагене власть, и уверенность в своей правоте. Нет, он ещё вернётся в Карфаген, но не один. Золото Керны даст ему

корабли и наёмников. Это золото принесёт ему власть, а его родине — могущество.

И снова они идут по дороге в Утику, двое карфагенян и чернокожий мальчик.

Вечерело.

Мелькарт прятал в ножны свои огненные мечи.

От автора

Наш рассказ о Ганноне-карфагенянине окончен. Какова же его дальнейшая судьба? Удалось ли Ганнону уйти от своих преследователей и достигнуть основанных им колоний? Вернулся ли Ганнон в Карфаген?

Это я предоставляю решать вам, мои читатели. И если вы это сделаете, ни я, ни кто-либо другой не сможет сказать, что вы ошиблись.

О дальнейшей судьбе Ганнона нам ничего не известно, память о нём стёрлась, как пенистый след его кораблей. А между тем о его подвиге до нас дошло больше сведений, чем о каком-либо другом плавании древних. Ведь сохранился перипл — описание морского путешествия вдоль западного берега Африки. Об этом документе можно сказать словами французского мыслителя Монтескье: «Великие люди пишут всегда просто, потому что они больше гордятся своими делами, чем словами». Без всяких прикрас Ганнон рассказывает о том, что видел за

Столбами Мелькарта. Мы узнаём, что Ганнон повёл шестьдесят кораблей за Столбы Мелькарта и основал на побережье современного Марокко семь карфагенских колоний. Крайней из этих колоний была Керна, расположенная на маленьком островке в глубине большого залива. Из Керны Ганнон на нескольких кораблях совершил плавание к югу, достигнув мест, где до него не бывал ни один мореход. Это было плавание, которое можно сопоставить с величайшими открытиями нового времени.

Без сомнения, соотечественники Ганнона хорошо знали о мореплавателе и гордились им.

Нам известно, что в одном из храмов Карфагена сохранялись шкуры диковинных животных, так удивительно похожих на людей. Их привёз Ганнон. Это были шкуры огромных обезьян — горилл, о которых европейцы узнали лишь в XIX веке.

В 146 году до н. э. огромный, культурный город Карфаген был безжалостно сожжён и разрушен римскими завоевателями. Семнадцать дней горел Карфаген. Рушились арки и своды храмов, возведённые руками трудолюбивых финикийских строителей, гибли здания, простоявшие сотни лет и достойные того, чтобы стоять ещё века. Пламя, поглотившее храм Ваал Хамона, где хранились шкуры диковинных чудовищ, не пощадило и свитков, в которых содержался рассказ о жизни Ганнона. Но оно не могло уничтожить память о великом подвиге этого карфагенского моряка. Учёные того самого народа, который безжалостно уничтожил прекрасный город Карфаген, с восхищением говорили о Ганноне-мореплавателе. Они даже преувеличивали его заслуги. Известный римский естествоиспытатель Плиний Старший, погибший при извержении Везувия в 79 году н. э., утверждал, что Ганнон обогнул Африку и достиг Аравии. И, как ни странно, эта ошибка сыграла свою положительную роль в истории географических открытий.

В XV веке, через две тысячи лет после плавания Ганнона, в маленькой стране Португалии, расположенной на берегу частично принадлежавшего когда-то Карфагену Пиренейского полуострова, жил юный принц Генрих. В отличие от других принцев, интересовавшихся

только рыцарскими турнирами и придворными красавицами, Генрих любил читать старинные рукописи. И вот однажды ему попалась «Естественная история» Плиния Старшего. Просматривая её, он натолкнулся на рассказ о карфагенском моряке Ганноне, которому удалось обогнуть Африку и достигнуть Аравии. Генриху было хорошо известно, что из Аравии лежит путь в Индию, страну сказочных богатств. Ведь через Аравию шли индийские караваны, доставлявшие в Европу перец и корицу, золото и драгоценные камни. Значит, если пойти по пути Ганнона, можно достигнуть Индии морем и захватить богатства этой страны.

И Генрих посвятил свою жизнь решению этой задачи. В течение более чем сорока лет он отправлял экспедицию за экспедицией к берегам, где впервые побывал Ганнон. Португальцам было легче, чем их предшественникам — финикийцам и карфагенянам. У португальцев был уже компас, отсутствие которого очень затрудняло плавание в незнакомых морях. У них имелись более точные карты. Их главный город, Лиссабон, находился всего лишь в одном дне пути от мыса Солнца, до которого Ганнон мог добраться лишь за десять дней. И всё же принц Генрих, прозванный Мореплавателем, умер раньше, чем португальские корабли достигли Южного Рога, близ которого плыл Ганнон.

Вот почему подвиг Ганнона был так высоко оценён в новое время, когда уже на земле почти не было «белых пятен».

Десятки книг и статей написаны учёными по поводу того, какие современные географические пункты соответствуют упоминаемым в перипле Ганнона Ликсу, Южному Рогу и Западному Рогу, Колеснице богов. Но ни одна из этих книг не расскажет вам о том, какие трудности встретились мореходам, что они чувствовали, что они переживали, о чём они между собой говорили, о чём думали. И мне захотелось написать именно такую книгу.

В книге говорится о древнем щите с костяной табличкой. «А был ли такой щит на самом деле?» — спросите вы. Ответить на этот вопрос не так легко. Боюсь, что, если бы вы стали искать этот щит в музеях, вы

напрасно потеряли бы время. Однако щит не является выдумкой. Древние мастера делали щиты, соединяя различные материалы — металл, дерево, слоновую кость. А я сложил щит из различных частичек наших достоверных знаний о жизни его владельцев — древних критян. Науке было известно, что у древних критян, этих искусных мастеров и художников, были продолговатые щиты именно такой формы, как описано в повести. Я также знал, что критяне были отважными мореходами, они чрезвычайно любили рисовать корабли, осьминогов, водоросли. На фресках дворца в критском городе Кноссе есть изображения летучих рыб, которые встречаются лишь в Атлантике. Эти и другие данные свидетельствуют о том, что критяне одними из первых вышли в океан. Сведения Гомера об океане и островах Блаженных восходят к критским преданиям. Об этом говорит и имя мифического обитателя Блаженных островов Радаманта. Следовательно, критяне могли изобразить пролив, отделяющий Внутреннее море от Внешнего, и свой корабль в этом проливе. «А богиня со змеями? — спросите вы. — Это, конечно, выдумка?» Нет, у критян была такая богиня, и изображения её сохранились.

Итак, и по форме, и по идее изображения, и по всем своим деталям щит составлен из исторически достоверных частей.

Я так подробно остановился на этом, чтобы вам стал ясен принцип, использованный мной в обрисовке образов героев повести.

История сохранила лишь одно имя Ганнона и рассказ о его плавании. А ведь нужно было наделить мореплавателя мыслями, чувствами, сделать Ганнона живым человеком.

Мне помогло то, что я установил причинную связь между битвой при Гимере и экспедицией Ганнона в океан. Хорошо известная по описаниям древних авторов битва при Гимере в 480 г. до н. э. была для меня гаванью, из которой я повёл своих героев в путь по неизведанным морям. Битва при Гимере не только дала обоснование цели экспедиции Ганнона, но и помогла нарисовать образ самого морехода и его спутников.

Карфагенское войско под Гимерой возглавлял суффет Гамилькар. В повести рассказано почти всё, что известно о Гамилькаре. Да, его отцом был Магон, а матерью — гречанка из Мессаны. После поражения при Гимере Гамилькар бросился в огонь жертвенника, и в Карфагене ему был воздвигнут памятник. Учёным также известно, что сыном Гамилькара был Ганнон. Это и позволило ввести героя в гущу политической борьбы в Карфагене после Гимеры, показать соперничество враждующих родов и последующий упадок рода Магонидов, возвышение жрецов храма Тиннит.

А как возник образ его маленького друга Гискона? Древние писатели сохранили рассказ о бедняках Карфагена, которые продавали своих детей богачам, желавшим принести кровавую жертву богам. Археология подтвердила справедливость этого рассказа. В 1921 году на месте бывшего Карфагена археологами были раскопаны подземелья храма Тиннит и обнаружены сотни глиняных сосудов, на дне которых сохранились детские кости. А почему не мог Ганнон спасти какого-нибудь мальчика от этой участи и взять его с собой? Так появился образ Гискона.

И для создания образа учителя Ганнона, грека Мидаклита, тоже существовали некоторые реальные предпосылки.

В V веке до н. э., когда Ганнон совершил своё плавание, связи греков с океаном были прерваны. Столбы Мелькарта находились в руках Карфагена. Современник Ганнона, греческий поэт Пиндар, даже утверждал, что проникнуть за Столбы Мелькарта вообще невозможно. И в то же самое время история сохранила имя одного грека, побывавшего в океане в V веке до н. э. Имя этого грека — Мидаклит. Зная о том, что в V веке многие греки жили в Карфагене, я соединил судьбу Ганнона и Мидаклита, исходя из того, что грек мог побывать в океане лишь с согласия карфагенян. Устами Мидаклита я попытался высказать мысли, которые развивали греческие философы-материалисты того времени. Они высоко ценили культуру Востока и учились у египтян, вавилонян, финикийцев. Уже в то время они пришли к убеждению, что Земля имеет форму шара.

В те годы, когда готовилось первое издание этой книги (1957 г), было уже известно о связях этрусков с карфагенянами. Мы знали со слов греческого историка Геродота (V в. до н. э.) о совместной борьбе этрусков (прежде всего города Цере) и карфагенян против греков, пытавшихся основать свои колонии на прилегающем к Италии острове Сардиния. Другой греческий писатель, известный философ Аристотель (IV в. до н. э.) сохранил сообщение о договорах между карфагенянами и этрусками. Наконец археологические находки говорили о наличии этрусско-карфагенянской торговли. Но были ли связи между этрусками и карфагенянами настолько тесными, чтобы этруск, происходящий из царского рода, мог на протяжении ряда лет сноситься с храмом богини Тиннит? Этого мы не знали. В литературной традиции сообщалось о связях на религиозной почве этрусков с греками и не было ни единого намёка на то, что этруски вообще знали о существовании финикийских богов.

8 июля 1964 года при раскопках древнего этрусского храма в городе Пирги, служившем портом крупному этрусскому центру Цере, свершилось то, о чём мечтали многие поколения учёных, пытавшихся проникнуть в тайну этрусского языка: были найдены золотые пластины с двуязычными надписями. Но самое удивительное — это были не этрусско-латинские и даже не этрусско-греческие тексты, о существовании которых можно было предполагать на основании сведений о многовековых связях этрусков с римлянами и греками, а параллельные тексты на этрусском и карфагенском (пуническом) языках. Первая пуническая надпись, найденная на территории Италии, оказалась одновременно ключом к разгадке этрусской тайны! Когда надписи были прочитаны, то оказалось, что это посвящение финикийской богине Астарте, соответствующей карфагенской богине Тиннит. Посвящение сделал не какой-нибудь карфагенский купец, занесённый бурей в Этрурию, а царь города Цере, того самого города, который упомянут Геродотом в связи с совместной борьбой этрусков и карфагенян против греков. Золотые пластины датируются концом VI и началом V в. до н. э., как раз тем временем, которое непосредственно предшествовало битве при Гимере.

Битва при Гимере коренным образом изменила внешнюю политику Карфагена, поскольку все усилия его были направлены на создание обширных владений в Африке. К этому времени, очевидно, относится сообщение греческого историка Диодора Сицилийского о попытке этрусков проникнуть на необычайно плодородный остров, открытый карфагенянами в океане. В битве при Кумах, где греки разбили этрусков, карфагеняне уже не участвовали. Союз Карфагена и этрусков распался, так же как пришёл конец морскому могуществу этрусков.

Находка в Пирги, о которой будут ещё много говорить и писать, как нельзя кстати совпала с подготовкой моей книги ко 2-му, этому, изданию. Она не только подтвердила очерченную мною систему международных отношений в первые десятилетия V в. до н. э., но и дала обоснование образу знатного этруска Мастарны. То, что в обрисовке этого персонажа было фантазией, получило документальное подтверждение. Двойника нашего Мастарны звали Тиберием Валианой. У меня даже возникла мысль дать моему герою новое имя. Но, поразмыслив, я решил: пусть он по-прежнему зовётся Мастарной. Читатель прочтёт послесловие и на этом примере поймёт специфику художественного произведения на исторические темы. Автор не обязательно должен создавать образы реально существовавших исторических лиц, но его во ображение, его фантазия не должны быть беспочвенными, они должны иметь историческую основу даже в том случае, если повествуется о самых тёмных, малоизвестных нам периодах истории.

Действие одной из частей повести развивается в Африке, притом в её глубинных районах. Может возникнуть вопрос, откуда я черпал сведения о жизни африканских племён в V в. до н. э. Мне помогли замечательные открытия последних де сятилетий в Сахаре. На скалах в юго-восточном Алжире найдена живопись, являющаяся созданием многих поколений охотничьих и скотоводческих племён. Это не только замечательный памятник первобытного искусства, но и превосходный исторический источник. Мы узнаём из него о занятиях древнейших обитателей Сахары, об их одежде, украшениях, верованиях.

Вас, мои читатели, наверное, интересует, существовала ли страна Атлантида, о тайне которой так много размышлял Мидаклит. Об Атлантиде человечество впервые узнало со слов известного древнегреческого философа Платона (427–347 гг. до н. э.), ссылавшегося на доступную ему рукопись мудреца и поэта Солона. По Платону, 12 тысяч лет назад в Атлантическом океане, где-то непосредственно за Столбами Геракла, находился огромный остров. Он был населён могущественным народом — атлантами, правители которых вели завоевательные войны на востоке и западе. Вскоре после войны с древнейшими обитателями Греции Атлантида со всеми своими жителями в течение одного дня и одной ночи погибла, опустившись на дно океана.

В описании обычаев затерянного в океане острова мы пользовались данными о таинственных гуанчах. По сведениям испанских и португальских мореплавателей, гуанчи, заселявшие Канарские острова, не умели строить ни лодок, ни плотов, словно испытывали панический страх перед морем. Учёные по-разному толковали этот обычай. Советский учёный Б. Л. Богаевский ещё в 20-х гг. высказал взгляд, что гуанчей отпугивало от моря воспоминание о катастрофе Атлантиды. Современный итальянский учёный А. Гаудио полагает, что гуанчи — потомки народа, ведшего на континенте оседлый образ жизни и занимавшегося земледелием. Насильственно оторванные от своей родины и посаженные на корабли завоевателей гуанчи были переселены на отдалённые острова. Эта гипотеза возникла благодаря сообщению одного греческого историка о том, что карфагеняне завладели островом в океане, поселив на нём людей, не умевших плавать по морям, чтобы они не могли дать знать о своём существовании ни одному мореплавателю.

В центре повествования находится образ Ганнона. Судя по периплу, это был человек выдающегося ума, замечательный политик, мореплаватель и учёный. Он не только основывает на побережье Африки колонии, но и совершает плавания с чисто исследовательскими целями. Его интересует как необычная природа, так и жизнь обитателей дальних стран. Впервые у Ликса он сталкивается с кочевниками-

скотоводами. В перипле сохранилась примечательная надпись: «У них мы оставались до тех пор, пока не стали друзьями». Из этого же документа мы узнаём, что ликситы сопровождали Ганнона в плаваниях и служили ему переводчиками. Не приходится сомневаться, что поддержка, оказанная Ганнону его новыми друзьями, во многом способствовала успеху экспедиции. И в то же самое время Ганнон был человеком рабовладельческой эпохи. В его сознании не укладывалось, что человечество сможет когда-нибудь обойтись без рабства. Помните, как он говорит в повести: «Мир — это корабль. Одним боги предназначили быть внизу и до самой смерти поднимать и опускать тяжёлые вёсла. Другим уготовили места наверху… Так было всегда, и так будет, покуда стоит мир». Теперь мы знаем, что это не так. Но не забывайте, что мы живём в эпоху, когда сила человеческих мышц заменена на кораблях силой пара, электричества и атома. А Ганнон жил в то время, когда нельзя было обойтись без тяжёлого труда прикованных цепями гребцов.

Я стремился также показать, что карфагеняне по отношению к местным племенам Африки выступали как поработители. И если мы не знаем о судьбе Ганнона, то нам известна судьба основанных им колоний. Они вскоре были разрушены местными племенами. Такая участь впоследствии постигла и других завоевателей, сменивших карфагенян, — римлян. Остатками их былого могущества являются развалины городов, полузасыпанных песками. Однако подвиг отважных мореходов, впервые открывших западный берег «чёрного материка», не может не вызвать у нас чувства восхищения.

Мужественные и стойкие карфагенские мореплаватели показали путь другим первооткрывателям Земли.

Р2

Н50

7-6-3

97-ЦЧб5

Александр Иосифович Немировский

ЗА СТОЛБАМИ МЕЛЬКАРТА

(Издание второе)

Для среднего и старшего школьного возраста

Редактор Т. Т. Давыденко

Худож. редактор С. Г. Ратмирова

Художник Ю. Зальцман.

Техн. редактор Г. Я. Баклыкова.

Корректор Л. М. Батищева.

Сдано в набор 14/IV 1965 г. Подписано в печать 28/X 1965 г.

Формат 60 х×84 1/16. Физ. печ. л. 15,25. Усл. печ. л. 13,88.

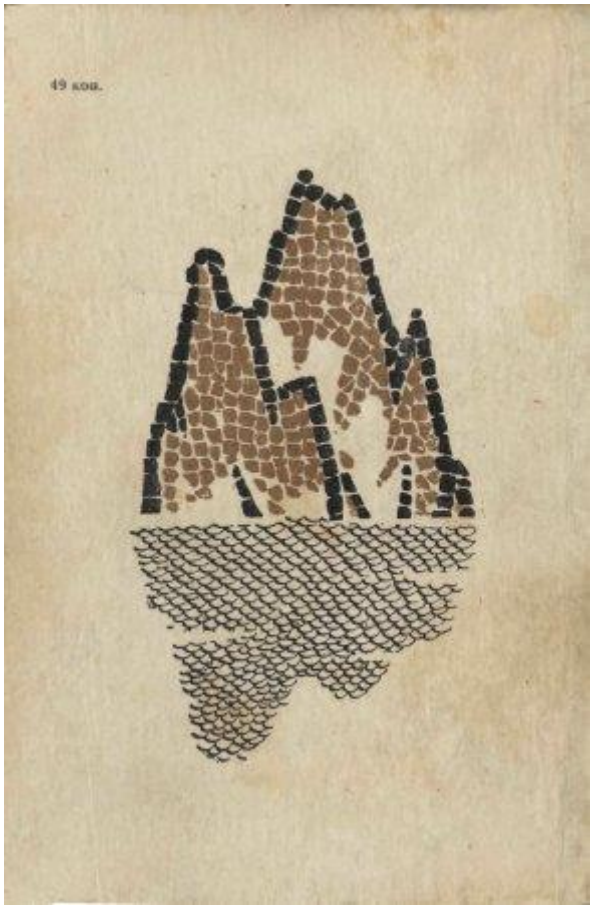
Уч-изд. л. 13,0.

Тираж 50 000 экз. Цена 49 коп. Заказ № 6469.

Центрально-Черноземное книжное издательство,

ул. Цюрупы, 34.

г. Воронеж, типогр, изд-ва «Коммуна», пр. Революции, 39.



Литература и астрономия

Рекордное число астрономических ошибок допущено в повести для детей А. Немировского «За Столбами Мелькарта» (М., Детгиз, 1959). Есть здесь и ошибки, связанные с созвездиями и отдельными звездами. Герои повести дважды наблюдают Сириус (летом и в сентябре) с вечера и в первой половине ночи, когда его нет на ночном небе. На стр. 75-й автор утверждает:

«Эти четыре звезды, чуть повыше и левее Большого Ковша, называются почему-то Вороном». Но Ворон — созвездие Южного неба, и поэтому расположен очень далеко от Большой Медведицы. На стр. 171-й герои повести фиксируют момент, когда созвездие Скорпиона зашло за горизонт, опередив созвездие Весов: «Где же Скорпион, Ворон, Дева? Как будто это Весы? Но раньше они были на юге, а теперь оказались на западе». На самом деле сперва за горизонт заходят Дева, Ворон (если он настоящий, а не вблизи Большой Медведицы). Весы, а потом уж Скорпион.

Поразительную новость сообщает нам А. Немировский в повести для детей «За Столбами Мелькарта»: «Это был самый удивительный рассвет, какой когда-либо встречали люди. Солнце всходило на западе» (М., Детгиз, 1959, стр. 172). Но это утверждение абсолютно неверно. Выше я уже пояснял, что и в Южном полушарии Земли Солнце, Луна, все планеты и звёзды всходят тоже на востоке.